

ТРОПОЮ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

ПАМЯТИ М. А. ДЭВЛЕТ

Институт археологии Российской академии наук
Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства

Труды САИПИ. Вып. XIII

ТРОПОЮ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ
Памяти Марианны Арташировны Дэвлет

Москва
2023

УДК 902/904

ББК 63.4

Т74

Издание подготовлено в рамках выполнения темы НИР ИА РАН
(№ НИОКТР 122011100061-5)

Отв. редакторы: канд. ист. наук Г. Г. Король, Е. А. Миклашевич

Редколлегия: канд. ист. наук Е. С. Леванова, докт. ист. наук О. С. Советова, канд. ист. наук М. Е. Килуновская

Рецензенты: канд. ист. наук С. В. Кузьминых, канд. ист. наук А. Н. Мухарева

Тропой тысячелетий. Памяти М. А. Дэвлет / Отв. ред.: Г. Г. Король, Е. А. Миклашевич. М.: ИА РАН, 2023. – 320 с.
Труды Сибирской Ассоциации исследователей первобытного искусства. Вып. XIII.

Сборник научных статей посвящен памяти Марианны Арташировны Дэвлет, выдающегося исследователя наскального искусства, археологии Южной Сибири и Центральной Азии, истории археологии и музейного дела Сибири. Сборник содержит статьи о М. А. Дэвлет и различных аспектах ее научной деятельности, статьи по актуальным проблемам изучения древнего искусства и материальной культуры, а также по истории археологии. Публикуются фотографии и другие материалы из архива М. А. Дэвлет. Хронологический охват публикуемых материалов – от неолита до средневековья, географический – Центральная и Северная Азия. Издание адресовано археологам, историкам, искусствоведам, музейным работникам и др.

ISBN 978-5-94375-430-2

DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2

В оформлении сборника использованы фотографии из архива М. А. Дэвлет, архивов Музея-заповедника «Томская Писаница», ИИМК РАН, ИА РАН, Э. А. Грешиковой, Е. А. Миклашевич, А. Н. Мухаревой, О. С. Советовой.

Фото на обложке: Лагерь экспедиции 1985 г. у подножия горы Устю-Мозага. Фото М. А. Дэвлет.

Фотопортрет М. А. Дэвлет на с. 3: М. П. Грязнов (Архив ИИМК РАН).

© Авторы статей, 2023

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт археологии Российской академии наук, 2023

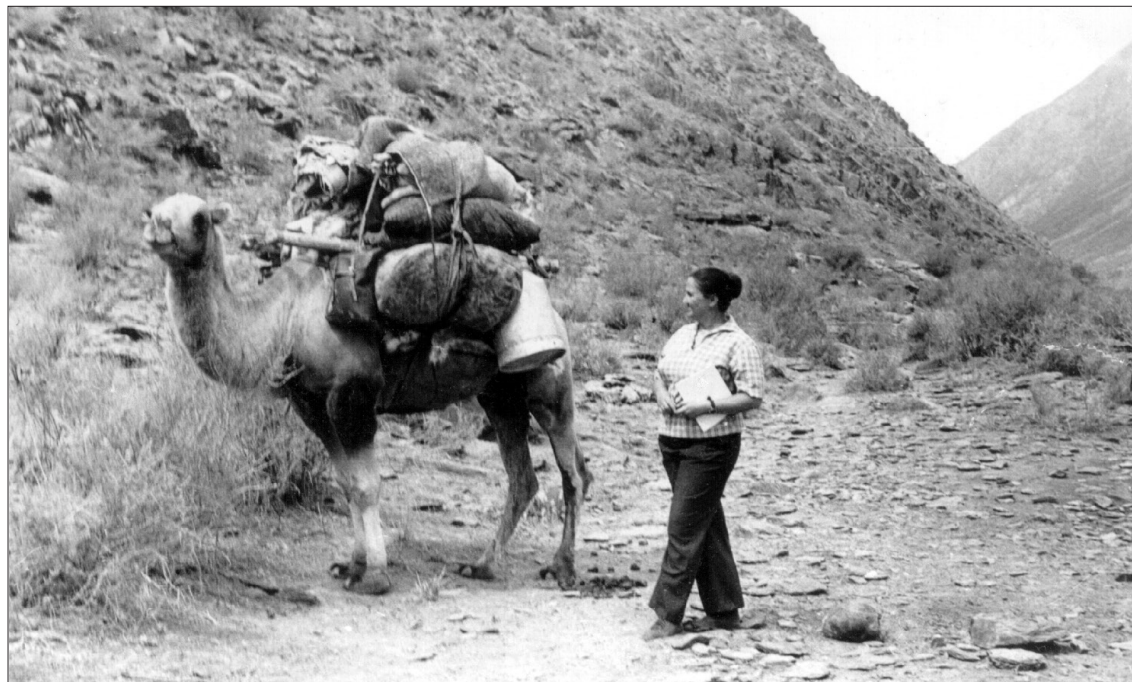
© Сибирская Ассоциация исследователей первобытного искусства, 2023

*Посвящается светлой памяти
Марианны Арташировны Дэвлет
13.06.1933 – 10.07.2021*

Увы, Тропа в непознанные тысячелетия, по которой долгие и счастливые годы шествовала Марианна Арташировна Дэвлет, оборвалась... Ее сердце перестало биться 10 июля 2021 года. Удивительный ученый, светлый человек, мать, вырастившая талантливую дочь, к сожалению, безвременно покинувшую наш мир, но внесшую огромный вклад в дело, начатое ее мамой...

Тропа, длиною в жизнь, увела юную Марианну Дэвлет в далекие 1950-е годы из стен Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, в котором она училась на историческом факультете, к неведомым памятникам Сибири, ставшими целью и смыслом ее жизни. Впервые в Южную Сибирь она отправилась на Большой Салбыкский курган вместе со своим наставником, научным руководителем С. В. Кисе-

левым, раскопками которого тот занимался в 1954–1956 гг. Изучению этого памятника была посвящена дипломная работа Марианны Арташировны. Первая печатная работа М. А. Дэвлет вышла еще в студенчестве и была посвящена погребальным сооружениям тагарской культуры. В 1957 г. исторический факультет МГУ был закончен, а в 1966 г. завершена учеба в аспирантуре Института археологии АН СССР и успешно защищена кандидатская диссертация «Племена бассейна среднего Енисея в раннем железном веке». Так уже со студенческих лет ею было отдано предпочтение исследованию археологических памятников бассейна Енисея, и эта любовь с годами не угасала.

Положительной чертой исследовательницы была разносторонность интересов: помимо «чистой» археологии, ее интересовали история науки,

древняя история, история музейного дела, изучение памятников наскального искусства. При работе с археологическими материалами исследовательницу всегда отличали глубокое знание предмета, умение подобрать аналогии изучаемым вещам, а при решении вопросов семантики провести аргументированные этнографические параллели. Следует особо отметить, что благодаря усилиям Марианны Арташировны Дэвлет были исследованы жизненный путь и научное наследие таких блестящих ученых, как Д. А. Клеменц, И. Т. Савенков, А. В. Адрианов (как и многих других), восстановлена историческая справедливость в отношении их судеб, за что ей низкий поклон.

С 1966 г. и до самых последних дней своей жизни Марианна Арташировна Дэвлет трудилась в Институте археологии Академии наук (сначала СССР, с 1991 г. – России). В 1967 г. «тропа» увела ее в Туву, которой после этого были посвящены долгие годы научной деятельности. Можно сказать, что в Туве она нашла свою главную «кочевую тропу», «листы каменной книги» которой читала многие-многие годы своей творческой жизни. «Каменный компас» выводил ее на лучшие памятники Саянского каньона, давал силы и вдохновение для документирования петроглифов и последующих научных публикаций. В 1969 г. Марианна Арташировна получила первый Открытый лист – на разведку в Тодже – и в течение семи лет изучала район, интересный своим местоположением на стыке таких значительных культурно-исторических областей, как Тува, Минусинская котловина, Прибайкалье и Монголия. Но уже с 1976 г. М. А. Дэвлет полностью переключилась с раскопок в Тодже на выявление и фиксацию петроглифов Саянского каньона. В этом же году в издательстве «Наука» вышла ее первая книга «Большая Боярская писаница» (до настоящего времени так и нет переиздания или новой публикации этого удивительного памятника).

Марианна Арташировна была неутомимой исследовательницей: несмотря на то что основные многолетние работы проводились в Саянском каньоне Енисея на памятниках, подлежащих затоплению после строительства Саяно-Шушенской ГЭС, она посетила множество писаниц обширного ареала: Хакасии, юга Красноярского края, Центральной и Южной

Тувы. Десятки местонахождений были открыты и исследованы при ее непосредственном участии. Нет, она не свернула со своей Тропы, она лишь обогатилась новыми знаниями и навыками работы на других памятниках наскального искусства.

Результатом многолетних трудов стали такие известные книги, как «Петроглифы Улуг-Хема» (1976); «Петроглифы Мугур-Саргола» (1980); «Петроглифы на кочевой тропе» (1982), «Листы каменной книги Улуг-Хема» (1990); «Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага)» (1998) и др., высоко оцененные коллегами. Марианна Арташировна становится признанным специалистом в области изучения памятников наскального искусства. В 1983 г. ею защищена докторская диссертация «Петроглифы Енисея». Это было обобщающее исследование о петроглифах Верхнего и Среднего Енисея на основе всех имевшихся к тому времени материалов. В научный оборот были введены многочисленные новые материалы, проведена реконструкция идеологических представлений населения данного региона с самой глубокой древности.

Благодаря трудам Марианны Арташировны формировался, а ныне успешно развивается самостоятельный раздел археологии, связанный с изучением памятников наскального искусства. Ее учениками ощущают себя даже многие из тех, кто никогда и не учился у нее непосредственно. Не только ее публикации, но постоянная личная забота, желание помочь как словом, так и делом множили ее авторитет и как большого ученого, и как большого человека, друга.

Этот сборник продолжает серию Трудов САИПИ, посвященных исследованиям ранних форм искусства. Символично, что начало ей было положено изданием в 2004 г. книги М. А. Дэвлет «Александр Васильевич Адрианов. К 150-летию со дня рождения» о деятельности этого выдающегося человека по изучению памятников наскального искусства, скрупулезно прослеженной Марианной Арташировной по бесчисленному количеству архивных источников и публикаций. Четвертый выпуск Трудов САИПИ был издан к 75-летию М. А. Дэвлет и назывался «Тропой тысячелетий» (2008). Двенадцатый выпуск «Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2)» (2019) был посвящен

памяти ее дочери, Екатерины Георгиевны Дэвлет (1965–2018 гг.). Продолжая традицию, хоть и вновь по столь печальному поводу, мы публикуем статьи коллег и учеников Марианны Арташировны в 2023 г., который стал бы для нее юбилейным.

Задумываясь о формате публикации, редколлегия руководствовалась тем, что хотелось собрать материалы, наиболее близкие научным интересам Марианны Арташировны как археолога, исследователя наскального искусства и историка музейного дела. В сборнике представлены статьи мемориального, биографического, историографического характера (воспоминания, фотографии, обзоры экспедиционной, научной и организационной деятельности М. А. Дэвлет, а также концептуальный анализ ее работ). Другой блок составляют статьи по актуальным исследованиям погребальных и изобразительных памятников Тувы, Хакасии, Красноярского края, Урала, Забайкалья, Чукотки и Монголии.

В процессе подготовки сборника и выставки, посвященной 90-летию со дня рождения Марианны Арташировны, была начата работа по научно-технической обработке обширного архива исследовательницы. Он включает в себя копии и прорисовки петроглифов, чертежи, таблицы, полевые дневники, рукописи, фотоотпечатки, фотонегативы, диапозитивы и др. документы. Систематизацию и оцифровку архива проводят сотрудники Центра палеоискусства Института археологии РАН и Музея-заповедника «Томская Писаница» (в него передаются материалы на хранение).

Архив представляет несомненную ценность как для изучения научного наследия М. А. Дэвлет, так и для археологии тех регионов, где она проводила исследования. Прежде всего речь идет о той части фотоархива и архива копий, которая отражает результаты работ 1974–1985 гг. по изучению петроглифов Енисея в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Несмотря на то что Марианна Арташировна успела при жизни опубликовать практически все материалы своих экспедиций и тем самым сохранить в статьях и монографиях уже недоступные памятники для потомков, в архиве есть и такие материалы, которые не вошли в публикации. Кроме того, не полностью опубликованными остались материалы по раскопкам в Тодже. Большую ценность представляют обширнейшие

подборки артефактов по археологии Минусинской котловины из разных музеев, в том числе – по керамике тагарской культуры.

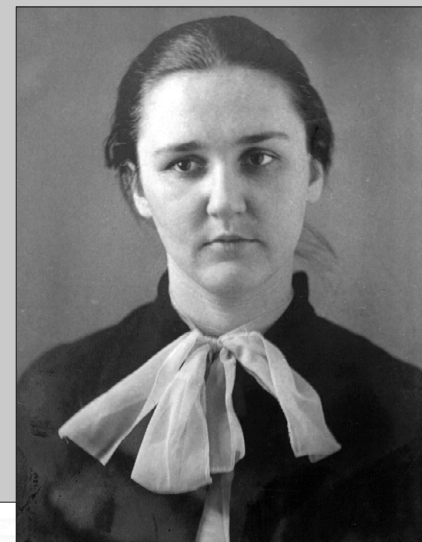
Вообще, при разборе архива нас поразило огромное количество фотоматериалов. Марианна Арташировна была прекрасным фотографом и начиная со студенческих лет неустанно фиксировала на пленку археологические коллекции и экспозиции музеев по всему Советскому Союзу, достопримечательности и пейзажи, семью, друзей и коллег, экспедиционный быт, и конечно же, наскальные изображения Енисея. Мы не устаем поражаться проделанной ею работе. Многие серии фотографий на самые разные темы достойны быть представленными на выставках и в фотоальбомах. Часть из этого обширного фотонаследия мы публикуем на страницах сборника, в том числе в качестве иллюстраций к статьям. В этих снимках столько любви и восхищения красотой степей и гор, изображений на скалах и курганных камнях. Когда-то Марианна Арташировка писала: «Наскальные рисунки... – это живописный рассказ прошлых поколений о самих себе». Ее фотолетопись – это живописный рассказ о тех годах, свидетельство жизни удивительного поколения исследователей, которое безвозвратно покинуло нас.

Пуста тропа. Но фотографии и статьи наполняют эту книгу, посвященную памяти М. А. Дэвлет, дыханием Жизни, пейзажами ее любимой Тувы, искусством на скалах, голосами и лицами людей, окружавших нашу незабвенную Марианну Арташировну на протяжении всей ее насыщенной и плодотворной жизни. Тематическое разнообразие представленных в сборнике материалов лишь в незначительной степени отражает широту научных интересов исследовательницы на ее долгом творческом пути.

Vita brevis, ars longa...

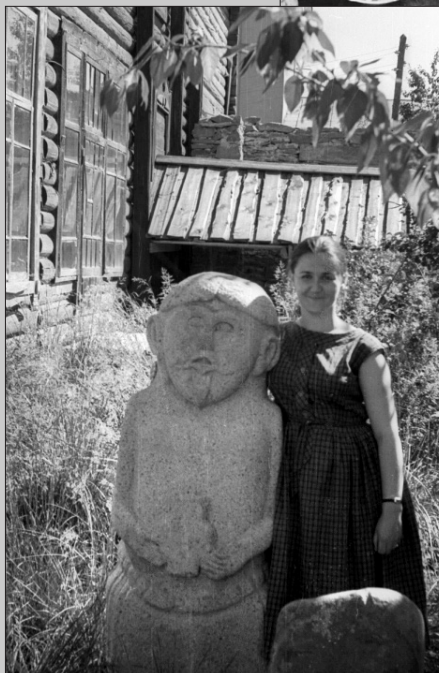
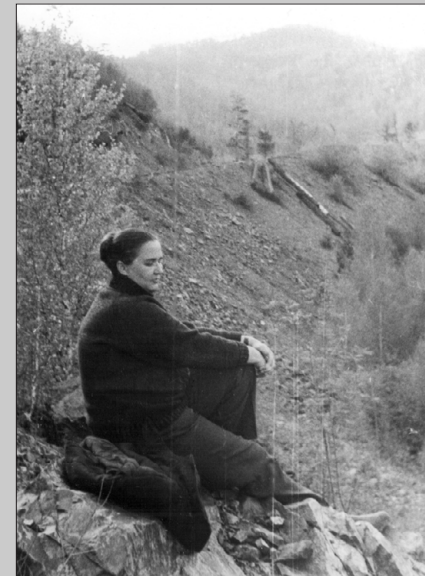
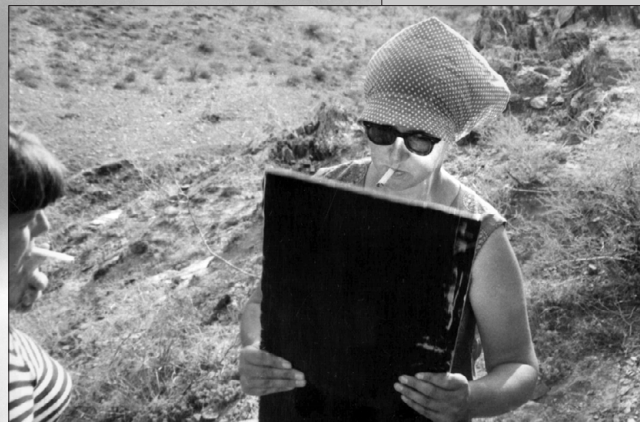
Фото из архива М. А. Дэлет

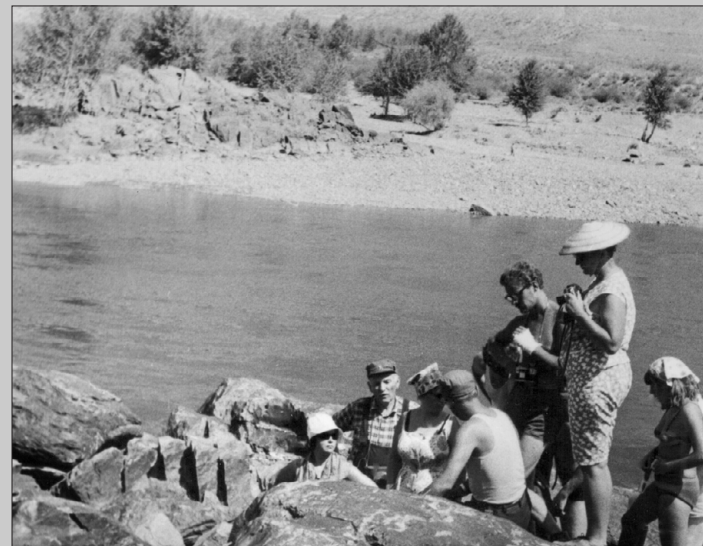
Тува, Элегест. На заднем плане – лагерь экспедиции Л. Р. Кызласова. 1960 г.

Тува, Саглы. В экспедиции А. Д. Грача. 1968 г.

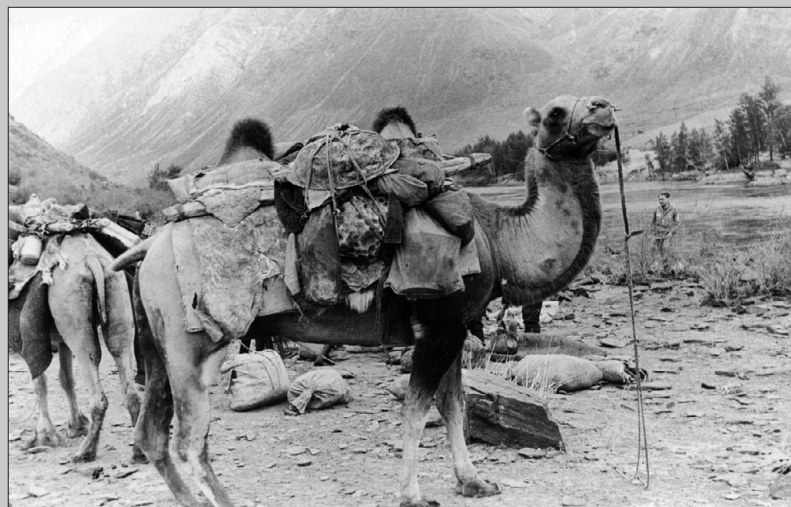
Кызыл. Стеларий у музея. 1960 г.

Фотографии М. П. Грязнова.
Слева и в центре: Тува, Уюк, 1971 г.
Справа: в Ленинграде.
На трех фото – М. П. Грязнов.
Архив ИИМК РАН; архив М. А. Дәвлет.

На «Дороге
Чингисхана».
Фото: М. А. Дэвлет.

Слева сверху:
Аржан-Суу, Чуйский
тракт, Алтай.

Слева внизу:
Левый берег Чинге.
1984 г.

Справа внизу:
Защита докторской
диссертации. 1983 г.

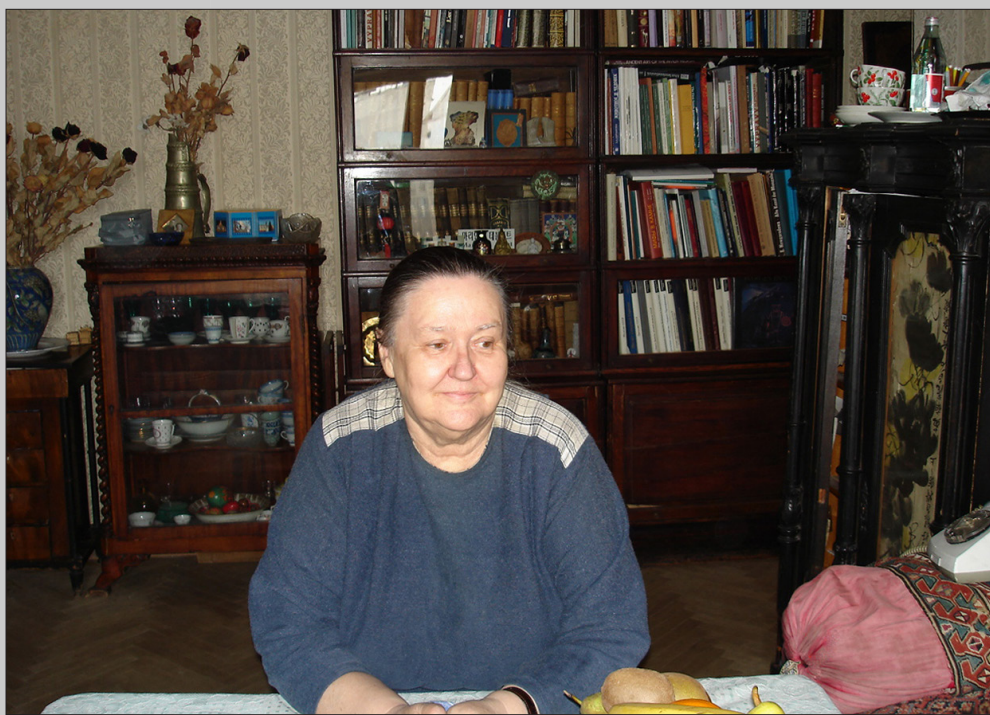

Фото из архива
Э. А. Грешникова.
Слева сверху: Е. Г. и
М. А. Дэвлет за работой,
вторая половина 1990-х
годов.
Справа сверху:
с Г. Г. Ершовой,
конец 1990 – нач. 2000-х
годов;
Внизу: всей семьей,
2005, 2006 гг.

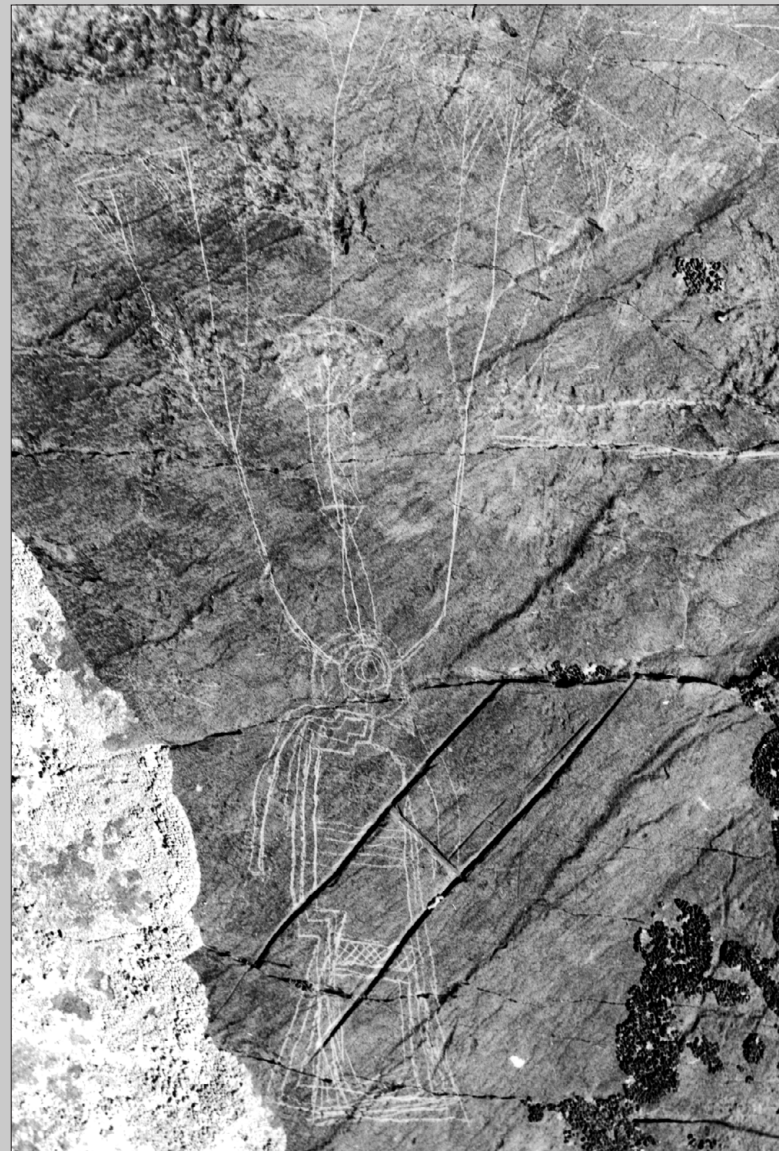
Слева: фото из архива М. А. Дэвлет.
Справа сверху: в Представительстве Республики Тыва в Москве, 2009 г., фото: А. Н. Мухарева.
Справа внизу: в гостях у М. А. Дэвлет, 2017 г., фото: О. С. Советова.

14

Правый берег Чинге. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

Оргаа-Саргол. Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

Г. Г. Король

Институт археологии РАН, Москва, Россия

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.15-25>

ДУХОВНЫЙ АСПЕКТ ДРЕВНЕГО ИСКУССТВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ М. А. ДЭВЛЕТ И ВОЗМОЖНОСТИ ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН (№ НИОКТР 122011100061-5)

Рассмотрены основные этапы важнейшего в научном творчестве М. А. Дэвлет, последовательного представителя «мифологической школы», подхода к изучению наскального искусства как многообразного комплекса культурно-мировоззренческих и эпических проявлений духовной культуры прошлого разных эпох в Центральной (Внутренней) Азии. Этапы разработки лейтмотива научных изысканий исследовательницы хронологически можно обозначить весьма условно, ибо в содержательной части они в той или иной степени «накладываются» один на другой. На примере работ М. А. Дэвлет, оценена возможность привлекаемых ею в первую очередь фольклорных источников (шире – и этнографических материалов), а также сопоставлена результативность такого исследовательского подхода к наскальному искусству (на обширном опыте М. А. Дэвлет,) и к средневековому декоративно-прикладному искусству «торевтики малых форм» из цветного металла того же региона. Подход в обоих случаях по-своему результативен, но при изучении наскального искусства он представляется в максимальной степени эффективным.

Ключевые слова: М. А. Дэвлет, научное наследие, наскальное искусство, средневековая «торевтика малых форм», семантика изображений, фольклорные и этнографические источники, Центральная (Внутренняя) Азия, Саяно-Алтай

Разнообразное научное творчество Марианны Арташировны Дэвлет еще ждет детального изучения. Но первые и при этом глубокие обобщения уже были сделаны в юбилейных изданиях – к 75-летию исследовательницы [Мартынов, 2008; Советова, Китова, 2008] и к ее 80-летию [Савинов, Длужневская, 2013]. Авторы, оценивая вклад Марианны Арташировны в развитие археологии, и в первую очередь изучение древнего искусства, проявленного в петроглифах, выделяют несколько основных

направлений. Одни формулируют их кратко, рассматривая наполнение каждого в самом общем виде: 1) периодизация, стилистические признаки каждой эпохи, ареалы древнего искусства; 2) семантика наскальных изображений; 3) расшифровка наиболее выразительных сюжетов и композиций наскального искусства Центральной Азии [Савинов, Длужневская, 2013, с. 152, 153]. Другие, выделяя по сути эти же основные направления, добавляют ряд следующих: 1) основные ареалы наскального искусства; 2) методика полевых исследований наскальных изображений; 3) сохранение памятников наскального искусства; 4) публикация новых материалов; 5) периодизация и хронология наскальных изображений Енисея; 6) семантика петроглифов [Советова, Китова, 2008, с. 21–23].

Названные авторы (как и многие другие, обращающиеся к смысловому содержанию разных видов древнего искусства) отмечают, что вопросы семантики – самая дискуссионная тема, но именно она привлекает практически всех исследователей. Марианна Арташировна, по мнению ученых, – яркий и наиболее последовательный представитель так называемой мифологической школы. Это позволяет ей привлекать все возможные фольклорные источники, в том числе эпические материалы, а также реальные сведения «недавнего» этнографического времени, зафиксированные этнографами. Вниманием к духовному аспекту древнего искусства пронизаны практически все работы М. А. Дэвлет на протяжении ее научной деятельности, это действительно «своего рода исследовательский лейтмотив», по словам А. И. Мартынова. Он же подводит точный и емкий итог этому направлению: «Своими исследованиями Марианна Арташировна *постепенно и настойчиво* (выделено мною. – Г. К.) под-

водит нас к выводу о том, что наскальное искусство – это всего лишь материализованная и дошедшая в таком виде часть сложнейшего комплекса культово-мировоззренческих и эпических действий духовной культуры прошлого, многокомпонентной и сложной, символической, многофункциональной и информативной, тесно связанной с природой, несущей в себе как общечеловеческие ценности, так и соответствующие хронологическим периодам и региональным особенностям» [Мартынов, 2008, с. 27].

Задача настоящей работы – кратко проследить основные этапы этого «постепенного и настойчивого» продвижения «лейтмотива» научных исследований М. А. Дэвлет, позволяющего приоткрыть духовный аспект древнего искусства, один из самых увлекательных и загадочных. Кроме того – на примере работ Марианны Арташировой оценить возможности привлекаемых ею в первую очередь фольклорных источников (шире – в комплексе с другими сведениями, позволяющими судить о мировоззрении древнего населения), а также сопоставить результативность такого исследовательского подхода к наскальному искусству (на опыте М. А. Дэвлет) и к средневековому искусству «торевтики малых форм» того же региона.

Этапы разработки лейтмотива научных изысканий М. А. Дэвлет хронологически можно обозначить лишь условно, ибо в содержательной части они в той или иной степени «накладываются» один на другой по времени. Относительно основной линии наполнения этих этапов можно высказать следующие соображения.

Первый этап – выделяются крупные направления.

1а. Публикация новых материалов (отмечено О. С. Советовой и Л. Ю. Китовой, см. выше) отдельных конкретных памятников [Дэвлет, 1976, 1982в]* и их обобщение в диссертационной работе [Дэвлет, 1982б]. При этом иногда в отдельной небольшой публикации рассматриваются лишь образы конкретного памятника [Дэвлет, 1982а].

1б. Обзор памятников и систематизация образов, реконструкция древних представлений. При изучении репертуара образов на петрогли-

* Ссылки даются на основные работы, задача перечислить все не ставилась.

фах, их интерпретации, поиске семантических решений исследователь обращается в первую очередь к традиционному мировоззрению местного населения, сохранившего в недавнем прошлом отголоски древних представлений, что зафиксировано фольклористами и этнографами [Дэвлет, 1980, 1998]. В работах рассматриваются семантика образов, в том числе вопросы этнографической традиции, корни которой иногда уходят вглубь веков («мистерия цам» северного буддизма-ламаизма и личины-маски на скалах), а также древних (и традиционных) представлений (о пространстве и времени, вселенной) и верований, генезиса шаманизма. Привлекаются материалы о верованиях не только тюркских, но и других народов Сибири и Евразии, а также иных континентов (Австралии, Африки).

Эпические произведения тоже иногда привлекаются, но в основном как возможность подтвердить цитатой ту или иную вероятную параллель [Дэвлет, 2004]. Использование этого материала во многом зависит от самих эпосов. По мнению специалистов, они создавались как в эпоху ранних кочевников, так и (особенно интенсивно) в период раннего средневековья* (подробно обзор мнений со ссылками на труды см. [Король, 2008, с. 13–16]). Об этом свидетельствуют и значительный архаичный пласт этих произведений устного народного творчества, и структурный и образный аспекты его раннесредневекового пласта. Это касается, прежде всего, героических сказаний (эпоса) народов Саяно-Алтая и в первую очередь населявших Средний и Верхний Енисей – регион основного профессионального интереса М. А. Дэвлет как исследователя наскального искусства.

На этом этапе творчества ученого публикуются и научно-популярные издания, раскрывающие для всех интересующихся таинственным и непонятным (чем, по сути, представляются древние изображения непосвященному зрителю) загадочные «картинки» и целые «полотна» на скалах

* Отметим, что М. А. Дэвлет рассматривала гунно-сарматскую эпоху как период сложения героического эпоса [Дэвлет, 1982б, с. 44], но детально этот вопрос, естественно, не поднимала и, возможно, имела в виду эту культурно-историческую эпоху как один из этапов сложения эпоса.

[Дэвлет, 1990а, б]. Материалы, опубликованные на русском языке, в сокращенном и тоже достаточно популярном виде, представляются зарубежному читателю в начале 2000-х годов в тезисах конференций или информационных бюллетенях международных организаций на английском языке (в соавторстве с Е. Г. Дэвлет)*.

2. *Мифологические образы как особый аспект исследований.* В рамках этого направления усилия М. А. Дэвлет концентрируются на семантике образов и выделяемых ею на основе исследованного и уже обработанного или находящегося в процессе обработки конкретного материала мифологических сюжетах. Предлагаемые догадки и версии интересны и вполне аргументированы. Многие сцены трактуются на основе известных мифов, широко привлекаются героический эпос, легенды и сказки тюрко-монгольских народов, а также этнографические материалы. Основные сюжеты выделены на основе антропоморфных, зооморфных и солярных образов [Дэвлет, 1990в, 1992а, б; 1997, 2000; Дэвлет Е., Дэвлет М., 2004]. Некоторые объекты обихода (одежда, жилища) и пр. также рассматриваются в мифологическом контексте, что отмечено О. С. Советовой и Л. Ю. Китовой [2008, с. 22]. Кроме того, некоторые образы (например, личины-маски) анализируются в контексте древних культурных связей [Дэвлет, 1978а; Дэвлет М., Дэвлет Е., 2006], а также как одна из возможных составляющих культурной основы формирования северного буддизма-ламаизма [Дэвлет, 1978б, 1979]. По материалам петроглифов с отсылкой к шаманской практике и атрибутам, известным по этнографическим данным, исследуется генезис сибирского шаманства [Дэвлет, 1996]. Публикуются и научно-популярные статьи, например, в выпусках изданий «Атеистические чтения», «Сила духа»**.

Второй этап – обобщение образов и сюжетов изученных петроглифов по их смысловому наполнению (семантике) на основе предыдущего этапа выделения духовного аспекта в целом как одного из центральных, лейтмотива исследований М. А. Дэвлет. Фольклорные источники, в том числе эпическое наследие тюрко-монгольских народов, а также этногра-

фические данные, свидетельствующие о религиозно-мифологическом мировоззрении древнего человека, использованы максимально. Кроме того, выделяются ареалы концентрации петроглифов в нашей стране (совместно с Е. Г. Дэвлет), в том числе такого насыщенного памятниками, как Верхний и Средний Енисей (Тува и Минусинская котловина). Этот этап отражен в ряде публикаций, наиболее полно и концентрированно – в нескольких (совместных с Е. Г. Дэвлет) публикациях: монографиях [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2000, 2005] и статьях (см., например: [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2006]).

Обе монографии с очевидной полнотой проанализированы О. С. Советовой в вышедших в разных изданиях рецензиях [Советова, 2003–2004; 2006]. Книги по содержанию в какой-то степени перекликаются, но, естественно, более поздняя наполнена и некоторыми новыми сюжетами, и новыми иллюстрациями (в части исследования мифологических сюжетов и тем). В обеих книгах детально и глубоко представлены практически все темы, разрабатывавшиеся автором на первом этапе (по представленной выше систематизации): проблемы мифологического восприятия мира древним человеком, складывания общечеловеческих архетипов; проблемы мировоззрения, мировосприятия; проблемы шаманизма и оценки скоплений изображений на скалах как неких культовых центров, неразрывно связанных с природой вокруг, проблемы связи наскального искусства эпохи бронзы с зарождением мировых религий (северный буддизм/ламаизм и зороастризм).

В данных работах с максимальной полнотой привлечены все возможные фольклорные источники (мифы, легенды, предания и пр.), в том числе эпические, а также этнографический материал, позволяющий умозрительно, но все же достаточно убедительно реконструировать духовный мир древних людей, создававших как отдельные мотивы и образы, так и композиции, и целые «панно», своего рода большие окна, предоставляющие возможность заглянуть в этот духовный мир через искусство. Работы малого формата (статьи, заметки, тезисы) не позволяли автору показать возможности привлекаемых для реконструкции источников в максимальном объеме. А вот книги такого насыщенного

* Подробней см. Марианна Арташировна Дэвлет..., 2014, с. 46, 47.

** Марианна Арташировна Дэвлет..., 2014, с. 36, 37, 40, 41.

содержания вполне позволяют это сделать, что дает полное основание в той или иной степени убедительности аргументировать все предположения автора.

Относительно первой книги рецензент справедливо отмечает, что работы такого уровня, основанные на глубоком и всестороннем анализе изобразительного материала, с привлечением убедительных аналогий, использованием этнографического материала, а также фольклора, эпоса и всех других данных, способных «приоткрыть завесу над тайнами духовной жизни первобытного человека», только и могут хоть как-то продвинуть семантическое осмысление наскальных изображений – «неисчерпаемую тему» [Советова, 2003–2004, с. 77]. Относительно второй – «подведены итоги длинного пути поисков возможных решений», при этом книга настолько увлекательна, что читается «на одном дыхании» [Советова, 2006, с. 161]. Замечу (в том числе на собственном опыте), что она реально стала настольной для многих исследователей не только наскального, но и других видов древнего искусства.

На этом же этапе публикуются на английском языке как статьи по отдельным мифологическим мотивам с привлечением аналогий и этнографического материала [Devlet E., Devlet M., 2002], так и интерпретация скоплений изображений на отдельных памятниках, например Алды-Мозага*.

Третий этап – выделяются, как и на первом этапе, крупные направления.

1. Публикация памятников Верхнего Енисея и обобщение (совместно с Е. Г. Дэвлет) *изучения петроглифов Северной и Центральной Азии* [Дэвлет, 2009; Дэвлет Е., Дэвлет М., 2011]. Монография 2011 г. определенно имеет научно-популярную направленность. В большой первой главе доступным языком и подробнейшим образом представлена история изучения наскального искусства Северной и Центральной Азии, а последняя, пятая глава также подробно освещает вопросы сохранения и популяризации наскального искусства как части историко-культурного наследия.

* См. работы М. А. Дэвлет, изданные в Нью-Йорке в 2001 и 2002 гг. как две части одной большой работы [Марианна Арташировна Дэвлет..., 2014, с. 44, 45].

Кроме того, в конце книги дан небольшой список научно-популярной литературы о наскальном искусстве в целом. Остальные главы посвящены собственно вопросам исследования петроглифов – обзор памятников*; очерки семантики; древние верования: к проблеме шаманизма, ламаизма, зороастризма.

2. Обращение к уже выделенным ранее направлениям исследования духовного аспекта наскального искусства на основе наработанного в рамках первых двух этапов авторского мифологического подхода, ставшего лейтмотивом исследований на протяжении многих лет, *а также рассмотрение отдельных нюансов этого аспекта.* Данное направление этапа трудно выделить хронологически. Оно фактически разрабатывалось параллельно со вторым этапом. Но все же большее внимание обозначенным вопросам второго направления заключительного этапа уделено именно в последние годы активной научной деятельности Марианны Арташировны.

Эти вопросы могут быть связаны с происхождением тех или иных образов в наскальном искусстве региона, с их развитием (стилистическими изменениями) во времени, сохранением отголосков их возможного смыслового наполнения в этнографических материалах [Дэвлет, 2011а, 2013а]. Автор вновь обращается к образам наскальных изображений, соотносимым с космогоническими мифами, обобщая их и дополняя новыми материалами и соответствующей интерпретацией [Дэвлет, 2011б, 2012а]. Вновь поднимаются вопросы мировоззрения и мировосприятия древнего человека [Дэвлет, 2011в, 2012б]. Как и на предыдущих этапах, мифологические мотивы в наскальном искусстве сопоставляются с архаической устной традицией, широко привлекается фольклорный материал разных регионов, в том числе эпические сказания, сказки и пр.

Это направление отражено в основном в статьях, в том числе в специализированных журналах о природе, по мировоззренческой и религи-

* Глава сопровождается цветными фотографиями памятников, изученных не только М. А. Дэвлет, но и другими известными учеными. Представлены также материалы последних к тому времени исследований Е. Г. Дэвлет на Верхнем Амуре и Чукотке.

озной тематике, некоторые – в местных изданиях. Ряд статей написан в соавторстве [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2014, 2016, 2017]. Отметим работу 2016 г., в которой рассмотрен основной пласт мифологических мотивов, подробно раскрытый ранее в фундаментальном труде предыдущего этапа [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005], но теперь привлечены новые материалы и исследования последних лет в разных регионах Северной Азии (Казахстан, Верхний Амур и др.). Вновь перед нами проходят образы космогонических мифов, мировое дерево, зооморфные образы, солярные изображения, транспортные средства, антропоморфные космогонические персонажи, в том числе женщины, охотник-лучник – культурный герой (мотив преследования солнца).

Возможности фольклорных источников при изучении изобразительных памятников. Лейтмотив творчества М. А. Дэвлет, обращенный к духовному аспекту древнего искусства, на определенном этапе был поддержан Е. Г. Дэвлет и развивался в соавторстве. Это направление показывает, что все многообразие фольклорных источников, зафиксированных в устной традиции и записанных этнографами или сохранившихся в письменных источниках, при заинтересованном отношении в них и умелом использовании может быть надежной основой для исследователя наскального искусства при интерпретации образов и аргументации выдвигаемых предположений. Марианна Арташировна во многих своих работах методично из книги в книгу, из статьи в статью продвигала этот исследовательский подход, отмечая его чрезвычайную важность при работе с таким не всегда понятным просто при фиксации и первичной систематизации изобразительным источником, как петроглифы. Этот подход к использованию фольклорного материала – всегда очень осторожный, с учетом нелинейности связи словесных текстов и изобразительного источника, изучаемого археологами.

Отмечается (со ссылками на работы специалистов по первобытной мифологии), что текст фольклорный и «текст» изобразительный кодируют единый художественный образ в разных знаковых системах. И если словесный текст мог со временем претерпевать изменения, то изобразительный фиксирует образ, сложившийся на момент нанесения его на

скалы. В нем отражен определенный хронологический срез. Как и другие изобразительные памятники, наскальные композиции могут представлять неизвестные или сильно видоизмененные (по сравнению с устной традицией, зафиксированной в письменных источниках) версии мифа, стадияльно более ранние, более архаические, имеющие древнейшие традиции и истоки [Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, с. 89, 90; 2016, с. 105].

Использование фольклорных источников и этнографических материалов позволило М. А. Дэвлет успешно показать на конкретных изобразительных памятниках, насколько мифологичным было восприятие мира древним человеком. Ею в разных работах была представлена настоящая галерея «мифов и легенд, запечатленных на скалах», раскрыты некоторые вопросы мировоззрения людей, оставивших наскальные изображения, – модель вселенной, представления о душе и круговороте жизни. И значительный результат рассматриваемого исследовательского подхода – проникновение в глубины происхождения шаманизма и генезиса некоторых религий. Общий итог впечатляющий.

Хочется отметить один эпизод в творчестве М. А. Дэвлет – именно он соединил наши исследовательские интересы. О глубоком изучении эпосов Марианной Арташировной я, естественно, знала из ее работ. Кроме того, в своей работе я не раз обращалась к ней не только за советом и некоторыми «подсказками», но и за конкретными томами, стоявшими на полках ее домашней библиотеки. Марианна Арташировна собирала опубликованные мифы и эпические произведения не только саяно-алтайских, но и других народов Сибири, а также и разных народов мира. Мы с ней обсуждали, как тщательно приходится штудировать эпические сказания при обращении к ним. И каждый сюжетный поиск требует нового просмотра произведений, относящихся к региону основного научного интереса.

Когда Марианна Арташировна работала над статьей о «ламповом» знаке на вершине горы Устю-Мозага в Туве [Дэвлет, 2013б] и обсуждала со мной эту тему, я узнала, что она следит за моими публикациями по средневековой «торевтике малых форм» из цветного металла, в которых тоже привлекается эпос и затрагиваются некоторые вопросы, актуальные

и для ее исследования. М. А. Дэвлет в этой статье нарисовала буквально эпическую картину возможной версии исторического момента, в котором появился на скале этот знак. «Воображение рисует картину: воин-победитель, выходец из северной Хакасии, преодолев с боями самый короткий зимний путь из Хакасии в Туву по льду Енисея, поднялся на доминирующую на местности гору Устю-Мозага – скалистый утес, у подножия которого бурлил огромный водоворот – Чингенская, или Большая воронка. В качестве символа победы над уйгурами и наступления долгожданного мира наш герой вырезал на вершине грозного утеса свою родовую тамгу – “ламповый знак”. Полагаю, не случайно этот воин поместил рядом с “ламповым” знаком фигуру феникса – волшебной птицы, сопутствующей миру и процветанию» [Дэвлет, 2013б, с. 25, 26]. Исследовательница могла не только проникнуть в глубину мировоззрения и мифического восприятия мира древним человеком, но и представить реально возможный эпизод раннесредневековой истории енисейских кыргызов.

Обращение в поисках аналогий к предметам мелкой металлической пластики в процитированной выше статье – не исключительная ситуация для М. А. Дэвлет. Такие предметы интересовали ее как сами по себе [Дэвлет, 1966], так и в качестве аналогий [Дэвлет, 1992б, 2011а; Дэвлет Е., Дэвлет М., 2005, с. 262–265, рис. 194, 195].

Мною в исследованиях «торевтики малых форм» из цветного металла с характерным декором конца I – начала II тыс. Саяно-Алтайского региона не раз привлекались фольклорные (прежде всего эпические сказания тюрко-монгольских народов) и этнографические материалы. Выше упомянута помощь Марианны Арташировны в поисках нужных публикаций эпического материала. Хочется отметить: несмотря на то, что академические издания эпоса со всем необходимым справочным аппаратом, по-видимому, уже дело прошлого, все же интерес к изучению фольклора в широком смысле, включающего и героический эпос, сохраняется. Так, по хакасскому фольклору издан солидный библиографический указатель [Хакасский фольклор..., 2022], ведутся и другие исследования [Ефимова и др., 2017; Шулбаева, 2021]. Алтайский и тувинский фольклор (его состояние на современном этапе, итоги изучения и пр.) также остается

в поле зрения отдельных исследователей (см., например: [Наева, 2010; Арпентьева, 2016; Орус-оол, 2016; Телеутский фольклор, 2020]).

Возвращаясь к своему опыту, отмечу, что фольклорный материал анализировался не только с целью поиска вербальных аналогий изобразительным образам, иногда сюжетам, но также изучался вопрос возможности сопоставления устного и изобразительного видов народного искусства. Этот вопрос не раз ставился исследователями, в первую очередь фольклористами и этнографами, археологи также были не чужды этой проблематике*. Относительно средневековой торевтики малых форм Саяно-Алтая, представленной преимущественно ремennыми украшениями всадника, отмечено, что структурные элементы ее декора (растительный, зооморфный, антропоморфный типы) дают разные возможности для сопоставления с фольклорными материалами (подробней о возможности сопоставления с эпосом см. [Король, 2008, с. 23–29; Король, Наумова, 2018]).

Наибольший интерес, конечно, представляют антропоморфно-сюжетные изображения, которых чрезвычайно мало. Основная особенность ремennых украшений – их «наборность», дающая возможность «составления сюжета» накладками с одиночными персонажами. Реконструируемые условные «сюжеты» декларативны, им нет соответствий в частных сюжетах эпоса тюрко-монгольских народов Саяно-Алтая, но они есть в традиционном мировоззрении, мифологии. Иконография образов на первый взгляд внешне чужда культуре тюрков, но им можно найти некоторые соответствия в традиционном мировоззрении, известном по памятникам древнетюркской письменности и этнографическим данным, записям устных обрядовых и фольклорных образцов, эпосу. Иконография изображений заимствована, но служит инструментом воплощения в изобразительной форме (или объяснения через нее) собственных идей.

Представляется, что «сюжет» создавался или, возможно, заказывался не ради того, чтобы зафиксировать устные предания, легенды, эпические песни, а тем более жанровые сцены, или чтобы просто украсить, скажем,

* Разные мнения на эту тему, рассуждения и ссылки на литературу см. [Король, 2008, с. 13, 14].

пояс (в культуре многих народов он важен сам по себе, имеет особый статус и значение). Делалось это, возможно, в целях наглядного проявления, а значит усиления той или иной семантической нагрузки, которую несло изображение. Подчеркнем, что понимать сюжет мастер, его создавший, и владелец готового изделия могли по-разному, так как они могли быть этнически разного происхождения. Изначальная семантика сюжетов могла переосмысливаться и трактоваться по-новому.

Зооморфные изображения в декоре торевтики малых форм Саяно-Алтая в количественном отношении также незначительны, как и антропоморфные. По мнению В. А. Кореняко, для задач интерпретации анималистики в декоративно-прикладном искусстве древних кочевников (на примере скифо-сибирского звериного стиля) фольклорные зооморфные образы и мотивы неинформативны [Кореняко, 2002, с. 80–84]. Выделенные им особенности зооморфных мотивов в тюрко-монгольском фольклоре, и в первую очередь лаконичность вплоть до простого упоминания животных или птиц, описание зооморфных изображений как декора бытовых объектов, снаряжения героя и т. п., многочисленные сравнения, в которых используются зооморфные образы, отсутствие деталей – прекрасно соответствуют, на наш взгляд, стилистике зооморфных изображений в раннесредневековом декоративно-прикладном искусстве.

Как и в эпосе, в декоре мы видим разнообразный, но вполне определенный набор образов, они статичны и малоинформативны. Можно назвать только самое общее видовое имя; лишь парные изображения животных у «древа» да «летающих» (в том числе над горами) оленей (с крыльями и без них) можно сопоставлять с какими-то мифическими представлениями или эпическими сюжетами. Но конкретности мы все же никогда не отыщем, так как зооморфные образы в рассматриваемых памятниках декоративно-прикладного искусства – зачастую именно образы или символы. Объединяет оба вида искусства как раз простое наличие определенных видов животных и птиц, некоторое совпадение систематики, но главное – мифический пласт, который также богат такими образами.

Отметим следующие черты в декоративном искусстве, перекликающиеся с эпическими произведениями: образы животных с фантастичес-

кими чертами; популярность образа летящей водоплавающей птицы, характерного элемента мифологии тюркских и других народов Сибири; фиксируемая связь с растительными мотивами, явно смысловое сочетание образов животного мира и растительности в одном сюжете; образ всадника, главного героя не только жизни общества, ведущего частые войны, но и всех эпических произведений. Судя по этим характеристикам, именно мифологический пласт и сам жизнеутверждающий дух произведений искусства устного и визуального делают их дополняющими друг друга источниками анализа и взаимной интерпретации образов анималистики, а также образа конного воина, *на уровне идей, но не конкретных деталей или морфологии*.

Можно заключить, что ни антропоморфный, ни зооморфный коды декора раннесредневекового декоративно-прикладного искусства народов Саяно-Алтая не содержат конкретной информации, позволяющей проводить сопоставление с сюжетами эпических текстов (шире – фольклора, отражающего мифологию, верования и мировоззрение народа), но в них отражено в некоторой степени «единство идейно-художественных систем обеих ветвей искусства», по словам Р. С. Липец [1982, с. 190].

Единство идейно-художественных систем отражено в наибольшей мере в растительном орнаменте. Этот код в декоративном искусстве наилучшим образом выражает концепцию бессмертия, бесконечного возрождения жизни. В основе структуры большинства растительных композиций – схема «древа» в разных вариантах. Даже симметричность многих композиций можно сопоставить с этнографическими материалами. Исследования мировоззрения тюркских народов, отразившегося в мифологии и ритуальной обрядности, позволили говорить об «особой роли вегетативного кода и дерева как его абсолюта в полифонии тюркской культуры» (наиболее полно см. [Сагалаев, Октябрьская, 1990, с. 43–63; Сагалаев, 1991]; о богатстве репертуара флоры в эпосе саяно-алтайских народов см. [Король, 2008, с. 154–157]).

Можно предположить, что символ жизни, природы, человека и всего рода и их процветания, идея бессмертия и круговорота жизни получили прекрасное воплощение в растительном декоре, преобладавшем в раннесредневековых украшениях всадника-воина декоративно-прикладного

искусства кочевников Саяно-Алтая. Близки и понятны эти символы были и любому члену общества. Традиционное мировоззрение тюрков – основа популярности растительного кода декоративного искусства. Данный код был предложен исторической ситуацией широчайших контактов тюрков с окружавшим их миром, в том числе с народами с давней традицией его применения в искусстве. Код этот был принят тюркскими племенами раннего средневековья как идеальное визуальное выражение их собственных мировоззренческих взглядов, устной мифологической и эпической традиции. Дополняющими элементами были смысловые геометрические мотивы, зооморфные образы и единичные антропоморфные.

Интересны наблюдения специалистов по фольклору об одинаковости символов и знаков (знаковой синонимии) в устных произведениях при всей их вариативности. Они были понятны людям, ибо корни уходили в общеизвестные местные сакрально-мифологические представления. На это обратила внимание Л. А. Чвырь, специалист по народному декоративно-прикладному искусству народов Средней Азии, отметив, что «знаковая синонимия присуща и невербальным устным текстам – изделиям мастеров народного декоративно-прикладного искусства, если судить по толкованиям их символики, которую донесла до нас устная народная память» [Чвырь, 2018, с. 163].

Итак, можно заключить, что опыт М. А. Дэвлет по привлечению фольклорного (шире – и этнографического) материала при исследовании духовного аспекта древнего искусства петроглифов, так и опыт автора статьи – применительно к средневековому декоративно-прикладному искусству большого региона Саяно-Алтая (шире – Центральной Азии) по-своему результативен. На мой взгляд, при изучении наскального искусства он оказался в максимальной степени эффективным. При таком исследовательском подходе, даже если предлагаемые интерпретации дискуссионны, «палитра изучения петроглифов оказывается наиболее богатой, близкой по духу мировоззрению древнего художника» [Савинов, Длужневская, 2013, с. 152]. При изучении средневековой тюркетики малых форм результат привлечения фольклорного материала более

скромный. При этом он тоже отражает несомненную связь искусства с традиционным мировоззрением, верованиями населения, даже если первоначально художественные декоративные средства были в основном заимствованы и применялись мастерами другой этнической идентичности. Но и мастера-инородцы очевидно учитывали запросы заказчиков, а в дальнейшем по этому запросу развивали заимствованные мотивы и образы в русле традиционных представлений, безусловно понятных местному населению*.

Вместо заключения. Как известно, «дорогу осилит идущий»... Марианна Арташировна Дэвлет прошла свой научный путь плодотворно и с достоинством. Лейтмотивом ее исследовательского подхода стало раскрытие духовного аспекта древнего искусства (шире – духовной культуры прошлого). Этапы развития этого подхода и их наполнение у меня почему-то вызвали стойкую ассоциацию с трехчастной формой музыкального произведения. Первый этап (экспозиция) – представление темы. У М. А. Дэвлет исполняется спокойно и широко, с нарастанием темпа. Второй этап (середина) – разработка темы, ее интенсивное развитие. В произведении М. А. Дэвлет исполняется «в четыре руки» (с соавтором Е. Г. Дэвлет) громко и торжественно, с вручением авторам премии имени И. Е. Забелина Президиума РАН за фундаментальный труд 2005 г. Третий этап (реприза) – повторение материала после его развития или изложение нового. Исполняется легко и непринужденно (местами вновь «в четыре руки») – с условной передачей лейтмотива последующим исполнителям-исследователям древнего искусства. Коды – завершающего и окончательного акцента – нет. Поставлено многоточие... Так Марианна Арташировна создала свою «эпическую симфонию».

* В таком регионе Центральной Азии, как Чуйская долина Притяньшанья, где определенно существовало местное производство на базе средневековых городов, особенно отчетливо проявлено креативное творчество мастеров, несмотря на каноничность некоторых образов.

Библиография

Арпентьева М. Р. Фольклорное наследие Алтая // Вестник Хакасского гос. университета им. Н. Ф. Катанова. 2016. № 16. С. 140–144.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Духовная культура древних народов Северной и Центральной Азии. Мир петроглифов. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, Ltd., 2000. 502 с. (Russian Studies in World History & Culture – Российские исследования по мировой истории и культуре; т. 7).

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Великан Делбеген и другие // Шестые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Омский гос. университет, 2004. С. 92–96.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М.: Алетея, 2005. 472 с.; 96 с. цв. вкл.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН. Книга первая. М.: Наука, 2006. С. 196–210; 8 л. илл.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Сокровища наскального искусства Северной и Центральной Азии. М.: ИА РАН, 2011. 379 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.archaeolog.ru/media/books_2011/Devlet_2011.pdf

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифологические сюжеты в наскальном искусстве Северной Азии // Вестник Тувинского гос. университета. 2014. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. С. 7–18.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. В поисках утраченного смысла // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 4 (54). С. 91–109.

Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Фольклорные материалы к расшифровке смысла зооморфных наскальных изображений с «умноженными» частями тела // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4 (58). С. 5–13.

Дэвлет М. А. Бронзовые бляшки в форме сложного лука из Хакасско-Минусинской котловины // Краткие сообщения Института археологии. 1966. Вып. 107. С. 70–74.

Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 20 с.

Дэвлет М. А. Личины-маски и проблема древних культурных связей // Археология и этнография Монголии. Новосибирск: Наука, 1978а. С. 152–158.

Дэвлет М. А. Мугур-Саргол – древнее святилище на Енисее // У истоков творчества. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1978б. С. 164–172.

Дэвлет М. А. О происхождении демонических масок ламаистской мистерии «цям» // Советская археология. 1979. № 4. С. 281–285.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 271 с.

Дэвлет М. А. Бегущие звери на скалах горы Суханиха на Верхнем Енисее // Краткие сообщения Института археологии. 1982а. Вып. 169. С. 53–60.

Дэвлет М. А. Петроглифы Енисея: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1982б. 48 с.

Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982в. 128 с.

Дэвлет М. А. Загадка грозной мистерии // Атеистические чтения. Вып. 19. М., 1990а. С. 29–50.

Дэвлет М. А. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1990б. 120 с.

Дэвлет М. А. О космогонических представлениях древних жителей Среднего Енисея. Изображения на Бейской стеле из Хакасии // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1990в. С. 83–91.

Дэвлет М. А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск: Наука, 1992а. С. 29–43.

Дэвлет М. А. Солнцеголовые антропоморфные фигуры казахстанских петроглифов и их восточные параллели // Маргулановские чтения. Ч. 1. М., 1992б. С. 209–212.

Дэвлет М. А. Генезис шаманства по материалам наскальных изображений Сибири // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1996. С. 24–26.

Дэвлет М. А. О солярных знаках, «солнцорогих» и «солнцеголовых» в наскальном искусстве // Наскальное искусство Азии. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвуиздат, 1997. С. 11–17.

Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.

Дэвлет М. А. Некоторые мифические образы в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии // Пятое исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск: Омский гос. университет, 2000. С. 44–48.

Дэвлет М. А. Каменный «компас» в Саянском каньоне Енисея. М.: Научный мир, 2004. 88 с., цв. вкл. 8 с.

Дэвлет М. А. Мозага-Комужап – памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС. М.: Акфэст, 2009. 216 с.

Дэвлет М. А. О возможном прототипе личин-масок мугур-саргольского типа // Археология Южной Сибири. Вып. 25. Сб. науч. трудов, посв. 80-летию со дня рождения Я. А. Шера. Кемерово: Кемеровский гос. университет, 2011а. С. 76–71.

- Дэвлет М. А.* Образы животных в космогонических мифах // Природа. 2011б. №4. С. 60–65.
- Дэвлет М. А.* «Я ушел в Золотую степь... (петроглифы под горой Баш-Даг в Туве) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2011в. С. 86–100. (Труды САИПИ; вып. VII).
- Дэвлет М. А.* «Разве могут быть три солнца»? // Археолого-этнографические исследования Северной Евразии: от артефактов к прочтению прошлого. К 80-летию С. В. Студзицкой и М. Ф. Косарева. Томск: Аграф-Пресс, 2012а. С. 95–101.
- Дэвлет М. А.* Человек и его место в системе мироздания (по материалам петроглифов бассейна Верхнего Енисея) // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2012б. С. 3–34. (Труды САИПИ; вып. IX).
- Дэвлет М. А.* Бронзовый прототип наскальных изображений личин-масок в Саянском каньоне Енисея // Вестник Тувинского гос. университета. 2013а. Вып. 1. Социальные и гуманитарные науки. С. 19–23.
- Дэвлет М. А.* Утес над Енисеем. К юбилею Николая Владимировича Леонтьева // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013б. № 1 (5). Археология. С. 17–27.
- Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г.* Антропоморфные личины как маркеры путей древних миграций // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб.: Элекс-Принт, 2006. С. 325–329.
- Ефимова Л. С., Чистобаева Н. С., Чаптыкова Ю. И.* Хакасский фольклор в XXI веке: итоги изучения, проблемы развития // Вестник Северо-Восточного федерального университета (СВФУ). 2017. № 4 (60). С. 77–84.
- Коренько В. А.* Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль. М.: Восточная литература, 2002. 327 с.
- Король Г. Г.* Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. 332 с. (Труды САИПИ; вып. V).
- Король Г. Г., Наумова О. Б.* О возможности сопоставления декоративного искусства и фольклорных источников (по материалам раннесредневековой металлической пластики Центральной Азии) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2018. №2 (60). С. 7–24.
- Липец Р. С.* Проблема взаимосвязей тюрко-монгольского эпоса с изобразительным искусством кочевников Евразии (Труды советских археологов 40–50-х годов) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. IX. М.: Наука, 1982. С. 186–208. (Труды Института этнографии. Новая серия; т. 110).
- Марианна Арташировна Дэвлет. Библиография. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2014. 56 с.
- Мартынов А. И.* Ученый и его вклад в науку (к юбилею М. А. Дэвлет) // Тропою тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 24–27. (Труды САИПИ; вып. IV).
- Наева А. И.* Алтайский обрядовый фольклор: специфика жанра. Автореф. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2010. 29 с.
- Орус-оол С. М.* Тувинский фольклор периода Тувинской Народной Республики [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 91–104. URL: <http://nit.tuva.asia/nit/article/view/466>
- Савинов Д. Г., Длужневская Г. В.* Белек Марианне Арташировне Дэвлет // Российская археология. 2013. № 2. С. 149–153.
- Сагалаев А. М.* Урало-алтайская мифология: Символ и архетип. Новосибирск: Наука, 1991. 160 с.
- Сагалаев А. М., Октябрьская И. М.* Традиционное мировоззрение тюрков Сибири: Знак и ритуал. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с.
- Советова О. С.* Рецензия на книгу Е. Дэвлет, М. Дэвлет «Духовная культура древних народов Северной и Центральной Азии. Мир петроглифов. Серия «Российские исследования по мировой истории и культуре. Т. 7. NewYork*, 2000. 502 с. // Вестник САИПИ. Вып. 6-7. Кемерово, 2003–2004. С. 74–77.
- Советова О. С.* Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. «Мифы в камне. Мир наскального искусства России». М.: Алетейа, 2005. 471 с. // Российская археология. 2006. № 4. С. 159–175.
- Советова О. С., Китова Л. Ю.* Марианна Арташировна Дэвлет – исследователь археологии Центральной Азии // Тропою тысячелетий: К юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2008. С. 17–23. (Труды САИПИ; вып. IV).
- Телеутский фольклор* / сост., вступит.ст., ..., коммент. Д. А. Функа. Изд. 2-е, исправл. и доп. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2020. 428 с.
- Хакасский фольклор: библиографический указатель.* Абакан: Хакасское кн. изд-во им. В. М. Торосова, 2022. 303 с.
- Чвырь Л. А.* Очерки культурного синтеза в Туркестане (I–II тыс. н.э.). М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 240 с.
- Шулбаева Н. В.* Мир персонажей героического эпоса хакасов: художественно-

* Здесь и в других доступных ссылках на данную публикацию место издания указано ошибочно.

эстетический аспект. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2021. 19 с.
Devlet E., Devlet M. Siberian shamanistic rock art // Sprints and Stones. Shamanism and Rock Art in Central Asia and Siberia. Poznań, 2002. P. 120–136.

G. G. Korol

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

**SPIRITUAL ASPECT OF PREHISTORIC ART
IN THE STUDIES OF M. A. DEVLET
AND THE CAPABILITIES OF FOLKLORE SOURCES**

The paper examines main stages of the development of the key approach to the study of rock art in works of M. A. Devlet. As a consistent representative of the “mythological school”, she addressed this prehistoric art as a diverse complex of cult-ideological and epic manifestations of the spiritual culture of the various past periods in Central (Inner) Asia. The stages of development of this guiding line in the researcher’s studies can be chronologically shown only very conditionally, because in its substantive aspect they “overlap” to one degree or another. Based on the M. A. Devlet’s works, the author assesses the possibility of using primarily folklore sources (more broadly, including ethnographic materials), as well as compares the effectiveness of such a research approach to rock art (based on the extensive experience of M. A. Devlet) and to the medieval non-ferrous small artistic metalwork of the same region. In both cases, the approach is effective in its own way, but it seems to be the most efficient in the study of rock art.

Keywords: *M. A. Devlet, scholarly heritage, rock art, medieval small artistic metalwork, image semantics, folklore and ethnographic sources, Central (Inner) Asia, Sayan-Altai*

«Дорога Чингисхана». Тува. Фото: М. А. Дэвлет.

Е. С. Леванова

Институт археологии РАН, Москва, Россия

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.26-63>

ПЕТРОГЛИФЫ НА ДНЕ САЯНСКОГО МОРЯ: ХРОНИКА СОБЫТИЙ В ОТЧЕТАХ МАРИАННЫ АРТАШИРОВНЫ ДЭВЛЕТ

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН (№ НИОКТР 122011100061-5)

Анализируются и систематизируются архивные материалы исследований Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР под руководством М. А. Дэвлет. Марианна Арташировна Дэвлет одной из первых в СССР начала целенаправленно проводить исследования на памятниках наскального искусства в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС. Благодаря ее работам в период с 1974 по 1986 г. документированы и опубликованы затопленные в 1980-е годы памятники в Саянском каньоне Енисея. Изучение официальных отчетов, хранящихся в научно-отраслевом архиве Института археологии РАН, дополняется данными из личного архива исследовательницы.

Ключевые слова: *наскальное искусство, петроглифы Центральной Азии, Саянский каньон Енисея, Тува, архивные материалы*

После ухода Марианны Арташировны в 2021 г. сотрудники Центра палеоискусства ИА РАН начали разбор личного архива исследовательницы, особое внимание уделяя тем материалам, которые относились к годам ее полевых работ. Огромный фотоархив (фотонегативы, отпечатки фотографий и прорисовок), полевые дневники и материалы документирования петроглифов, черновики статей, археологические материалы – все это хранилось не в лучших условиях и требовало разбора, систематизации и решений по дальнейшему хранению и использованию. Приступая к этой работе, прежде всего мы обратились к научным отчетам М. А. Дэвлет, хранящимся в Научно-отраслевом архиве ИА РАН*.

* Особую признательность за помощь в работе с архивом хотелось бы выразить сотрудникам научно-отраслевого архива ИА РАН У.Ю. Кочкарову, С. В. Селезневой, А. В. Таран, сотруднику научно-организационного отдела С. А. Володину, за консультации – М. Е. Килуновской и Е. А. Миклашевич.

Работ, посвященных научной жизни Марианны Арташировны, достаточно, многие опубликованы к ее юбилеям, в том числе статья «Марианна Арташировна Дэвлет – исследователь археологии Центральной Азии» [Советова, Китова, 2008], в которой наиболее полно представлены основные вехи ее научного пути. Кроме того, в 2019 г. в издании «Институт археологии РАН: 100 лет истории» вышла статья дочери – Екатерины Георгиевны Дэвлет, посвященная исследованиям Марианны Арташировны как начальника отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции АН СССР [Дэвлет, 2019]. К сожалению, сама Екатерина Георгиевна ушла от нас еще до публикации этого юбилейного сборника.

Наиболее подробные воспоминания о годах полевых работ в Туве Марианна Арташировна опубликовала в середине 2000-х годов [Дэвлет, 2006]. Работа же со всем массивом ее научных отчетов и сопутствующими материалами проводится впервые.

Отчеты о раскопках М. А. Дэвлет на северо-востоке Тувы в Тоджинском районе еще ждут своего исследователя, здесь же обратимся к тем отчетам и архивным документам, которые посвящены экспедициям на памятниках наскального искусства, прежде всего в зоне затопления Саянского каньона Енисея на территории современного Улуг-Хемского района Тувы. Однако в данной статье упоминаются и другие памятники, обследованные в Чаа-Хольском и в Барун-Хемчикском районах Тувы, а также в окрестностях г. Кызыл (Кызыльский район) (рис. 1).

Знакомство с петроглифами Южной Сибири для М. А. Дэвлет началось задолго до того, как она сама возглавила такие исследования. Еще будучи студенткой в конце 1950-х годов Марианна Арташировна уже

Рис. 1. Карта памятников наскального искусства Тувы, на которых М. А. Дэвлет работала с 1967 по 1989 г. Пунктирной линией отмечена граница затопления Саяно-Шушенского водохранилища.

- 1 – Бижиктиг-Хая;
- 2 – Алды-Мозага (правый берег р. Чинге);
- 3 – Устю-Мозага (левый берег р. Чинге);
- 4 – Шевелиг;
- 5 – Мозага-Комужап;
- 6 – Мугур-Саргол;
- 7 – «дорога Чингисхана»;
- 8 – Саргольское ущелье и Оргаа-Саргол;
- 9 – Куйлуг-Хем;
- 10 – Бижиктиг-Хая на Хемчике;
- 11 – Бош-Даг;
- 12 – Малый Баянкол.

работала на раскопках в Хакасии. В 1966 г. она окончила аспирантуру Института археологии АН СССР и защитила кандидатскую диссертацию по теме «Племена бассейна среднего Енисея в раннем железном веке». В 1967 г., будучи уже известным и перспективным исследователем, она была приглашена работать в Первый (головной) отряд Саяно-Тувинской экспедиции Академии наук СССР (СТЭАН) под руководством А. Д. Грача. В эти годы продолжались исследования участков водохранилища, расположенных в пределах Саянского каньона (Енисейской «трубы»). В районе от пос. Чаа-Холь до устья р. Хемчик с 1966 г. работали две группы СТЭАН, занимавшиеся поиском и изучением петроглифов. Ими руково-

дили А. А. Формозов и С. В. Макаров. Марианна Арташировна же работала на раскопках куйлуг-хемских курганов и упомянута в отчетах А. Д. Грача именно в связи с раскопками 1967–1968 гг. [Грач, 1967, 1968]. Однако лагерь экспедиции стоял в непосредственной близости от скал с петроглифами, и Марианна Арташировна обследовала их, а позже частично опубликовала под названием «петроглифы Куйлуг-Хема» (или Биче-Хая и Улуг-Хая) (рис. 2) [Дэвлет, 1969, 1976б, 2001].

В воспоминаниях исследовательница напишет: «А. Д. Грач одобрил мое желание в свободное от работы на курганах время заняться изучением этих наскальных изображений. Петроглифы Куйлуг-Хема находились

Рис. 2. Петроглифы Куйлуг-Хема. Архив М. А. Дэвлет.

значительно выше зоны затопления Саяно-Шушенской ГЭС, производить здесь работы сотрудники новостроечной экспедиции формально не имели права, и А. Д. Грач неуклонно следил за соблюдением этого правила. Поэтому я получила разрешение работать вне зоны затопления только в единственный выходной день – воскресенье ... В следующем году работы на памятнике были продолжены и даже задним числом легализованы» [Дэвлет, 2006, с. 199].

Кроме того, в 1967–1968 гг. сотрудники Первого отряда СТЭАН осматривали петроглифы на правом берегу Енисея: «В ходе этих разведочных работ продолжалась фиксация петроглифов Мугур-Саргольского и Чингинского святилищ, включающих изображения масок древних шаманов» [Грач, 1968, л. 16]. На фотографиях из личного фотоархива можно видеть запечатленные события – сплав к скалам Мугур-Саргола, уже из-

вестному на тот момент местонахождению петроглифов, на лодке одного из отрядов СТЭАН (рис. 3). В отчетах А. Д. Грача за 1967–1968 гг. фотографий или прорисовок петроглифов нет.

Рис. 3. М. А. Дэвлет во время поездки Отряда СТЭАН на петроглифы Мугур-Саргола. Архив М. А. Дэвлет.

Первая статья Марианны Арташировны о наскальном искусстве Тувы вышла в 1969 г. по материалам ее «экспедиций выходного дня» [Дэвлет, 1969]. И уже в те годы она активно набирала материал для первой своей монографии о наскальном искусстве в Саянском каньоне «Петроглифы Улуг-Хема» («Большого Енисея») [Дэвлет, 19766].

В 1969 г. М. А. Дэвлет приступила к собственным раскопкам на северо-востоке Тувы, в таежной зоне, и до 1974 г. работала в экспедиции в Тоджинской котловине. Однако и в отчетах об исследованиях стоянок и погребений этого региона есть упоминания о единичных находках объектов, которые возможно отнести к монументальному искусству.

1972 г. В отчете описан фрагментированный культовый камень эпохи бронзы, найденный на горке, возвышающейся на берегу протоки, соединяющей озера Азас и Хочжир-холь. Эта стела привлекала внимание Марианны Арташировны в ходе работ у оз. Азас и ранее, но только в 1972 г. она смогла различить на ней антропоморфную личину (рис. 4). «При раскопках около стелы был обнаружен камень с изображением круглой личины с расходящимися лучами. Камень отбит от вершины стелы. Первоначально антропоморфные личины располагались друг над другом... Солярное изображение на отбитом камне сопоставимо с рисунками солярного характера на окуневских изваяниях» [Дэвлет, 1972, л. 12–14]. Очень

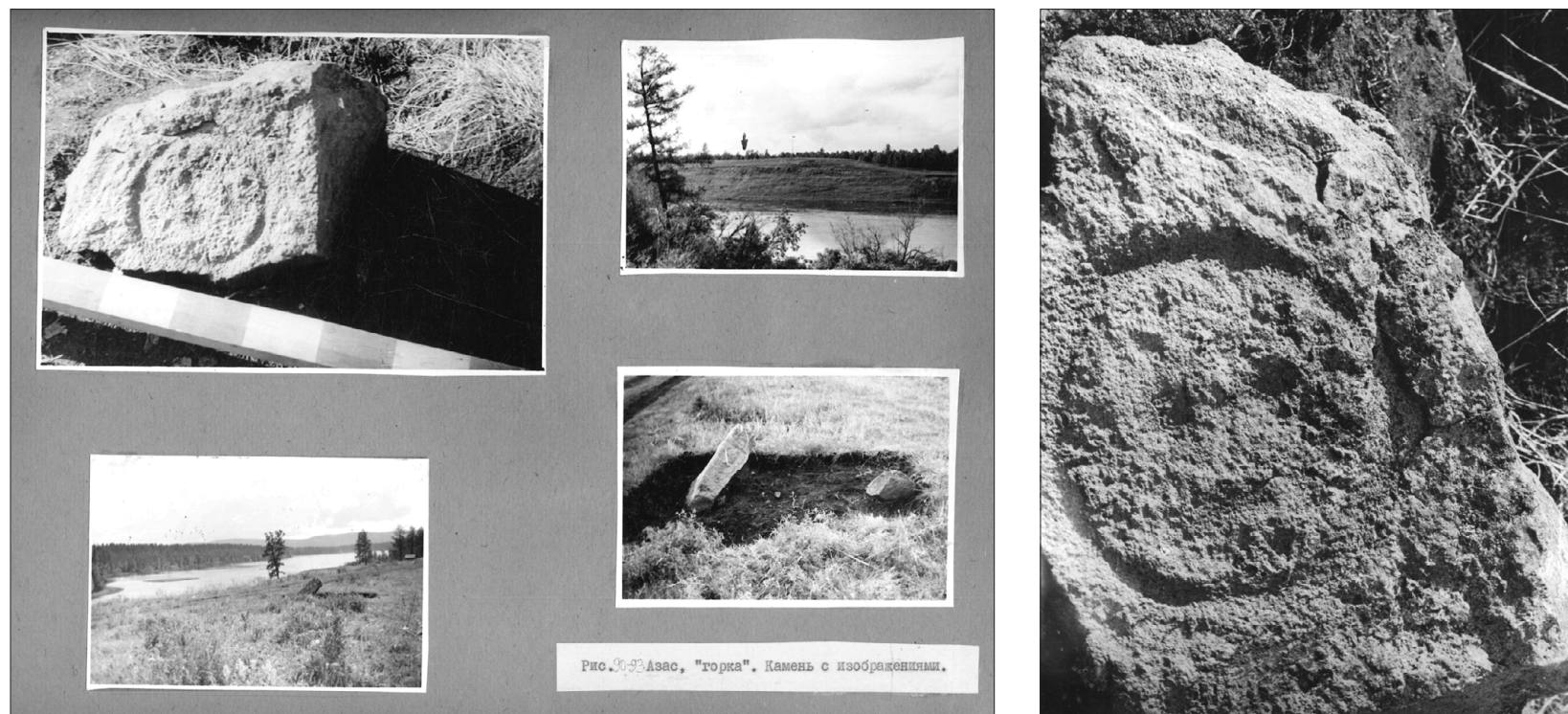

Рис. 4. Азас, «Горка». Камень с изображениями. Иллюстрации из отчета [Дэвлет, 1972, л. 20]; фото из архива М. А. Дэвлет.

интересно наблюдение Марианны Арташировны, что это солярное изображение на тоджинской стеле – связующее звено между минусинскими изображениями окуневской культуры эпохи бронзы и рисунками эпохи бронзы в урочище Мугур-Саргол (в отчете 1972 г. она называет урочище «Могур-сарых-холь»).

1973 г. В отчете о работах Тоджинской экспедиции Института археологии АН СССР упоминается еще один культовый камень: «На горке между пунктами Азас I и Азас II произведены раскопки около культового камня ... Обнаружены обломки керамики, каменный инвентарь, обломки костей, керамический шлак. Имеются признаки сильного действия огня: земля прокалена, камни ломкие, внутри красноватого цвета» [Дэвлет, 1973, л. 12]. На камне выбиты изображения оленей, что показано на рисунке [Дэвлет, 1973, л. 21, рис. 90], однако в самом тексте отчета никаких описаний камня нет, как и предположений о его датировке.

В этом отчете не отражены работы по обследованию наскальных рисунков, однако в ежегоднике «Археологические открытия 1973 года» есть отдельная статья М. А. Дэвлет «Работы по обследованию наскальных рисунков Тувы» (в соавторстве с Н. В. Пановой и М. Н. Спилиоти), где сказано, что в 1973 г. «были обследованы местонахождение Малый Боянкол и у пос. Старый Шевелиг. В районе пос. Ак-Тал зафиксированы каменные изваяния тюркского времени и стелы с надписями, у горы Байдаг – сцена охоты» [Дэвлет и др., 1974]. Проводилась фиксация наскальных рисунков на берегах Енисея в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, однако в отчете информации об этом также нет. Марианна Арташировна, видимо, впервые посетила в тот год известное святилище Бижиктиг-Хая и местность «Кислое» близ Кызыл-Мажалыка; кроме того, упоминающиеся работы на горе Байдаг – это, скорее всего, скалы Бош-Даг или Баш-Даг, где ей предстоит работать позднее (публикацию этого памятника см.: [Дэвлет, 2011]). В воспоминаниях М. А. Дэвлет читаем следующее: «В 1973 г. после окончания полевого сезона в Тодже я с двумя сотрудницами совершила поездку по петроглифам северных и западных районов Тувы, мы побывали также в “трубе”» [Дэвлет, 2006, с. 205]. Н. В. Панова и М. Н. Спилиоти – ленинградские химики, которые рабо-

тали с Марианной Арташировной не один сезон и занимались прежде всего копированием петроглифов (рис. 5).

Рис. 5. Н. В. Панова и М. Н. Спилиоти. Фотография с дарственной надписью: «Руководителю Тоджинской экспедиции М. Дэвлет от благодарных учеников. 21.IX.73 г. Спилиоти, Панова». Архив М. А. Дэвлет.

В научно-отраслевом архиве ИА РАН в отчетах других участников СТЭАН упоминания об этих работах не выявлены, но это и не удивительно. В те годы наскальное искусство часто не попадало на страницы археологических отчетов, и поездка 1973 г., видимо, не была связана с деятельностью отрядов СТЭАН напрямую. Скорее это была «разведка», предварявшая создание собственной группы по изучению петроглифов.

Стоит отметить, что почти каждый отчет исследовательницы из всех, что нами изучены, содержал информацию о меньшем числе памятников, чем статьи в «Археологических открытиях», которые Марианна Арташировна ежегодно писала с 1969 по 1986 г. (с 1987 по 1993 г. ежегодник не выходил, а она прекратила экспедиционные исследования с 1990 г.).

1974 г. В этот год начались стационарные ежегодные работы в Саянском каньоне группы под руководством М. А. Дэвлет, позднее переименованной в Отряд по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции ИА РАН (с 1985 г. – Тувинской экспедиции). «Первоначально был составлен план работ по фиксации петроглифов в Саянском каньоне, определена их последовательность с учетом высотных отметок памятников. Однако в дальнейшем в этом плане были внесены коррективы, поскольку в ходе работ были открыты новые местонахождения наскальных изображений и объем работ увеличился» [Дэвлет, 1995]. Экспедиционные работы в Саянском каньоне обычно проводились в мае–июне и в августе каждого года вплоть до 1988 г.

Отчет за 1974 г. носит название «Отчет о работе Тоджинской экспедиции Института археологии АН СССР и группы по изучению петроглифов СТЭАН» [Дэвлет, 1974]. Целью работ Группы, а с 1977 г. – Отряда была полная фиксация петроглифов в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, которое планировалось на 1984 г., но несколько раз переносилось. В 1986 г. Отряд закончил работы в зоне затопления, и большинство документированных памятников ушло под воду.

В 1974 г. работы проводились на правом берегу Енисея. Были обследованы и частично скопированы наскальные рисунки от местности Шанныгтыг-Арыг (где расположен памятник Бижиктиг-Хая*) до Мазага-Хомурак**. Марианна Арташировна в отчете приводит подробную ин-

формацию об изученности писаниц на правом и левом берегах Улуг-Хема, объясняя необходимость работы на этих памятниках их будущим уничтожением и необходимостью полного их копирования. В этом отчете содержится общая информация о нескольких посещенных памятниках (правый берег р. Чинге, левый берег р. Чинге, Бижиктиг-Хая, Шевелиг, Мазага-Хомурак, Малый Боянкол), наиболее ярких изображений и возможной культурной атрибуции, символическом значении. Отдельно остановимся на местонахождении Шевелиг. В более поздних работах этого названия уже нет, только в работах 1973–1974 гг., а также в монографии 1976 г., где представлена одна прорисовка изображения горного козла [Дэвлет, 1976б, с. 97, табл. 54]. В отчете дано три прорисовки [Дэвлет, 1974, л. 17, 18, рис. 46–48], и судя по тексту, это местонахождение расположено рядом с Мозага-Комурак.

В отчете 1974 г. описан еще один культовый камень – у горы Аллага (позднее М. А. Дэвлет будет писать «Алага»), который, по мнению Марианны Арташировны, не имеет выбитых человеком изображений, но из-за своей причудливой формы до сих пор почитаем местным населением [Дэвлет, 1974, л. 6]. Фотография этого камня опубликована в монографии, посвященной петроглифам Мозага-Комурак [Дэвлет, 2009а, с. 160].

На правом берегу Енисея (близ устья р. Чинге) и левом берегу р. Чинге Марианна Арташировна особо отмечает фигуры «пляшущих человечков в огромных широкополых шляпах» [Дэвлет, 1974, л. 3, 4]. Далее она пишет о том, что это грибообразные головные уборы – суть древние шаманские изображения, связанные с культом ядовитых грибов, и приводит множественные параллели из других регионов, в том числе открытых на Чукотке петроглифов на р. Пегтымель. Подобные тексты с развернутым

* Марианна Арташировна исследовала два памятника под названием «Бижиктиг-Хая» («Писанная скала»): святилище Бижиктиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык, которое в поздних ее публикациях обозначено как «Бижиктиг-Хая, бассейн р. Хемчик», и Бижиктиг-Хая в Саянском каньоне Енисея (на правом берегу).

** Здесь и далее сохранены названия, употребляемые в авторской версии. В разные годы Марианна Арташировна использовала разные варианты названий памятников. Это памятник, позднее опубликованный как Мозага-Комурак.

историко-культурным анализом изображений потом войдут в тематические статьи. Так, тема грибообразных головных уборов не раз поднималась в ее работах, в том числе в одноименной статье [Дэвлет, 2009б].

Вплоть до 1982 г. Марианна Арташировна называла местонахождения в Чингинской воронке – «Правый берег р. Чинге (ПБЧ)» и «Левый берег р. Чинге (ЛБЧ)», после она использует название Алды-Мозага или Алды-Мозога («Нижний порог») и Устю-Мозага или Устю-Мозога («Верхний порог») соответственно. Публикация петроглифов левого берега была отложена автором, поскольку согласно проекту строительства Саяно-Шушенской ГЭС заранее предусматривалось, что этот памятник не будет затоплен целиком: гора Устю-Мозага в высоту достигает 50 м, а петроглифы расположены на ее вершине. Поэтому работы на этом участке велись по остаточному принципу, когда в силу каких-либо обстоятельств (к примеру, погодных условий) не было возможности проводить обследование других местонахождений наскального искусства [Дэвлет М., Дэвлет Е., 2018, с. 105]. Полноценная публикация петроглифов Устю-Мозага так и не появилась, хотя все остальные памятники в зоне затопления Марианна Арташировна опубликовала, причем в кратчайшие сроки.

В 1974 г. были проведены предварительные работы по обследованию местонахождения Бижиктиг-Хая, между р. Чинге и устьем р. Хемчик, где М. А. Дэвлет выделила 7 скальных массивов и 92 плоскости с изображениями (оценка числа поверхностей менялась из года в год). О местонахождениях выше Чингинской воронки – Шевелиг и Мазага-Хомужак – Марианна Арташировна пишет, что петроглифов здесь значительно меньше и выделяется только сцена охоты на оленей, где животные трактованы так, как это было принято на так называемых оленных камнях [Дэвлет, 1974, л. 6].

В воспоминаниях 2006 г. читаем: «В 1974 г. мои спутницы вновь были в зоне затопления, но без меня, так как после перенесенной травмы выехать из Кызыла в поле я не смогла» [Дэвлет, 2006, с. 205]. Видимо, часть отчета о памятниках Саянской трубы составлена по материалам предыдущих поездок и наблюдениям соавторов Н. В. Пановой и М. Н. Спилюти, основных участниц группы по изучению петроглифов СТЭАН.

В 1974 г. экспедиция также провела полную фиксацию петроглифов на памятнике Малый Баянкол (в тексте – Боянкол) в окрестностях г. Кызыл, который, по мнению Марианны Арташировны, интенсивно разрушается «в связи с добычей камня для строительства» (рис. 6, 7) [Дэвлет, 1974, л. 6]. В тексте указано, что копирование началось еще в 1973 г.

В отчете описаны утраты, которые понес памятник со времен его первого научного описания А. В. Адриановым в 1881 г. и описания в 1942 г. сотрудником Кызыльского музея Н. Богатыревым. «Каменные глыбы от центральной плоскости обрушились вниз и на отдельных уцелевших камнях сохранились петроглифы или обломки их. Часть петроглифов испорчена подновлениями, произведенными, очевидно, в 40-х годах XX столетия. По контурам ряда древних рисунков железным орудием были выбиты светлые линии. Автор подновления оставил свои автографы около рисунка волка и на скалах выше современной зоофермы. Рисунки стали хорошо видны издали, но утратилась возможность изучения техники их нанесения» [Дэвлет, 1974, л. 7]. В отчете 1974 г. приводится рисунок А. В. Адрианова и шесть прорисовок изображений Малого Баянкола, часть из которых М. А. Дэвлет уточнит в последующие годы.

По мнению Е. А. Миклашевич, «столь существенные утраты больших многофигурных плоскостей с петроглифами на Малом Баянколе связаны не с добычей камня, а с природными разрушениями, скорее всего, по причине сейсмоактивности. Большие и малые блоки песчаника лежат повсюду под скальными выходами на склонах небольших гор в этой местности не только там, где есть изображения на сохранившихся плоскостях. Нигде мы не видели ни характерные шпурсы вдоль разломов, ни места складирования камня для вывоза, ни другие признаки каменоломен. Показательно и то, что вполне пригодные для строительства блоки так и не были использованы, а остались на своих местах» [Миклашевич, 2021, с. 553].

Марианна Арташировна работала на памятнике сама (в отчете сказано, что здесь работала именно Тоджинская экспедиция, а не группа СТЭАН) и возвращалась на этот памятник неоднократно, вплоть до 1989 г. По представленной в отчете информации, фотографии и прорисовки этого

Рис. 6, 7. Документирование петроглифов на памятнике Малый Баянкол. 1974 г. Архив М. А. Дэвлет.

памятника готовились к публикации, но в итоге они попали только в обзорные работы [Дэвлет, 1976б; 1990а].

1975 г. Марианна Арташировна возглавляла экспедицию, которая проводила раскопки в Тодже, а также стационарные исследования на правом берегу Енисея в устье р. Чинге, в пункте Бижикиг-Хая и на левом берегу в урочище Мугур-Саргол. Во время работ на Енисее группа по изучению петроглифов базировалась на правом берегу в километре от горы Алды-Мозага (ниже устья р. Чинге).

В отчете 1975 г. впервые подробно описаны методы документирования и возникшие в ходе обследования проблемы: «Наскальные рисунки фотографируются и копируются посредством снятия с них графитных протирок. Петроглифы правобережья и левобережья Чинге, а также местности Бижикиг-Хая индексируются нами. Наскальные изображения Мугур-Саргола в 1971 г. индексировала специальная группа Второго отряда СТЭАН под руководством Я. А. Шера. Мы сохранили эту нумерацию. За пять лет, прошедшие со времени работы Я. А. Шера на памятнике, многие номера утрачены, особенно на тех камнях, которые заливаются в половодье. В тех случаях, когда номера утрачены или, возможно, еще не были поставлены, камни именуются нами “без номеров”. Многие камни попорчены рисунками и надписями, часть из которых сделана красками. Помимо фамилий, на некоторых камнях была сделана надпись “СТЭАН”. То же самое наблюдалось на противоположном берегу Енисея, на плоскостях, обращенных к р. Чинге» [Дэвлет, 1975, л. 3].

Уже в 1975 г. пристальное внимание экспедиция уделяет наскальным изображениям левобережья и правобережья р. Чинге в месте ее впадения в Енисей: «Река, разбиваясь о каменную твердыню и огибая ее слева, образует мощный водоворот, известный под названием Чингинская или Большая воронка. Петроглифы бронзового века правобережья р. Чинге находятся на прибрежных скалах и отдельных валунах, заливаемых в половодье. Многие плоскости, на которых могут быть обнаружены рисунки,

засыпаны намывным песком. Произведенные нами небольшие раскопки подтвердили это предположение. Древние рисунки встречаются и по склону невысокой горы и на ее вершине, однако, в большинстве своем это петроглифы уже не бронзового века, а последующих эпох» [Дэвлет, 1975, л. 3, 4]. Марианна Арташировна подробно расписывает, какие работы на каких памятниках проводились: на святилище Мугур-Саргол копировались камни у береговой линии, на правом берегу Чинге индексировались, копировались и описывались те поверхности, которые обращены к Енисею. Многие копии, судя по тексту, нуждались в проверке в будущие годы полевых работ. Марианна Арташировна всегда старалась возвращаться на памятники для сверки прорисовок и уточнения копий, часто не один раз.

В отчете 1975 г. впервые представлен подробный анализ типов выбивки и замечания о хронологии памятников региона, сравнительный анализ, а также типология личин – наиболее ярких изображений и «визитной карточки» Мугур-Саргольского святилища. Эта типология подробно представлена в монографии, посвященной петроглифам Мугур-Саргола [Дэвлет, 1980в].

Очень интересны замечания М. А. Дэвлет о возможной археологической атрибуции петроглифов: «Точку зрения А. А. Формозова* о доскифском времени создания основного комплекса масок-личин подтверждают наши стратиграфические наблюдения. Как отмечалось выше, в Саянском каньоне Енисея многие рисунки скрыты намывным в половодье песком. Мы произвели небольшие раскопки с целью выявления новых петроглифов. На одном из очищенных скальных участках, на правом берегу р. Чинге рисунки рогатых личин оказались перекрыты изображениями горных козлов, которые датируются скифским временем по аналогии с рисунками на оленных камнях. Один из козлов изображен в типично скифской позе с подогнутыми ногами» [Дэвлет, 1975, л. 8].

Отчет 1975 г. интересен еще и тем, что в нем в иллюстративной части представлены две фотографии из будней экспедиции: фотография лагеря

* Имеется в виду монография по первобытному искусству [Формозов, 1969].

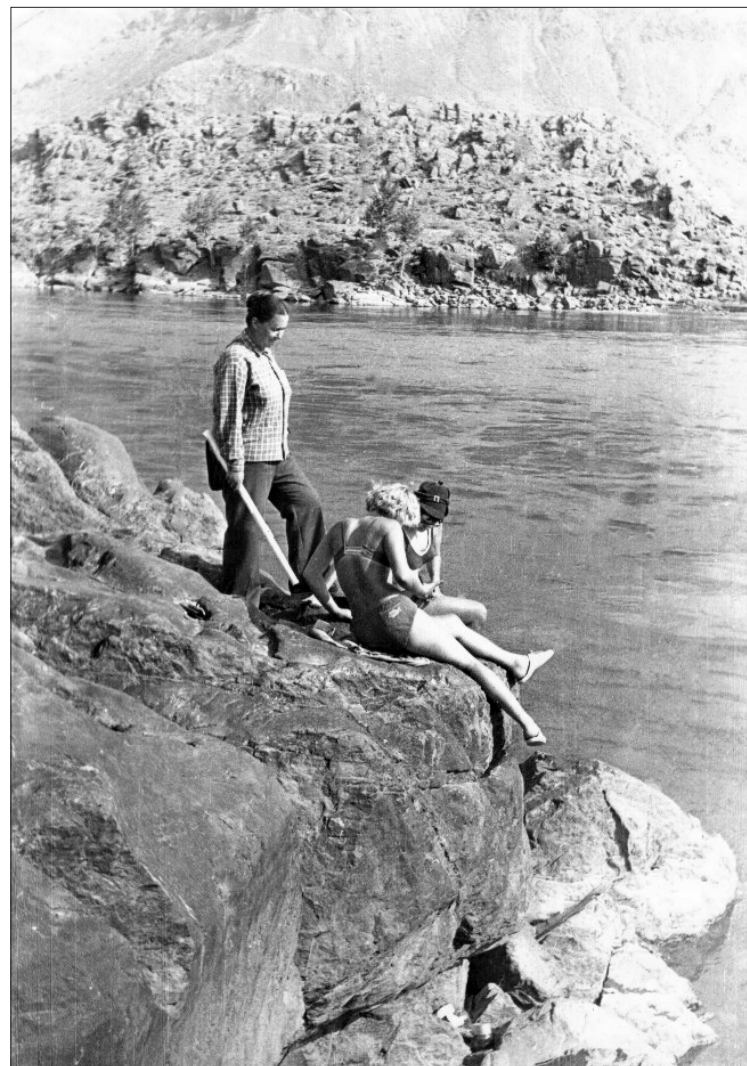

Рис. 8. Работы на Мугур-Сарголе. М. А. Дэвлет, Н. И. Титова, И. Ф. Попова. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 9. Фотография лагеря 1975 г. (в центре – М. А. Дэвлет). Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 10. Копирование петроглифов участниками экспедиции.
Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 11. Флаг Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции (изображение личины мугур-саргольского типа). Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 12. Участники экспедиции 1976 г. на берегу Енисея.
Справа от М. А. Дэвлет – В. Ф. Капелько. Архив М. А. Дэвлет.

с поднятым флагом Отряда (тогда еще группы по изучению петроглифов), а также фото самой М. А. Дэвлет и ее многолетних помощниц Н. И. Титовой и И. Ф. Поповой (рис. 8–11) [Дэвлет, 1975, л. 3, рис. 10, 11].

1976 г. Целью работ экспедиции 1976 г., как и последующих трех лет, была последовательная полная фиксация изображений Мугур-Саргола. Марианна Арташировна чаще всего именовала этот памятник «древнее святилище в урочище Мугур-Саргол».

В отчете этого года впервые приводится общий план местонахождения, присутствуют описание петроглифов и материалы их фиксации. Именно на этом памятнике Марианна Арташировна начала работать по схеме последовательного, а не избирательного документирования. В альбоме к отчету представлен каталог камней («камень № 1–128»), то есть треть памятника, так как в итоговой публикации 1980 г. их всего 371. В отчете пояснений к терминологии нет, но в более поздних работах *камень*, в терминологии М. А. Дэвлет, – это «понятие условное, оно включает изображения на одном скальном выходе, валуне или обломке скалы. На некоторых из камней имеется не одна, а несколько плоскостей с петроглифами» [Дэвлет, 2009а, с. 11].

Базируясь на левом берегу Енисея, сотрудники экспедиции осматривали также скалы Саргольского ущелья и его окрестностей (рис. 12). Серия новых изображений в 1976 г. зафиксирована в местности Ортаа-Саргол (точнее, в ущелье, ведущем из урочища Мугур-Саргол в Ортаа-Саргол), и начались поиски и фиксация петроглифов вдоль так называемой дороги Чингисхана (также в литературе это местонахождение известно как Терезенник-Бююк и «тропа Чингисхана»). В отчете эта информация не отражена, но именно в 1976 г. изображения на скалах вдоль «дороги Чингисхана» были открыты московским художником В. К. Зенковым, принимавшим участие в работах Отряда по изучению петроглифов [Дэвлет, 1982, с. 3].

Долина Ортаа-Саргол расположена за прибрежными горами, тянущимися между устьем р. Хемчик и урочищем Мугур-Саргол. Урочище Мугур-Саргол и Ортаа-Саргол соединяет горное ущелье, по которому проходит тропа, и на скальных выходах вдоль нее имеются петроглифы.

Экспедицией 1976 г. сделаны протирки изображений на двух скальных плоскостях, в приложении к отчету есть фотографии, фиксирующие процесс натирки (рис. 13).

Но по тексту отчета не совсем ясно, что Марианна Арташировна подразумевала под «двумя скальными плоскостями». Первая представлена в иллюстративной части одной прорисовкой и фотографией [Дэвлет, 1976а, л. 24, рис. 124, 125], вторая – уже двумя поверхностями [Дэвлет, 1976а, л. 25, рис. 126–129].

В самой местности Ортаа-Саргол петроглифы на склонах фиксируются на протяжении нескольких километров, и экспедиция М. А. Дэвлет еще не раз будет возвращаться сюда. Здесь выявлены наскальные рисунки, которые надежно могут быть датированы скифской эпохой, однако особый интерес у Марианны Арташировны вызвали «народные рисунки

Рис. 13. Мугур-Саргол. Наскальный рисунок и протирка с него. По: [Дэвлет, 1976а, л. 15, рис. 90].

тувинцев», которые опубликованы в отдельной главе в монографии «Петроглифы на кочевой тропе» [Дэвлет, 1982, с. 109–114]. Интересно, что в этой монографии указано: «описание отдельных камней с изображениями и ситуационный план памятника ... будут опубликованы в специальной работе», однако такая работа, к сожалению, так и не вышла, и в архиве Марианны Арташировны пока не обнаружены планы местонахождений в долине Ортаа-Саргол.

Кроме того, в 1976 г. на «дороге Чингисхана» обнаружена новая древнетюркская надпись, которую опубликовал Н. А. Баскаков [1978]. В Отчете 1976 г. из данных о «дороге Чингисхана» в итоге приводятся только эта руническая надпись и четыре отдельные поверхности с петроглифами, в том числе изображение колесницы бронзового века.

1977 г. Отряд по изучению петроглифов работал в необычном составе. В отчете перечислены В. А. Башилов (советский археолог-американист, занимавшийся проблемами культурогенеза в Центральных Андах Южной Америки), В. Р. Кабо (советский и австралийский этнограф-австраловед), С. В. Студзицкая (старший научный сотрудник Государственного исторического музея, давно работавшая вместе с Марианной Арташировной), В. П. Даркевич (археолог, специалист в области истории и культуры Руси IX–XIII вв.), а также первооткрыватель мугур-саргольских петроглифов С. В. Макаров (рис. 14).

В 1977 г. продолжались не только работы в урочище Мугур-Саргол, но и обширное обследование известных местонахождений петроглифов в Туве и Хакасии. С 1977 г. Марианна Арташировна приступала к выполнению плановой темы «Петроглифы Енисея», а также, видимо, начала подготовку материалов будущей докторской диссертации, что требовало посещения памятников обширного региона. Дата начала работы над плановой темой в ее личном деле не указана, но предыдущая тема «Ажурные поясные пластины из Южной Сибири» была закончена в 1976 г., конец работы по петроглифам Енисея указан в ее отчете, это 1981 г.

Начало сезона ознаменовалось заранее согласованным приездом межведомственной комиссии, которая в мае посетила урочище Мугур-Саргол. Эта комиссия была создана для рассмотрения вопроса о сохранении пет-

Рис. 14. По дороге в экспедицию. В центре – В. П. Даркевич, рядом – В. А. Башилов. Архив М. А. Дэвлет.

роглифов, попадающих в зону затопления ГЭС. В работе комиссии приняли участие археологи С. Н. Астахов, А. Д. Грач, Н. Н. Гурина, М. А. Дэвлет, Ю. А. Краснов, М. П. Пшеницына, реставраторы Э. Н. Агеева, Н. У. Тихомирова, начальник отдела водохранилища строящейся ГЭС В. Н. Карлов, главный инженер проекта водохранилища Саяно-Шушенской ГЭС Ленинградского отделения института «Гидропроект» им. Н. Я. Жуха В. И. Муралев, министр культуры Тувинской АССР М. С. Хомушку, председатель Тувинского республиканского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры Ю. Л. Аранчын, инспектор Госинспекции по охране памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР Г. М. Ефимова. В акте, подписанном всеми членами комиссии, было, в частности, отмечено: «Петроглифы высечены на поверхности

коренных выходов плотных и твердых кварцитовых песчаников с кремнисто-карбонатным цементом, имеющих горизонтальную слоистость и рассеченных сетью частых трещин расщепления, направленных перпендикулярно слоистости. Петроглифы выполнены в основном в точечной технике на плоскостях, перпендикулярных трещинам расщепления и покрытых черным “пустынным” загаром. В ряде случаев камни нарушены значительными трещинами, образовавшимися в результате многолетней водной и атмосферной эрозии. В основном эти трещины совпадают с направлением расщепления. Камни с изображениями располагаются на высоте 3–5 м над современным уровнем р. Енисей и заливаются во время сильных наводнений. По сообщению представителя Ленинградского отделения Института “Гидропроект”, урочище Мугур-Саргол в период действия Саяно-Шушенской ГЭС будет заливаться водами водохранилища с конца июля по февраль. В остальное время (март–июнь), в периоды минимального затопления водохранилища, оно будет находиться выше уровня воды. Скорость течения Енисея на этом участке значительно снизится, перепад уровня воды будет плавным, бурные переходы не будут иметь места» (выдержка из акта приведена по: [Дэвлет, 1977, л. 1, 2]).

Вывод комиссии был следующим: «Принимая во внимание относительную стойкость породы к воздействию воды, а также режим водохранилища, по которому камни с изображениями при подъеме и спаде воды не будут подвергаться значительным механическим и температурным воздействиям и в течение нескольких месяцев будут доступны для осмотра и дальнейшего изучения, комиссия считает возможным в настоящих условиях оставить камни на месте» [Дэвлет, 1977, л. 2, 3]. Уже после затопления Марианна Арташировна напишет в статье о судьбе петроглифов на дне Саянского водохранилища, что «прогнозы экспертов Межведомственной комиссии 1977 г. не оправдались» [Дэвлет, 1995]. Однако комиссия пришла также к выводу, что спиливание грозит петроглифам уничтожением: «После осмотра камней с петроглифами на месте эксперты пришли к выводу, что спиливать скальные блоки опасно, камни слишком хрупкие, ломкие, слоистые, механическое воздействие приведет к гибели самих изображений. В дальнейшем мы убедились, что реставраторы были

правы. В наше отсутствие на святилище Мугур-Саргол не раз побывали какие-то неофициальные лица и пытались отколоть камни с изображениями. Мы находили их вдребезги разбитыми» [Дэвлет, 2006, с. 208].

В связи с решением комиссии оставить камни на месте Марианна Арташировна пишет, что было необходимо точнейшим образом зафиксировать все изображения, а именно – проводить «описание, копирование путем графитных протирок, а также на полиэтилен, фотографирование на черно-белую и цветную пленку» и вести кинофиксацию [Дэвлет, 1977, л. 3]. Это первое упоминание в отчетах о том, что велась кинохроника экспедиции – видимо, любительская, так как только в отчете за 1981 г. содержатся сведения о том, что в тот год по заданию «Центрнаучфильма» в экспедиции М. А. Дэвлет работала режиссер Э. Я. Правдина.

В отчете 1977 г. приводятся описания камней Мугур-Саргола, начиная с № 130 до 197 (то есть до «алтарного комплекса» Мугур-Саргола и прилегающих к нему камней). Сравнивая описания камней, приведенные в данном отчете, с финальной публикацией памятника в 1980 г., стоит отметить, что описания в отчете менее детальные в части перечисления художественных особенностей изображений и их семантики, но в них приводятся более подробные данные о взаимоположении камней, размере поверхностей, ширине и глубине выбивки и размерах фигур (редко); высоту камней Марианна Арташировна не указывает. Нумерация с 1977 г. не претерпела серьезных изменений, однако выявленные в последующие годы поверхности («камни» в терминологии М. А. Дэвлет) добавлялись по мере обнаружения, меняя, хоть и незначительно, сплошную нумерацию.

Во второй половине августа 1977 г. работы в урочище Мугур-Саргол были прерваны наводнением, в результате которого оказались видны только наиболее крупные скалы центрального «алтаря» Мугур-Саргола (рис. 15, 16).

В отчетах Марианны Арташировны практически не описываются экспедиционные будни, какие-то повседневные перипетии, очень мало деталей, которые раскрывали бы экспедиционную повседневность. Исключение – отчет 1977 г., когда работы в урочище Мугур-Саргол были прерваны наводнением: о нем М. А. Дэвлет пишет подробно и описывает,

как перемещали лагерь. Намного больше информации дает, конечно же, фотоархив, но, к сожалению, многих участников на этих фотографиях опознать уже не удастся.

На период наводнения Отряд работал на «дороге Чингисхана». Здесь, в ущелье, ведущем из Мугур-Саргола, на развилке дорог по пути в Оргаа-Саргол найдена большая сильно выветренная и неровная поверхность со множеством изображений горных козлов (около 100 фигур). Всю эту поверхность Марианна Арташировна не скопировала – однако писала, что это необходимо, но крайне тяжело сделать в силу очень плохой сохранности [Дэвлет, 1977, л. 30].

Отряд работал с изображениями и на памятнике Бижиктиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык на р. Хемчик. В отчете также указано, что на скалах Бижиктиг-Хая кто-то закрасил фон петроглифов масляной краской. Подобные случаи вандализма автор всегда описывала и фотографировала.

Содержание отчета и последующих публикаций работ этого

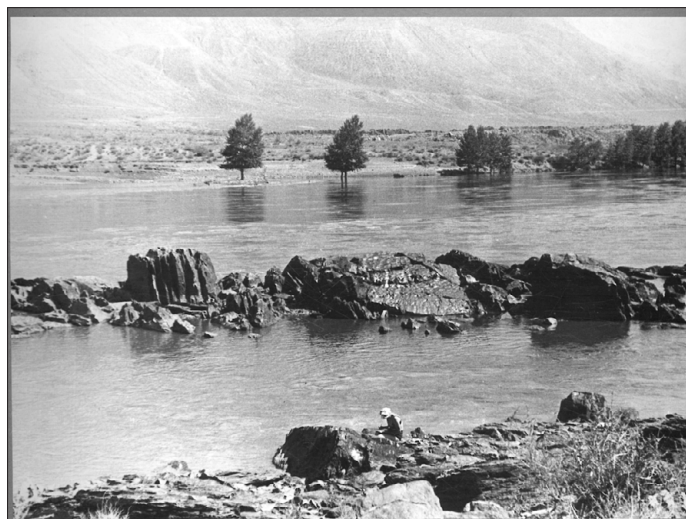

Рис. 86. Мугур-Саргол. Наводнение во второй половине августа 1978 г.

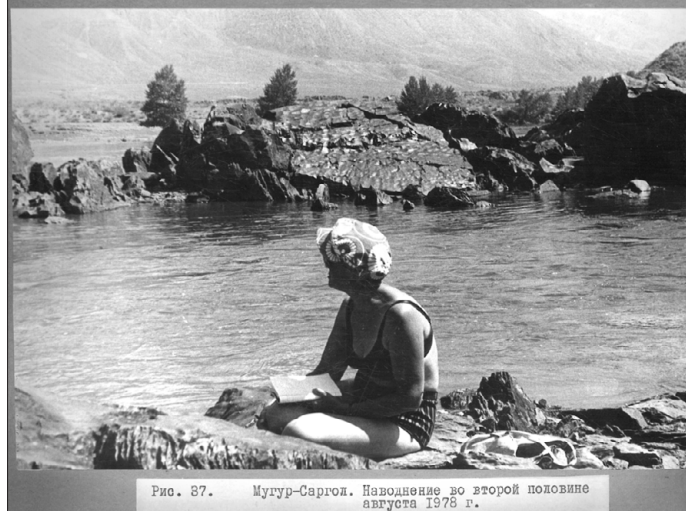

Рис. 87. Мугур-Саргол. Наводнение во второй половине августа 1978 г.

Рис. 15. Мугур-Саргол. Наводнение. Камни уходят под воду. По: [Дэвлет, 1977, л. 12].

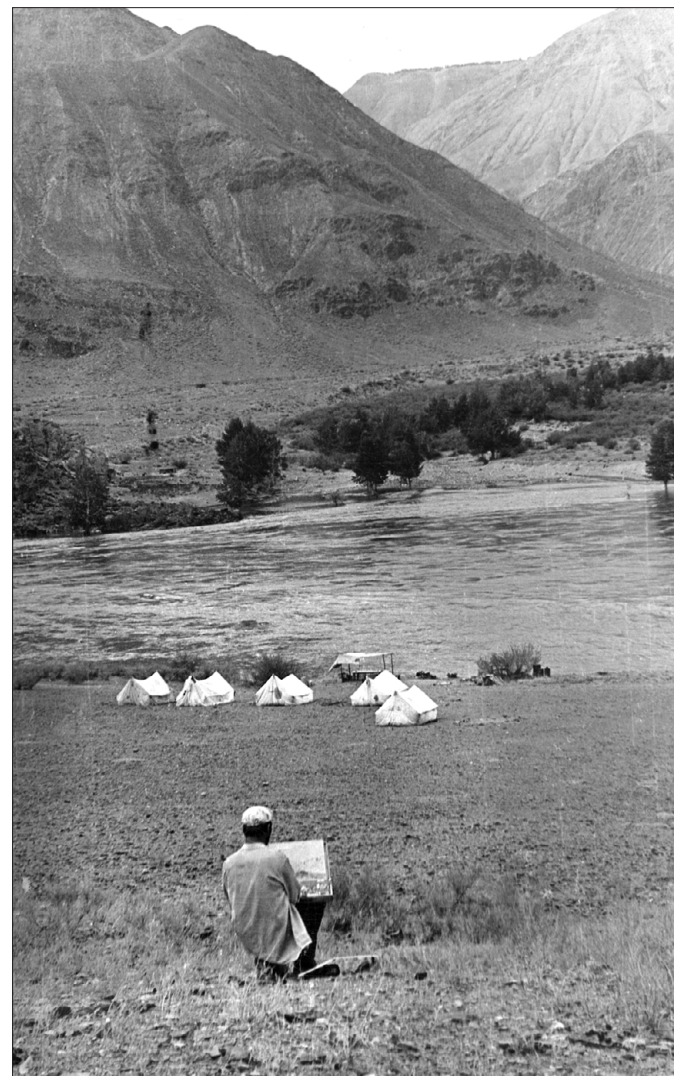

Рис. 16. Вид на лагерь экспедиции во время наводнения. По: [Дэвлет, 1977, л. 15, рис. 48].

года разнятся. Например, в статье «Наскальные рисунки Енисея» в «Археологических открытиях 1977 года» (соавторы В. А. Башилов, В. П. Даркевич, В. Р. Кабо, С. В. Студзицкая) читаем следующее: «Особое внимание уделялось изучению изображений астрономических объектов Мугур-Саргола. В этой связи в составе экспедиции работал специалист-астроном» [Дэвлет и др., 1978, с. 228]. Однако в отчете за этот год такой информации нет, как и астрономов среди перечисленных в нем участников экспедиции.

Помимо стационарных работ в Саянском каньоне Енисея отрядом под руководством Марианны Арташировны были обследованы известные памятники наскального искусства Минусинской котловины: писаницы Боярского хребта, где обнаружено новое местонахождение, писаницы Сулекская, Волчий лог, Джойская, Сосновка, Кантегир.

Об этих памятниках М. А. Дэвлет пишет следующее: «Широко известные в литературе, расположенные близ плотины Саяно-Шушенской ГЭС, будут затоплены уже в 1978 г. ... Как показало наше обследование писаниц Тувы и Хакасии, памятники наскального искусства наиболее подвержены разрушению в наше время. Необходимо срочно их фиксировать, чтобы сохранить до последующего изучения» [Дэвлет, 1977, л. 32, 33]. Видимо целью поездки в Хакасию в июне 1977 г. был также осмотр писаниц (Кантегир и, вероятно, Джойская – по тексту отчета это не совсем ясно), так как и в Хакасии на тот момент обсуждались планы по вывозу камней с красочными рисунками из зоны затопления. Марианна Арташировна пишет, что «сохранность петроглифов очень плохая, кроме тех рисунков, которые сохранились под козырьком Джойского навеса» [Дэвлет, 1977, л. 32]. Отчет заканчивается информацией о степени изученности и современном, крайне плачевном состоянии Сулекской писаницы (в альбоме к отчету представлено 17 фотографий (рис. 105–121), из них 13 – это фотографии вандальных надписей и повреждений петроглифов).

1978 г. Отряд по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции проводил исследования наскальных изображений в Красноярском крае и в Туве. В работе экспедиции принимали участие археологи Н. О. Бадер,

Рис. 17. Н. О. Бадер и М. А. Дэвлет в Ортаа-Саргол. 1978 г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 18. Н. О. Бадер на «дороге Чингисхана». 1978 г. Архив М. А. Дэвлет.

В. П. Даркевич, Н. В. Леонтьев. В фотоархиве Марианны Арташировны сохранились фотопленки, снятые Н. О. Бадером в урочище Мугур-Саргол и снимки самого Николая Оттовича (рис. 17, 18).

Стационарные работы продолжались на левом берегу Енисея: на скалах над ущельем, ведущим из урочища Мугур-Саргол в Ортаа-Саргол. В урочище Мугур-Саргол

проводились «выверка, уточнение копий петроглифов (номера камней свыше № 200)». В отчете и в альбоме приведены описания камней № 204–371, однако уже без замеров (по стандарту, который будет использован в будущей публикации памятника). В тексте отчета много уточнений по уже осмотренным изображениям, так как в 1978 г. уровень воды был очень низким, и это позволило найти новые петроглифы. Отдельно отмечено, что «на юго-восточной периферии святилища имеются современные рисунки, которые мы в тексте приводили лишь частично. Эти изображения не покрыты пустынным загаром. Некоторые из них выбиты и продолжают выбиваться в самые последние годы. Среди них изображение человека с растопыренными руками и расставленными ногами, человеческого лица, животных и раскрытой ладони подростка, который, видимо, и выполнил эти изображения» [Дэвлет, 1978, л. 55].

В Хакасско-Минусинской котловине продолжены осмотр и частичная фиксация петроглифов. Марианна Арташировна посетила и обследовала писаницы Шалаболинская, Потрошиловская, на горах Суханиха и Седловина, у д. Быстрая, были зафиксированы новые петроглифы Боярского хребта (открытые Отрядом в 1977 г., но не скопированные из-за плохой погоды). В альбоме к отчету представлены в основном фотографии, прорисовок всего две – это изображения с горы Суханиха и изображение с горы Седловина. Местоположение этих скопированных поверхностей описано очень условно, к примеру, об изображениях на Суханихе М. А. Дэвлет пишет: «Не доходя до большого панно, по левой стороне лога мы скопировали интересную сцену охоты» [Дэвлет, 1978, л. 61]. Почему скопированы эти поверхности, автор не объясняет, но суть маршрута была, видимо, в том, чтобы посмотреть памятники, описанные А. В. Адриановым, и по возможности сделать фотографии и выборочные копии. М. А. Дэвлет также скопировала изображения с Бейского камня, стоявшего около Абаканского музея, в отчете приведена и его прорисовка [Дэвлет, 1978, л. 36, табл. 78]. В статье «Петроглифы Енисея» (соавторы: Н. О. Бадер, В. П. Даркевич, Н. В. Леонтьев) в «Археологических открытиях 1978 года» также упоминается, что отряд работал в Туве на берегу Чингинской воронки: «Начата съемка общего плана местонахождения наскальных рисунков

на правом берегу р. Чинге», а также «в бассейне р. Абакан осмотрены наскальные изображения Изрых-тас и Малые Арбаты» [Дэвлет и др., 1979, с. 223].

1979 г. Завершены работы в урочище Мугур-Саргол. В отчете уже приводится развернутое описание местности, самого святилища, горных пород скал и особенностей образования пустынного загара – данные тексты потом будут использованы в монографической публикации памятника. Важно замечание автора отчета о технике документирования: «Фотографирование петроглифов производилось при благоприятном освещении без предварительной подкраски изображений. Условия местонахождения памятника не разрешали во многих случаях сфотографировать изображение в соответствии с правилами фотографирования археологических объектов, когда свет падает из верхнего левого угла. В результате получался “эффект выпуклости”, когда петроглифы выглядят не заглубленными на плоскости, как это имеет место в действительности, а напротив, объемными, выпуклыми, рельефными» [Дэвлет, 1979, л. 3]. В альбоме к отчету приведен уточненный общий план памятника, который поражает своей детальностью. В самом отчете нет пояснений по поводу составления плана, но в монографии указано, что его авторы – архитекторы и художники В. К. Зенков и В. В. Долженков. Также в книге есть примечание о том, что за годы, прошедшие со времени работы Я. А. Шера на памятнике, многие номера на камнях были утрачены, и их пришлось заменить новыми; «были заменены также некоторые сомнительные изображения на вновь найденные в процессе работы на памятнике» [Дэвлет, 1980в, с. 15].

В отчете указано, что также завершена фиксация наскальных рисунков в ущелье между долиной Ортаа-Саргол и урочищем Мугур-Саргол, на «дороге Чингисхана» (рис. 19). В этом же году изготовлены гипсовые отливки с наиболее ценных в художественном плане поверхностей для Тувинского республиканского краеведческого музея (автор – ленинградский скульптор Ю. И. Завитухин).

Фиксируемые поверхности очищались от лишайника, что позволило зафиксировать те изображения, которые прежде не поддавались копиро-

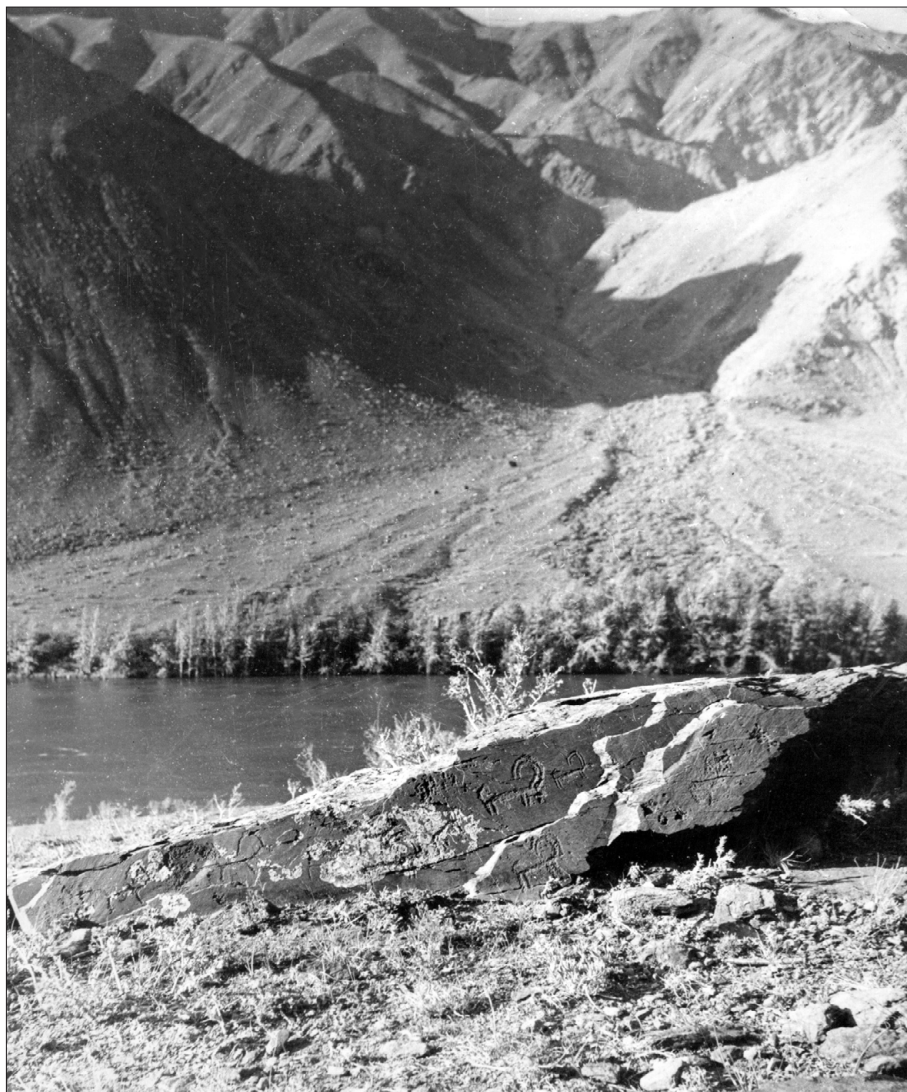

Рис. 19. «Дорога Чингисхана». Петроглифы. Камень № 7. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 20. Процесс расчистки поверхности с петроглифами. 1979 г.
Архив М. А. Дэвлет.

ванию (рис. 20). Интересно, что это первый отчет, в котором автор упоминает о технологии расчистки поверхностей, которая проводилась соляной кислотой, мылом и щетками, и приводит в иллюстрациях к отчету фотографии до расчистки от лишайника и после [Дэвлет, 1979, л. 5, 6, 18, рис. 25, 26].

Марианна Арташировна приводит в отчете точки зрения Л. Р. Кызласова, С. И. Вайнштейна и Г. Е. Грумм-Гржимайло о назначении «дороги Чингисхана». Сама она поддерживает теорию о том, что это «хорошо укрепленная дорога, проложенная в Саянском каньоне по отвесным обрывистым кручам над Енисеем вдоль его левого берега ... В тех же местах, где крутые обрывистые берега Енисея становятся более пологими, где нет естественных преград, «дорога» переходит в оборонительную стену, как, например, в урочище Мугур-Саргол, где сложенная из плитняка обо-

ронительная стена проходит вдоль берега выше святилища бронзового века. В местности Терезенник-Бююк обрывистый склон к воде укреплен мощным земляным валом с каменной облицовкой. В недалеком будущем прибрежные скалы Енисея скроются под водами искусственного моря» [Дэвлет, 1979, л. 5, 6].

Описаны наиболее интересные поверхности на «дороге Чингисхана», а также дискуссия вокруг рунической надписи, найденной еще в 1976 г.: «Камень с древнетюркской рунической надписью был обнаружен сотрудником отряда В. К. Зенковым в местности Терезенник-Бююк в 1976 г. в конце сезона. В 1976 г. удалось скопировать только надпись, рисунки на камне были скопированы в отчетном 1979 г. первооткрывателем петроглифов “дороги Чингисхана” В.К.Зенковым. Камень столбообразной формы, на верхней слабо наклонной плоскости которого имеется надпись и петроглифы находятся ... на западном краю второй террасы над Енисеем» [Дэвлет, 1979, л. 9, 10]. После обнаружения руническая надпись была опубликована Н. А. Баскаковым, затем последовала публикация И. Л. Кызласова, который осмотрел ее в 1978 г. [Кызласов 1979, с. 280], и с описанием и интерпретацией изображений которого Марианна Арташировна была не согласна: «Местонахождение камня было описано им неточно, отмечено неточное количество изображений животных на камне» [Дэвлет, 1979, л. 10]. Марианна Арташировна не приводит в отчете 1979 г. каталог изображений «дороги Чингисхана», так как многие были скопированы впервые, и это был только «второй подход» к памятнику после 1976 г., выверка номеров и систематизация материалов явно были отложены на будущее. Часть прорисовок после 1976 г. переделывалась.

Согласно статье в «Археологических открытиях 1979 года», Отрядом также проводилась частичная фиксация петроглифов на правом берегу р. Чинге, однако в отчете это не упоминается [Дэвлет, 1980б].

1980 г. В 1980–1981 гг. лагерь экспедиции расположился на правом берегу р. Чинге, у подножия горы Алды-Мозага. Летом 1980 г. Отряд по изучению петроглифов продолжал работы в местности Терезенник-Бююк. Непонятно, переправлялись ли участники на другой берег или же лагерь располагался все же не только на правом берегу, если учитывать, что

Чингинская воронка была очень непростым для переправы местом. В отличие от отчета 1979 г., Марианна Арташировна здесь не употребляет название «Дорога Чингисхана» в описании камней, а только Терезенник-Бююк, как бы уточняя местоположение петроглифов, так как сама «дорога» охватывает большую площадь.

В 1980 г. был снят план расположения камней с петроглифами и обозначено взаиморасположение камней и самой «дороги Чингисхана» (рис. 21). В статье в «Археологических открытиях 1980 года» указано, что топографическая съемка велась не только в местности Терезенник-Бююк, но и на правом берегу р. Чинге [Дэвлет, 1981б]. Однако в монографии «Петроглифы на кочевой тропе» [Дэвлет, 1982] план не был опубликован.

В отчете после краткого вступления дано последовательное описание 19 камней, из которых самое большое внимание Марианна Арташировна уделяет композиции на камне № 19 (рис. 22). «На скале представлена большая композиция со сценой охоты в горах, показана горная тропа, по которой вереницей тянутся животные – горные козлы. Охотники с собаками укрываются по обе стороны от тропы, которая показана извилистой линией. Изображение земли, дороги, тропы встречается на петроглифах крайне редко. Эта композиция интересна как для изучения форм и методов охоты в древности, так и с точки зрения ее художественных особенностей» [Дэвлет, 1980а, л. 7]. Описания камней строятся по тому же принципу, по которому уже были описаны поверхности с петроглифами в урочище Мугур-Саргол, но здесь они более развернутые, с подробным рассмотрением композиций, сравнением определенных сюжетов с другими регионами (прежде всего, это касается изображений оленей в скифо-сибирском зверином стиле).

1981 г. Исследовались наскальные изображения на правом берегу Енисея в районе Чингинской воронки (на горе Алды-Мозага (рис. 23, 24)).

В отчете за этот год Марианна Арташировна пишет, что «на правом берегу р. Чинге работы производились в 1974–1975 гг., полученные материалы были опубликованы в книге “Петроглифы Улуг-Хема”. В последующие годы на данном местонахождении от случая к случаю фиксируются

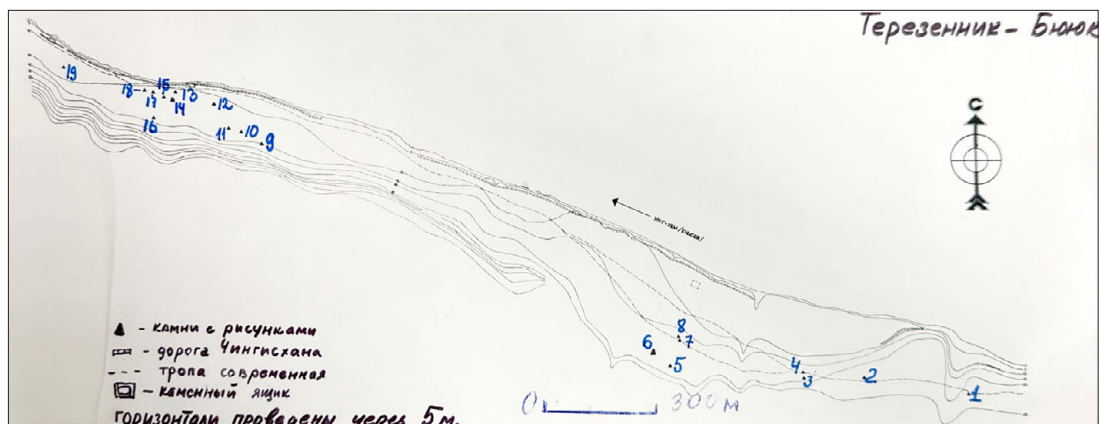

Рис. 21. Схема расположения камней с петроглифами в местности Терезенник-Бююк. По: [Дэвлет, 1980а, л. 2, рис. I].

Рис. 22. Графитная натирка на кальке с обводкой контуров. «Дорога Чингисхана» близ Терезенника-Бююк. 1977 г. Изображения на камне № 19. Архив М. А. Дэвлет.

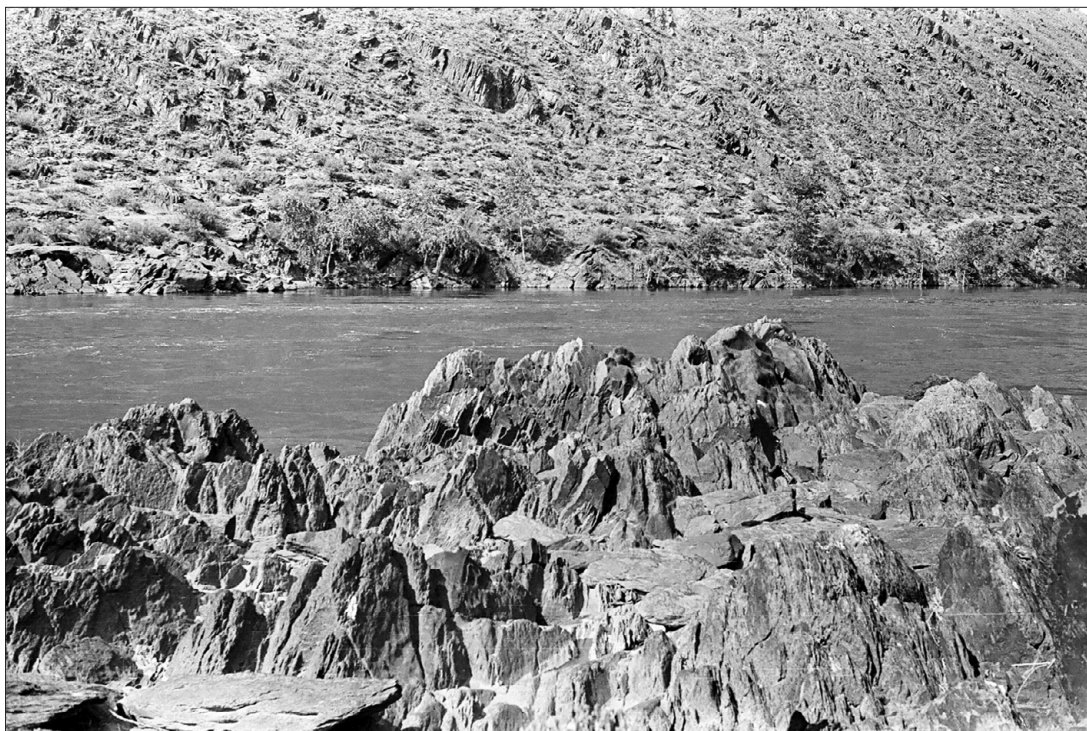

Рис. 23. Алды-Мозага. Прибрежные скалы. Архив М. А. Дэвлет.

вались отдельные рисунки, однако стационарные работы были продолжены лишь в отчетном году» [Дэвлет, 1981а, л. 2]. По тексту имеются уточнения, что тот или иной камень ранее был скопирован и опубликован только фрагментарно, в результате же работ 1981 г. копирование выполнено полностью. По тексту и приложению упоминаются только камни № 5, 10, 19, 24, 25, 30, 32, 33, 39, 47, 50, 52, 53, 70, 71, 76, 76а, 77, 84, 88, 92, 97, 103. В статье в «Археологических открытиях 1981 года» [Дэвлет, 1983б] даны общие цифры. На правом берегу р. Чинге учтено около 150 камней, а также на скалах Бижиктиг-Хая – свыше 100, однако в отчете

Рис. 24. Алды-Мозага. 1983 г. Архив М. А. Дэвлет.

документирование Бижиктиг-Хая не упоминается, ему будут посвящены более поздние работы. На правом берегу Чинге также проводилась топографическая съемка, начатая в 1980 г., продолжалась фиксация петроглифов путем изготовления графитных протирок и объемных копий, велась фото- и киносъемка наскальных изображений.

Описывая методы копирования петроглифов на скалах Алды-Мозага, Марианна Арташировна указывает, что основная сложность состояла в том, что они постоянно подвергались воздействию воды из-за наводнений и поэтому имеют почти гладкую, слабо углубленную поверхность выбив-

ки, как и камни в урочище Мугур-Саргол. «Поверхность рисунков оказалась сильно замытой и сглаженной, и в тем большей степени, чем древнее изображения и чем ближе к воде расположены» [Дэвлет, 1981а, л. 3]. Они копировались путем изготовления графитных «протирок». Для этой цели «на скале липкой лентой укреплялась белая бумага, которая затем затиралась черной копировальной бумагой до получения отпечатка – “протирки”. Здесь же, в полевых условиях, контуры рисунков на “протирке” сверялись с натурой и обводились тонким фломастером. На бумаге обводились также контуры скальной плоскости и, в отдельных случаях, контуры трещин и разломов. В камеральных условиях “протирки” перебеливались, то есть выполнялись в туши. Изготовленные в натуральную величину, перебеленные копии петроглифов уменьшались путем фотографирования» [Дэвлет, 1981а, л. 3, 4]. Это самое подробное описание метода копирования петроглифов, встреченное нами в отчетах Марианны Арташировны. В ее архиве сохранились и сами протирки, и перебеленные копии, и копии с правкой, также в полевых описях камней каждого памятника приклеивались уменьшенные копии перебеленных протирок, которые в следующем полевом сезоне сверялись с оригиналом и правились на месте (рис. 25). В дальнейшем у Марианны Арташировны выйдет отдельная статья о методах документирования петроглифов [Дэвлет, 1990б].

В отчете 1981 г. нет упоминаний о трудностях, с которыми столкнулись участники экспедиции во время работы на Алды-Мозага, но в статье 2017 г., посвященной опыту копирования наскальных изображений в Тувинской экспедиции, читаем следующее: «Гравировки, нанесенные слабо прослеживаемыми тончайшими резными линиями, которые некоторые сибирские археологи, следуя образному выражению художника В. Ф. Капелько, именуют “корябухами”, часто не отпечатывались на бумаге при обычной протирке. Поэтому в полевых условиях они обводились по прозрачному целлофану шариковой ручкой. Замечу, что при копировании на скалах Алды-Мозага подобный способ нас подвел. Пролежав определенное время, краска осыпалась с листов целлофана. Особое внимание при копировании уделялось довольно редким в этих местах палимпсестам – случаям взаимного перекрывания наскальных рисунков.

Подобные изображения обводились на копиях фломастерами контрастных цветов. Копии петроглифов горы Алды-Мозага перебеливались в камеральных условиях, то есть изображения, скопированные в натуральную величину, переводились на белую рулонную бумагу. В случаях сплошной выбивки силуэтные фигуры полностью заливались тушью. Графитные протирки обычно перерисовывались через копировальную бумагу желтого цвета. Такая бумага дает достаточно отчетливо различимые для обводки тушью линии контуров изображений и в то же время не оставляет после использования на перебеленной копии грязных помарок» [Дэвлет, 2017, с. 5, 6]. Кроме того, в экспедиции делались и «зарисовки с натурой», однако авторство рисунков неизвестно (рис. 26).

В отчете упомянуты сотрудники экспедиции А. В. Воеводский и В. Корноухов, которые выполнили план местонахождения в 1980–1981 гг., С. В. Студзицкая, скульптор Ю. И. Завитухин, который делал гипсовые копии для Тувинского музея, а также режиссер Э. Я. Правдина.

Марианна Арташировна пишет, что, по информации 1981 г., по планам строительства Саяно-Шушенской ГЭС петроглифы правого берега р. Чинге должны были уйти под воду уже в 1984 г., так как в этом месте вода поднимется на 40 м, а высота горы Алды-Мозага всего 20 м. В следующем году сроки были перенесены на 1985 г.

1982–1983 гг. Лагерь экспедиции после шестилетнего перерыва вновь располагался у скал Бижиктиг-Хая на левом берегу Енисея. За 1982–1983 гг. был сдан единый отчет, в котором Марианна Арташировна пишет, что в работах 1982 г. она не участвовала (в этот год она защищала докторскую диссертацию) [Дэвлет, 1983]. Отряд по изучению петроглифов в составе четырех лаборантов работал в Саянском каньоне по составленной ею программе изучения петроглифов Алды-Мозага. В отчете представлены описания, прорисовки и выборочные фотографии камней № 1–152, позднее все они вошли в монографию [Дэвлет, 1998]. В самом отчете не сказано, кто были эти лаборанты, но в публикации памятника Марианна Арташировна подробно перечисляет всех участников экспедиций, отмечая, что основные работы по копированию петроглифов выполнили архитекторы Н. И. Титова и И. Ф. Попова [Дэвлет, 1998, с. 15].

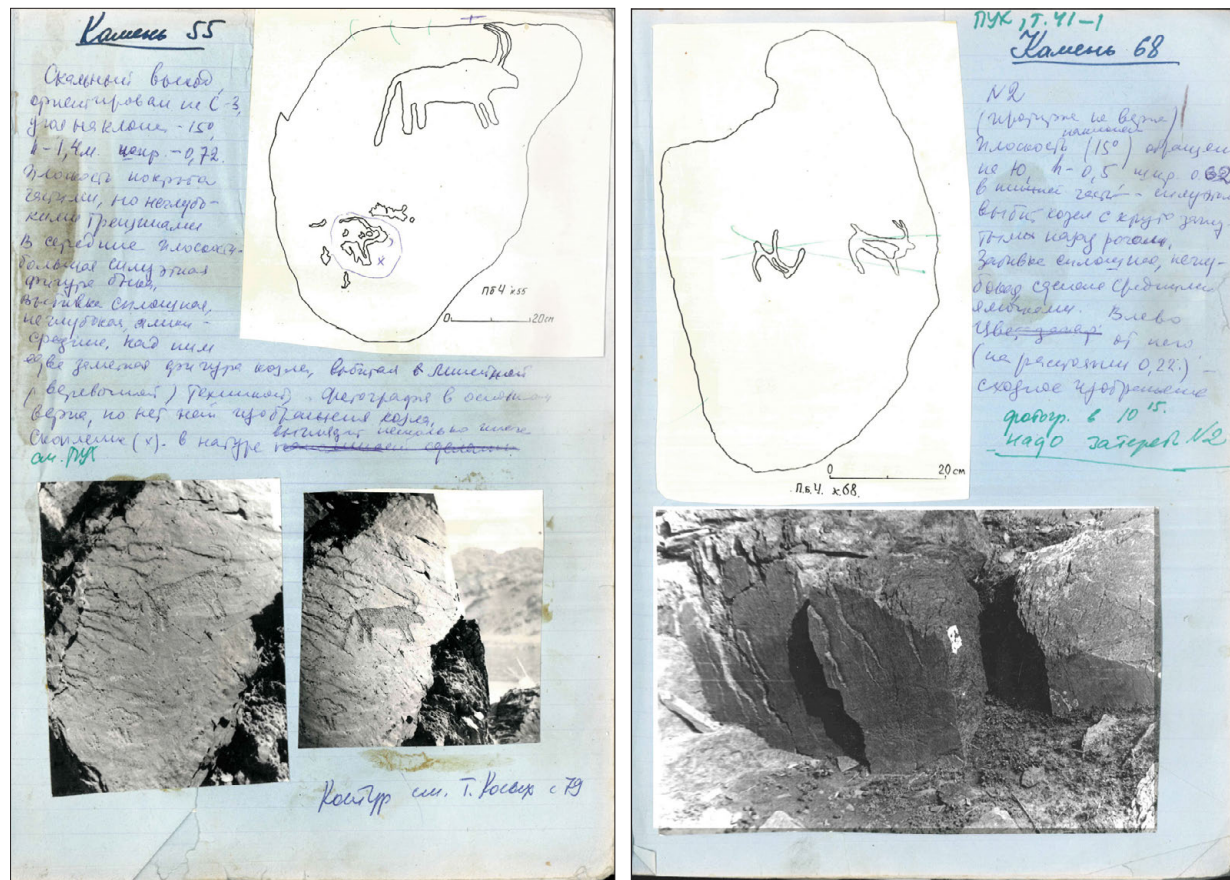

Рис. 25. Описания камней в полевом дневнике М. А. Дэвлет за 1982 г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 26. Рисунок скалы с петроглифами. Правый берег Чинге, 1975 г. Камень № 40. Архив М. А. Дэвлет.

На скалах Алды-Мозага открыта серия новых петроглифов на, казалось бы, хорошо обследованных участках. Это прежде всего рисунки, выполненные тончайшими резными линиями, часто трудноразличимые, едва заметные. Установлено, что древние художники часто тонкой резной линией намечали контуры фигуры, а затем уже забивали внутреннее пространство точечными ударами. Это наблюдение, к которому Марианна Арташирвна потом не раз вернется в своих работах, впервые опубликовано

именно в данном отчете, и понятно, что многие прорисовки прошлых лет уточнялись ею и сотрудниками экспедиции, так как с каждым годом, возвращаясь на памятники, ученые открывали новые изображения, которые раньше не были ими замечены.

В статье об археологических открытиях 1982 г. – отличающаяся от отчета информация, в ней лишь одна строчка о том, что продолжались работы на правом берегу Чинге. Эта статья так и названа – «Петроглифы

Бижиктиг-Хая в Саянском каньоне Енисея» [Дэвлет, 1984б]. Марианна Арташировна пишет, что была «завершена топографическая съемка местности, составлен общий план расположения камней (более 100) с петроглифами» [Дэвлет, 1984б]. Скорее всего работы 1982 г. действительно проходили на Бижиктиг-Хая, так как там и стоял лагерь. Но эти работы войдут в более поздние отчеты, а отчет 1982–1983 гг. посвящен на самом деле работам 1983 г. на Алды-Мозага, а также открытию на левом берегу р. Чинге около горы Устю-Мозага камня с изображением дороги (как считалось в 1983 г.). В 1983 г. сотрудник экспедиции московский математик В. С. Виноградов обнаружил огромную поверхность с петроглифами, которая позже получила название «Каменный компас», под которым она и была опубликована [Дэвлет, 2004].

На плоскости камня открыто изображение в виде извилистой ленты, вдоль которой размещаются фигуры людей, животных, различные знаки. Особый интерес представляют изображения колесниц, находящихся с обеих сторон от этой дороги-ленты, на одной из которых представлена фигура человека, стреляющего из лука. В 1988 г. Марианна Арташировна вновь пишет в отчете о работах на этом камне, давая развернутую информацию о семантическом значении изображений, позднее опубликованную в монографии, но, видимо, суть работы заключалась в уточнении уже сделанных прорисовок и оценке состояния сохранности: «Поверхность скальной плоскости сплошь поросла лишайником, изображения были выявлены только после его очистки. Камень рассечен глубокими и широкими трещинами, где скальная поверхность утрачена. Вероятно, эти трещины существовали до того, как были нанесены рисунки, однако за прошедший со времени их создания период края плиты продолжали разрушаться, так что часть изображений пострадала, некоторые фигуры уходят в трещины» [Дэвлет, 1988а, л. 3]. К сожалению, Марианна Арташировна не приводит в отчете 1983 г. информацию о том, чем проводилась расчистка, как камень выглядел после нее, а в отчете 1988 г. нет фотографий поверхности до расчистки, однако в фотонегативах найден кадр, на котором предположительно запечатлен «каменный компас» до расчистки (рис. 27). Хотя в отношении петроглифов Куйлуг-Хема она задавалась

Рис. 27. «Каменный компас» до расчистки от лишайника. 1988 г.
Архив М. А. Дэвлет.

вопросом о результативности расчистки и в статье об истории своих экспедиций в Туве пишет следующее: «...привожу копии, снятые в середине 1980-х гг., когда я и несколько сотрудников Отряда по изучению петроглифов приезжали сюда из “трубы” на лодке для мониторинга роста лишайников на петроглифах Куйлуг-Хема» [Дэвлет, 2006, с. 201].

С 1983 по 1985 г. лагерь экспедиции стоял на правом берегу р. Чинге у подножия горы Алды-Мозага (рис. 28). Работы велись там же с целью завершения фиксации петроглифов и уточнения копий, выполненных в прежние годы на Бижиктиг-Хая и Алды-Мозага, поскольку первыми под воду в 1985 г. должны были уйти эти местонахождения, находившиеся ниже остальных по течению Енисея.

1984 г. Отчет посвящен только работам на Бижиктиг-Хая, в нем последовательно описан 101 камень с петроглифами. Скалы Бижиктиг-Хая

тянутся вдоль правого берега Енисея в 5 км ниже устья р. Чинге и в 2 км выше устья р. Хемчик (рис. 29–31). Скалы были исключительно сильно разрушены, гладких поверхностей, удобных для нанесения петроглифов, имелось очень мало, поэтому изображения наносились на неровные, слоистые, испещренные сколами поверхности. Однако при этом они не замыты, так как при наводнениях вода не доходила до них, в отличие от скал Мугур-Саргола или Алды-Мозага. Петроглифы также копировались путем изготовления графитных «протилок». В отчете 1984 г. на одном из фото показана фигура, контуры которой заполнены водным раствором зубного порошка, иные способы «подсветить петроглифы» Марианна Арташировна не применяла [Дэвлет, 1984а, с. 109].

Первые копии Бижиктиг-Хая опубликованы Марианной Арташировой еще в «Петроглифах Улуг-Хема» [Дэвлет, 1976б], но также, как и на другие памятники Саянского каньона, она возвращалась сюда не раз. Стоит отметить, что отчет 1984 г. – один из самых кратких, описание местонахождения занимает всего одну страницу. Описания камней с петроглифами более лаконичны, чем в публикации этого памятника [Дэвлет, 1993], в них отсутствуют подробные детали самих петроглифов, трещин, пустынного загара, а также фиксация взаимоположения камней. Не совсем ясно, была ли в отчете представлена сокращенная версия описания камней, либо Марианна Арташировна уже при подготовке публикации дорабатывала полевые материалы.

В отчете 1984 г. представлен план памятника с обозначенными на нем номерами камней с изображениями, его сильно уменьшенная копия опубликована в статье о Бижиктиг-Хая [Дэвлет, 1993, с. 133]. Это, пожалуй, самая неудачная публикация М. А. Дэвлет, так как она вошла в сборник «Памятники наскального искусства», изданный не в самом лучшем качестве и в небольшом формате.

С середины полевого сезона 1985 и в 1986 г. в связи с заполнением водохранилища лагерь Отряда по изучению петроглифов был перенесен на более возвышенное место у подножия горы Устю-Мозага – на левый берег р. Чинге. Завершающие работы велись уже в условиях начинающегося затопления данного участка Саянского каньона. В фотоархиве

Марианны Арташировны найдены и оцифрованы цветные пленки, на которых запечатлены работы 1984–1985 гг. (рис. 32–34).

1985 г. Отчет этого года носит название «О работе Отряда по изучению петроглифов Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР

Рис. 28. Лагерь экспедиции 1984 г. под горой Алды-Мозага. На противоположном берегу Енисея – «дорога Чингисхана». Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 29. Бижикиг-Хая. Вид с Енисея. 1984 г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 30. Бижикиг-Хая. Камень № 48. 1984 г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 31. Бижикиг-Хая. Камень № 4, 5. 1984 г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 32. Марианна Арташировна Дэвлет на левом берегу р.Чинге. 1984 г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 33. Левый берег р. Чинге. Петроглифы. 1984 г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 34. Вид на гору Алды-Мозага с левого берега р. Чинге. 1984(?)–1985 гг. Архив М. А. Дэвлет.

(Петроглифы Мозага-Комужап)». Экспедиция 1985 г. уже была переименована из Саяно-Тувинской в Тувинскую.

Местонахождение под названием «Мозага-Комужап» расположено в 1–1,5 км выше по течению Чингинской воронки, над которой находится гора Устю-Мозага. В ранних статьях встречаются другие варианты названия: Мозога-Комужап, Мозага-Комужаг, Мозага-Комужай (также в отчете 1985 г. часто в подписях напечатано «Мозога-Комужак»). Первоначально памятник получил название «Мозага-Комужап», затем, после консультации с тюркологом Д. Д. Васильевым, данное местонахождение

петроглифов было переименовано в Мозола-Хомужалыг, но после консультаций с местными жителями в 1985 г. Марианна Арташировна решила вернуться к первоначальному названию [Дэвлет, 2009а, с. 9]. Датой открытия памятника М. А. Дэвлет считала 1974 г., когда сотрудниками группы по изучению петроглифов Н. В. Пановой и М. Н. Спидиоти была открыта поверхность с петроглифами в стиле оленных камней на скальном обнажении, которому при индексации присвоено № 84 (рис. 35–38) [Дэвлет, 1976б, с. 96, табл. 53]. Через 12 лет, в 1986 г., эта же композиция на камне 84 была вновь скопирована Н. И. Титовой. Собственно, после

Рис. 35–38. Мозага-Комужап. 1984(?)–1985 гг. Архив М. А. Дэвлет.

1974–1975 гг. к данному памятнику Отряд вернулся только в 1985 г., а в 1987 г. это местонахождение уже было затоплено.

Мозага-Комужап представляет собою вытянутый вдоль реки горный массив, который условно можно по естественным западинам разделить на три части. Центральную и восточную части горного массива разделяет глубокий лог, ведущий к реке. Наскальные изображения в первых двух частях горного массива, о которых идет речь в Отчете 1985 г., сосредоточены в основном на вершинах: в западной части массива на высоте от 30 м, в центральной – 30–40 и более метров. Особенностью петроглифов, описываемых в данном Отчете, является то, что большинство из них выбиты на горизонтальных или близких к горизонтальным плоскостях.

При работе на правом берегу Енисея разработана систематизация техники выполнения наскальных изображений (точечной выбивки и резной) [Дэвлет, 1985а, л. 39, 40], не раз описанная в более поздних статьях и монографиях Марианны Арташировой. В статье 2017 г. читаем уточнение: «При работе в Саянском каньоне на правом берегу Енисея была составлена таблица с цифровыми характеристиками, которыми руководствовались при обозначении густоты, глубины и размера точечной выбивки. Таблица была разработана постоянным участником экспедиции, старшим научным сотрудником Института ядерных исследований АН СССР А. В. Воеводским» [Дэвлет, 2017, с. 7]. Более подробно методика описания, технология выбивки, как и опыты трасологического изучения приведены в монографии, посвященной петроглифам Мозага-Комужап [Дэвлет, 2017, с. 14].

В отчете 1985 г. приводится описание камней № 1–79, а также уточнены и переделаны некоторые прорисовки Бижиктиг-Хая [Дэвлет, 1985б, с. 7] (и на Устю-Мозага, если судить по статье в «Археологических открытиях 1985 года» [Дэвлет, 1985б]). В отчете приведен уже оформленный топографический план расположения камней с петроглифами Мозага-Хомужап, который позже будет опубликован в монографии [Дэвлет, 2009а, с. 52, 53].

Интересно, что именно на фотографиях Мозага-Хомужап попадают поверхности с магнитными шифрами. В статье 2017 г. Марианна Арта-

шировна напишет: «Для точного учета фотоснимков, чтобы не перепутать порядок кадров, применялся магнитный алфавит, цифры которого, как и сам металлический планшет, сами по себе могут служить масштабом. На нем выкладывался шифр объекта и номер камня или плоскости. Планшет помещался сбоку или в углу кадра» [Дэвлет, 2017, с. 7] (рис. 39).

В 1985 г. в середине полевого сезона, когда в связи с началом затопления ложа водохранилища к экспедиционным палаткам, стоявшим на берегу Енисея под горой Алды-Мозага, вплотную подошла вода, лагерь был перенесен на более высокое место у подножия горы Устю-Мозага. Здесь лагерь находился и в следующем, 1986 г., когда работы в местности Мозага-Комужап были завершены.

На заключительном этапе работы Отряда по изучению петроглифов в Саянском каньоне проводились уточнение выполненных в предыдущие годы копий петроглифов Мозага-Комужап и Устю-Мозага, уходящих под воду, а также фиксация изображений, находящихся за пределами зоны затопления, в зоне риска.

1986 г. В отчете представлены фотографии, на которых показано, как ушли под воду святилище Мугур-Саргол, как стала островом гора Устю-Мозага и как ушла под воду практически половина горы Алды-Мозага [Дэвлет, 1986а, л. 30–36]. Для сравнения представлен кадр, сделанный с того же места в 1984 г., из фотоархива М. А. Дэвлет (рис. 40 и 41). В отчете дано описание камней № 80–99 на местонахождении Мозага-Комужап (всего в монографии опубликовано 119 камней: [Дэвлет, 2009а]).

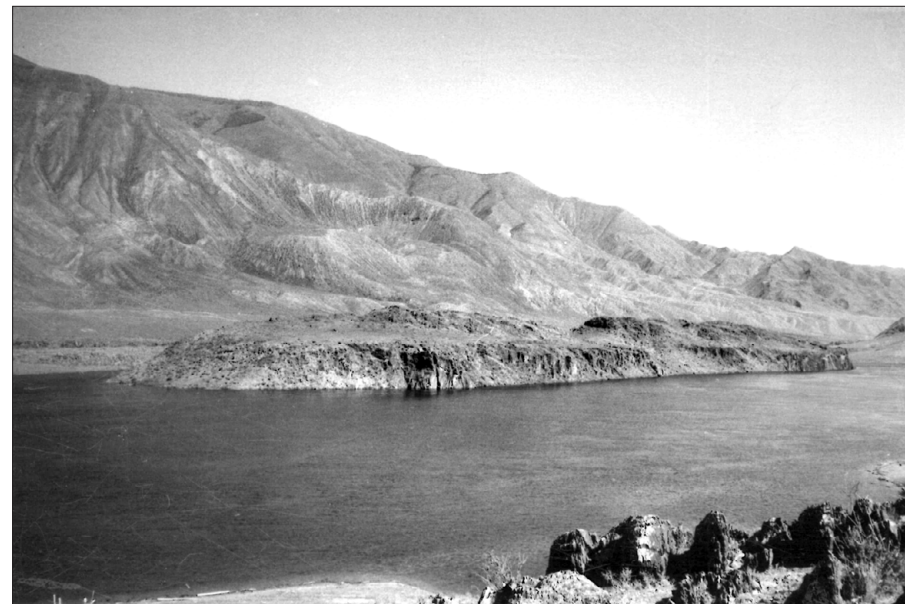

Рис. 39. Мозага-Комужап. Камень № 112. По: [Дэвлет, 1987а, с. 62, рис. 47].

Рис. 40. Вид на г. Устю-Мозага, ставшую островом, с левого берега Енисея. 1984 или 1985 г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 41. Вид на г. Устю-Мозага, ставшую островом, с левого берега Енисея. 1986 г. По: [Дэвлет, 1986а, с. 33, фото 4].

В 1986 г. также проводились работы у подножья г. Бош-Даг на берегу левого притока Енисея – р. Чаа-Холь (рис. 42, 43). Частично зафиксированная в предшествующие годы композиция с двумя крупными фигурами скачущих оленей и другими изображениями животных описана как сильно попорченная: петроглифы были покрашены белой и зеленой краской. Любопытно, что большое количество негативов с петроглифами Бош-Даг подписано не 1986, а 1985 годом. Но и в других случаях наблюдается путаница, и не всегда получается проверить фотографии по отчетам. В статье в «Археологических открытиях 1986 года» почти полностью скопирован текст отчета, но все же есть дополнение: «В местности Ортаа-

Саргол зафиксирована сложная композиция, а местонахождение Малый Байнкол снова осмотрено» [Дэвлет, 19886].

1987 г. Отчет «О работе Отряда по изучению петроглифов Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР» посвящен работам на тех же памятниках, что и в 1986 г. Приводится подробное описание камней № 100–119 на местонахождении Мозага-Комужап, однако в монографии, посвященной этому памятнику, Марианна Арташировна пишет, что «в 1987 г., когда Тувинское море распространилось по всему Саянскому каньону, наши полевые работы были прекращены» [Дэвлет, 2009а, с. 9], поэтому не совсем ясно, проводились ли, собственно, в 1987 г. работы

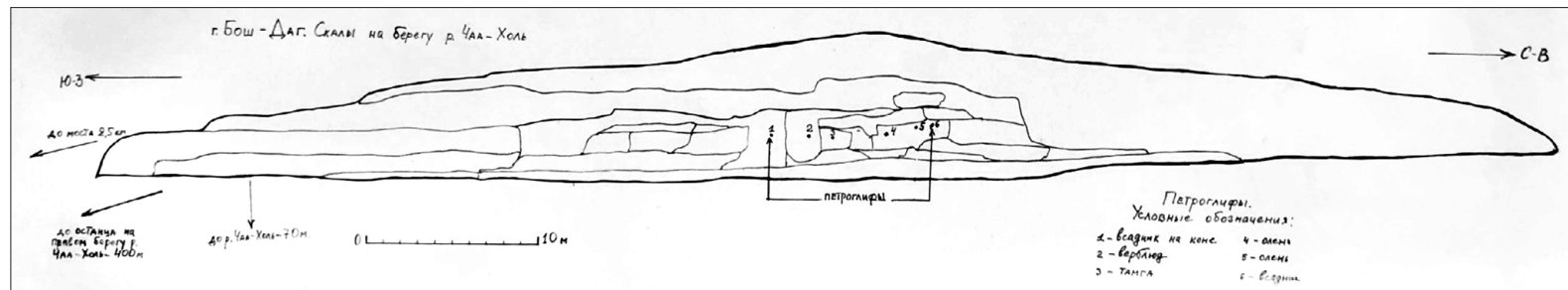

Рис. 42. Бош-Даг. Скала с петроглифами. Изображения закрашены краской. 1985 (?) г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 43. Бош-Даг. Изображение оленя. 1985 (?) г. Архив М. А. Дэвлет.

Рис. 44. Бош-Даг. Местоположение главной плоскости. По: [Дэвлет, 1987а, с. 23, рис. 7].

именно в каньоне и где стоял лагерь. В отчете 1987 г. также описаны продолжающиеся работы в местности Бош-Даг, приведен план памятника с указанием местоположения главной плоскости (рис. 44).

Схема расположения иллюстраций Марианной Арташировой в отчете 1987 г. была изменена. Обычно большую часть иллюстраций представляли собой прорисовки всех указанных в отчете поверхностей и из-

бранные фотографии, но не всех камней, а только самых «эффектных» или важных по иным причинам. В отчете 1987 г. каждый камень представлен сначала прорисовкой, затем одной или несколькими фотографиями.

1988 г. Отряд по изучению петроглифов Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР проводил работы на правом берегу Енисея в

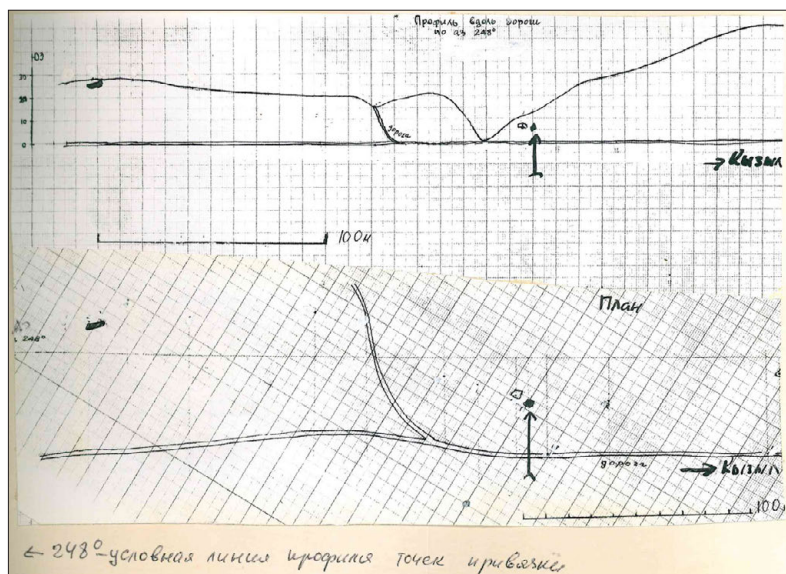

Рис. 45. «Скалы Баянкольчик. Местонахождение скалы, ныне взорванной, от которой сохранилось два обломка (указано стрелкой). Ситуационный план (инструментальная съемка) выполнен топографом Тувинского музея». По: [Дэвлет, 1988а, с. 11, рис. 2].

Рис. 46. «Скалы Баянкольчик. Фотография с рисунка из архива В. П. Левашевой. Ныне эта скала взорвана. Пунктирной линией обведены два сохранившихся обломка». По: [Дэвлет, 1988а, с. 12, рис. 3].

районе г. Кызыл в местности Баян-кольчик* (Малый Баянкол), где Марианна Арташировна работала и ранее, в 1973–1974 г. Часть изображений этого памятника опубликована в 1976 г., но автор считала необходимым продолжать работу на памятнике. М. А. Дэвлет публикует в отчете профиль местности и ситуационный план, выполненный топографом Тувинского музея (рис. 45). В отчете описан пример с частично утраченной композицией с оленями, для которой известны рисунки А. В. Адрианова. Автор дает фотографию с рисунка всей этой композиции из архива В. П. Левашовой (рис. 46), однако чей это рисунок, не указано. На планах отмечено местонахождение этой скалы, от которой сохранилось два обломка. Эти фрагменты были скопированы и также приводятся в отчете и в фотографиях, и в прорисовках. Частично они были скопированы еще

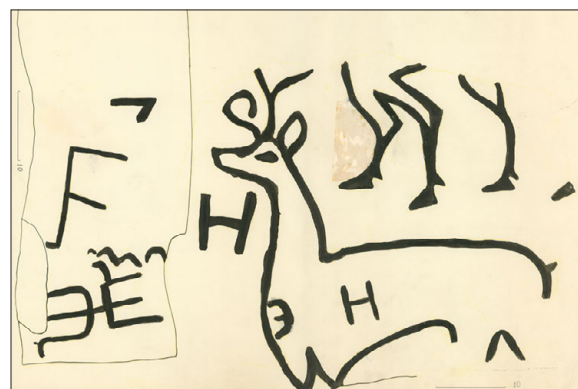
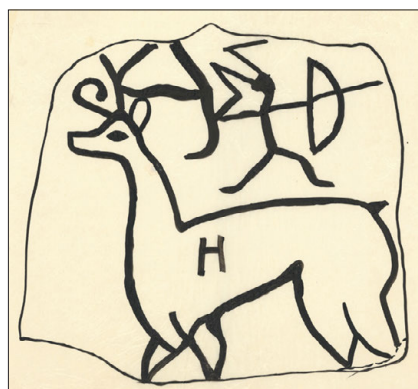

Рис. 47. Малый Баянкол. Слева: прорисовка 1974 г. Архив М. А. Дэвлет. Справа: «Скалы Баянкольчик. Прорисовка с копии, выполненной в 1988 г. Два сохранившихся обломка на скале, ныне уничтоженной». По: [Дэвлет, 1988а, с. 13, рис. 4].

* В отчете 1988 г. М. А. Дэвлет употребляет название «Скалы Баянкольчик».

в 1974 г., но в 1988 г. Марианна Арташировна существенно уточнила копии (рис. 47). Полную реконструкцию этой композиции с оленями на основе фотографий А. В. Адрианова и А. О. Гейкеля выполнила Е. А. Миклашевич [2021].

В 1988 г. работы велись и у подножия горы Устю-Мозага, где продолжалось документирование поверхности, открытой в 1983 г., – «Каменного компаса» (рис. 48–50). На этой поверхности (у М. А. – плоскости) насчитывается около 150 изображений, величиной не более 20 см. Марианна

Рис. 48. «Каменный компас». Общий вид. Архив М. А. Дэвлет.

Арташировна подробно описывает фигуры и пишет о том, что первоначально композиция была неправильно истолкована, так как линию, пересекающую камень с севера на юг, приняли за обозначение дороги. Но после камеральной обработки изображений (перебелки и пересъемки копии) «стало ясно, что линия изображает определенную фигуру – знак в виде стрелки, указывающий на север» [Дэвлет, 1988а, л. 7]. Собственно, отсюда и название – «компас», под которым этот памятник опубликован [Дэвлет, 2004].

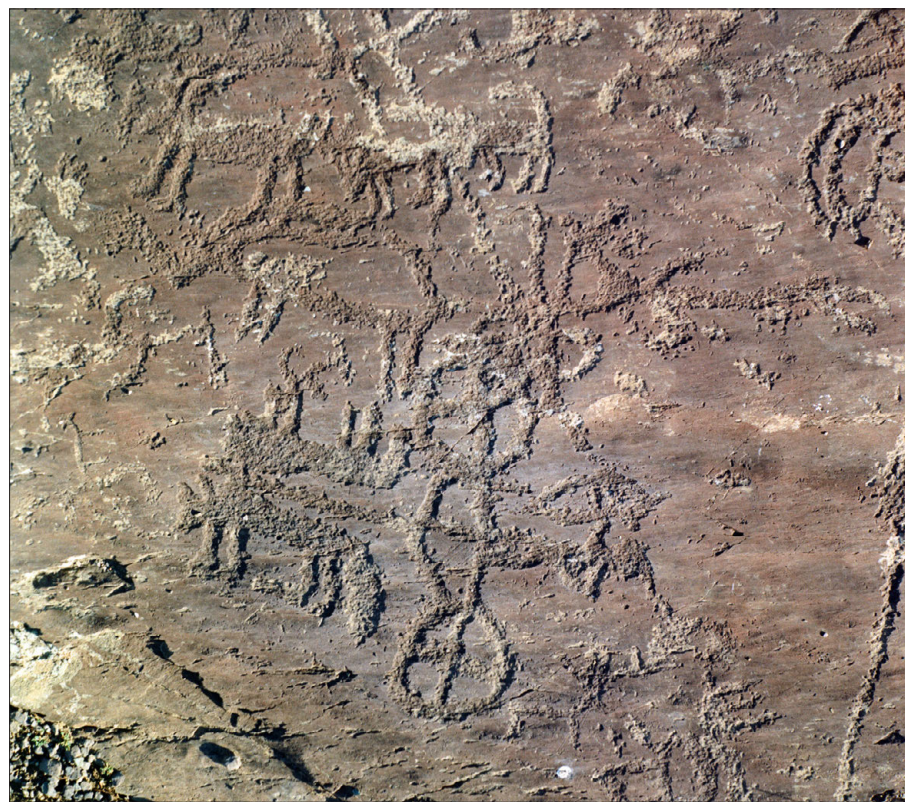

Рис. 49. «Каменный компас». Фрагмент. Архив М. А. Дэвлет.

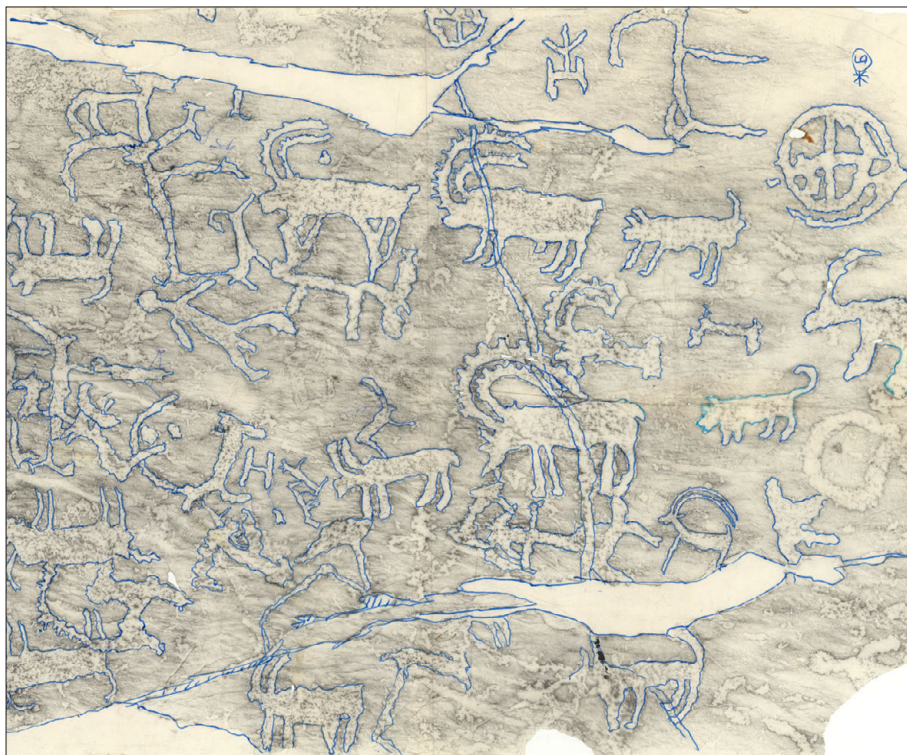

Рис. 50. «Каменный компас». Фрагмент копии. Графитная натирка на папиросной бумаге с обводкой контуров выбивки. Архив М. А. Дэвлет.

В отчете не упоминаются работы на самой горе Устю-Мозага, однако в поздних статьях Марианна Арташировна напишет, что «в последние годы работы в Саянском каньоне, когда оказались затопленными еще до окончания полевого сезона святилище Мугур-Саргол и скалы у подножия горы Алды-Мозага, на горе Устю-Мозага была произведена ускоренная фиксация наскальных изображений, оставшихся не скопированными [Дэвлет М., Дэвлет Е., 2018, с. 105]. Однако небольшая часть этих скопированных изображений так и осталась не перебеленной [Дэвлет,

2017, с. 4]. Такая необходимость возникла в связи с тем, что через этот скальный массив строители ГЭС намеревались соорудить паромную переправу [Дэвлет, 2013, с. 18]. Видимо, в 1987–1988 гг. были скопированы также уходящие под воду и находящиеся в зоне риска наскальные изображения на отдельно лежащих валунах и скальных выходах левого берега р. Чинге, но пока в личном архиве исследовательницы эти копии не найдены.

Первые наскальные изображения на горе Устю-Мозага зафиксированы в 1973 г. Прорисовки и фотографии петроглифов левого берега р. Чинге есть только в отчетах М. А. Дэвлет 1974 и 1975 гг. Наскальные изображения на горе Устю-Мозага были сосредоточены в большинстве своем на вершине. Всего в процессе работ на памятнике обнаружено и зафиксировано около 160 камней с петроглифами [Дэвлет М., Дэвлет Е., 2018, с. 104], но план местонахождений нигде не опубликован и не представлен в отчетах. Также не последовало полной публикации памятника, и только в статьях последних лет есть некоторые прорисовки, а также развернутое описание местонахождения и истории его изучения [Дэвлет, 2013; Дэвлет М., Дэвлет Е., 2018].

Таким образом, по результатам работ 1973–1988 (формально – 1986) гг. перечисленные выше памятники наскального искусства в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС, за исключением Устю-Мозага, были введены Марианной Арташировной Дэвлет в научный оборот.

1989 г. Исследования проводились в Барун-Хемчикском районе на памятнике Бижиктиг-Хая близ пос. Кызыл-Мажалык. Во введении к отчету сказано, что работы заняли всего неделю и были перенесены на осень в силу ряда обстоятельств, но так и не были продолжены. Собственно, это был последний «официальный» полевой сезон Марианны Арташировны. На данном памятнике она уже работала, он упоминается в статье об археологических открытиях 1973 г. [Дэвлет и др., 1974] и в отчете 1977 г. (где опубликованы только фотографии, без прорисовок). Изображения Бижиктиг-Хая были впервые скопированы А.В. Адриановым, но известны в основном центральные поверхности, в то время как экспедицией 1989 г. скопированы и петроглифы в левой части местонахожде-

Рис. 51. Западные склоны
Бижиктиг-Хая. Пункты 1 и 2.
По: [Дэвлет, 1989, с. 10, рис. 8].

Рис. 52. Бижиктиг-Хая I. Пункт 1.
Графитная натирка с обводкой
контуров выбивки. Фрагмент копии.
Архив М. А. Дэвлет.

ния, «которые были известны Адрианову, но впоследствии были практически забыты» [Дэвлет, 1989, л. 3]. Марианна Арташировна выделила местонахождения и пункты, но не совсем понятно, сколько всего местонахождений на этом памятнике, потому как в приложении представлено много фотографий расположения пунктов 1–3 внутри местонахождения Бижиктиг-Хая I и указано также местонахождение Бижиктиг-Хая II (рис. 51). В тексте же объяснение не дается. В статье Н.Л.Членовой, где есть сведения и об этом памятнике [Членова, 1956], описанные М.А.Дэвлет поверхности не упоминаются, но и деления на несколько частей этой «писаницы» нет. Пункт 2, по М.А.Дэвлет, – это центральные поверхности и буддистская ниша. Пункт 3 не описан, основное внимание уделено пункту 1, который расположен «на скалах с продольной и поперечной слоистостью ... Рисунки выбиты на расстоянии от цоколя 1–1,5 м в южной части скальных обнажений. Плоскость с изображениями ориентирована к западу, она находится на расстоянии 1–1,5 м от уровня цоколя. Скальная поверхность с этой плоскостью и цоколем выкрошилась еще в древности, и скалы с изображениями как бы нависают над цоколем» [Дэвлет, 1989, л. 2]. Размеры самой поверхности не указаны.

В статьях и монографиях Марианны Арташировны часто использованы изображения Бижиктиг-Хая на р. Хемчик, но публикации всего памятника нет. Документированная в 1989 г. поверхность в пункте 1 (рис. 52) опубликована позже в статье [Дэвлет, 1992].

В отчете 1989 г. на последней странице приложений размещена фотография улыбающихся тувинских школьников «на фоне плоскости с изображениями» (рис. 53). На такой позитивной ноте Марианна Арташировна как будто прощается этим фото со своими экспедиционными годами...

* * *

Отчет о работах на памятниках наскального искусства – специфический жанр источника, так как ни в 1970–1980-х годах, ни в настоящее время нет точных критериев написания этих отчетов. К примеру, в современном «Положении о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации» о работах на памятниках этого типа сказано только следующее: «При исследовании нас-

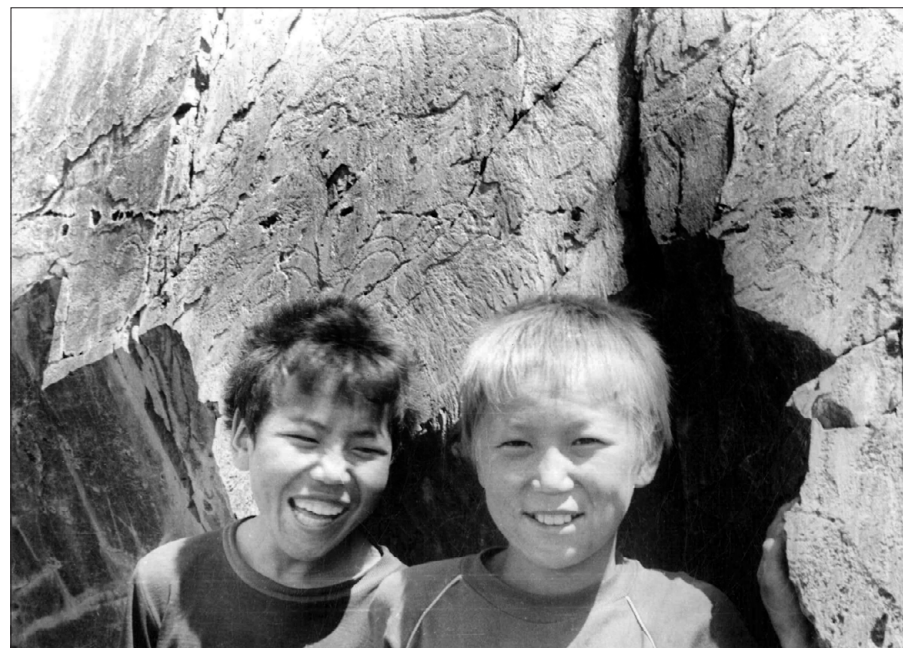

Рис. 53. Бижиктиг-Хая I. Пункт 1. Тувинские школьники на фоне плоскости с изображениями. По: [Дэвлет, 1989, с. 29, рис. 26].

кальных изображений необходимо охватить всю площадь их распространения. Регистрация и описание только наиболее эффектных фигур и композиций не допускается. При выполнении копирования, графической и фотографической фиксации наскальных изображений и эпиграфических памятников запрещается использовать средства, которые могут негативно повлиять на сохранность данных объектов» [Положение..., 2023, с. 19]. О структуре отчетов, содержании и полноте представляемой информации ничего не сказано. Безусловно, разработка методических указаний по составлению отчетной документации работ с наскальным искусством – до сих пор важная, но не решенная задача, несмотря на предпринимаемые попытки [Заика, 2006].

Марианна Арташировна одной из первых начала целенаправленно проводить исследования и спасательное документирование на сложных и часто не понятных «чистой археологии» памятниках, которые требовали особого подхода. Ее работы отличали скрупулезность, планомерность исследований, которые строились по определенному плану, и внимание к деталям. Она не раз проверяла собственные выводы, возвращалась на памятники, чтобы сверить результаты документирования. М. А. Дэвлет задала своими работами высокую планку, и до сегодняшнего дня ее исследования традиций наскального искусства Тувы являются эталонными. При этом стоит отметить, что только официальные документы, которыми являются отчеты, сдававшиеся в архив Института археологии АН СССР, не могут использоваться как достаточно полная источниковая база пути становления исследовательницы как ведущего петроглифиста нашей страны. Учитывая сжатые из-за спешности работ сроки, каждый год Марианна Арташировна брала на себя новый открытый лист, сдавая отчет о работах предыдущего года почти сразу, после его завершения. При этом полевой сезон длился два-три месяца, и камеральные работы также проводились в сжатые сроки. Не всегда информация в отчетах полностью соответствовала проводимым работам, так как одновременно Отряд успевал работать на нескольких памятниках; в отчетах представлена в основном уже «сгруппированная» информация. По этой причине необходимо активно привлекать личный архив исследовательницы, что мы и попытались сделать в данной статье.

Библиография

Баскаков Н. А. Наскальная руническая надпись в Терезеннике-Бююк урочища Мугур-Саргол Тувинской АССР // Советская этнография. 1978. № 3. С. 152–154.
Грач А. Д. Отчет о полевых исследованиях Первого отряда СТЭАН в 1967 г. / Архив Института археологии РАН. 1967. Р-1. № 3518, 3518а.
Грач А. Д. Отчет о полевых исследованиях I-го отряда Саяно-Тувинской археологической экспедиции АН СССР. 1968 г. / Архив Института археологии РАН. 1968. Р-1. № 3823, 3823а.

Дэвлет Е. Г. Саяно-Тувинская экспедиция АН СССР (петроглифы Саянского каньона Енисея) // Институт археологии РАН: 100 лет истории. М.: ИА РАН, 2019. С. 125–128.

Дэвлет М. А. Наскальные изображения Куйлуг-Хема // Этногенез народов Северной Азии. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО РАН, 1969. С. 131, 132.

Дэвлет М. А. Отчет о полевых исследованиях 1972 г. Тоджинской экспедиции Института археологии АН СССР / Архив Института археологии РАН. 1972. Р-1. № 4717, 4717а.

Дэвлет М. А. Отчет о работе Тоджинской экспедиции Института археологии АН СССР в 1973 г. / Архив Института археологии РАН. 1973. Р-1. № 5280, 5280а.

Дэвлет М. А. Отчет о работе Тоджинской экспедиции Института археологии АН СССР и группы по изучению петроглифов СТЭАН в 1974 г. / Архив Института археологии РАН. 1974. Р-1. № 5281, 5281а, 5281б.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1975 г. Тоджинской экспедиции Института археологии АН СССР и группы по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции ЛОИА АН СССР / Архив Института археологии РАН. 1975. Р-1. № 6053, 6053а.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1976 г. Тоджинской экспедиции Института археологии АН СССР / Архив Института археологии РАН. 1976а. Р-1. № 6043, 6043а.

Дэвлет М. А. Петроглифы Улуг-Хема. М.: Наука, 1976б, 120 с.

Дэвлет М. А. Отчет о работе отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР в 1977 г. / Архив Института археологии РАН. 1977. Р-1. № 6886, 6886а.

Дэвлет М. А. Отчет о работе Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР в 1978 г. / Архив Института археологии РАН. 1978. Р-1. № 7037, 7037а.

Дэвлет М. А. Отчет о работе Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР в 1979 г. / Архив Института археологии РАН. 1979. Р-1. № 7547, 7547а.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1980 г. Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции / Архив Института археологии РАН. 1980а. Р-1. № 8003, 8003а.

Дэвлет М. А. Наскальные изображения Саянского каньона // Археологические открытия 1979 года. М.: Наука, 1980б. С. 205, 206.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980в. 271 с.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1981 г. Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР / Архив Института археологии РАН. 1981а. Р-1. № 8581.

Дэвлет М. А. Петроглифы Верхнего Енисея // Археологические открытия 1980 года. М.: Наука, 1981б. С. 179, 180.

Дэвлет М. А. Петроглифы на кочевой тропе. М.: Наука, 1982. 127 с.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1982–1983 гг. Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР / Архив Института археологии РАН. 1983а. Р-1. № 10325, 10325а, 10325б.

Дэвлет М. А. Петроглифы Верхнего Енисея // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983б. С. 197.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1984 г. Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР / Архив Института археологии РАН. 1984а. Р-1. № 11208.

Дэвлет М. А. Петроглифы Бижиктиг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Археологические открытия 1982 года. М.: Наука, 1984б. С. 201.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1985 г. Отряда по изучению петроглифов Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР (Петроглифы Мозога-Комужап) / Архив Института археологии РАН. 1985а. Р-1. № 11626, 11626а.

Дэвлет М. А. Работы на правом берегу Енисея // Археологические открытия 1983 года. М.: Наука, 1985б. С. 202, 203.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1986 г. Отряда по изучению петроглифов Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР / Архив Института археологии РАН. 1986а. Р-1. № 11595.

Дэвлет М. А. Работы в Саянской «трубе» Енисея // Археологические открытия 1984 года. М.: Наука, 1986б. С. 175.

Дэвлет М. А. Отчет о работе Отряда по изучению петроглифов Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР в 1987 году / Архив Института археологии РАН. 1987а. Р-1. № 12339.

Дэвлет М. А. Петроглифы Мозога-Комужап в Саянском каньоне Енисея // Археологические открытия 1985 года. М.: Наука, 1987б. С. 240.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1988 г. отряда по изучению петроглифов Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР / Архив Института археологии РАН. 1988а. Р-1. № 12950.

Дэвлет М. А. Работы в Улуг-Хемском районе // Археологические открытия 1986 года. М.: Наука, 1988б. С. 231.

Дэвлет М. А. Отчет о работе в 1989 г. Отряда по изучению петроглифов Института археологии АН СССР / Архив Института археологии РАН. 1989. Р-1. № 15462.

Дэвлет М. А. Листы каменной книги Улуг-Хема. Кызыл: Тувинское. кн. изд-во, 1990а. 120 с.

Дэвлет М. А. О методике полевого изучения наскальных изображений // Краткие сообщения Института археологии. 1990б. Вып. 202. С. 83–89.

Дэвлет М. А. Древнейшие антропоморфные изображения Южной Сибири и Центральной Азии // Наскальные рисунки Евразии. Новосибирск: Наука, 1992. С. 29–43.

Дэвлет М. А. Изображения на скалах Бижиктиг-Хая в Саянском каньоне Енисея // Памятники наскального искусства. М.: Координационно-методический центр прикладной этнографии Института этнологии и антропологии РАН, 1993. С. 79–193.

Дэвлет М. А. О судьбе петроглифов на дне Саянского водохранилища // Наскальное искусство Азии: Тез. докл. Междунар. конф. Вып. 1. Кемерово: Кузбассвузиздат, 1995. С. 13.

Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.

Дэвлет М. А. Петроглифы Кулуг-Хема // Мировоззрение древнего населения Евразии. М.: ТОО «Старый сад», 2001. С. 370–438.

Дэвлет М. А. Каменный «компас» в Саянском каньоне Енисея. М.: Научный мир, 2004. 88 с.

Дэвлет М. А. Из истории изучения петроглифов в Туве // Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В. Н. Чернецова. М.: Таус, 2006. С. 198–211.

Дэвлет М. А. Мозага-Комужап – памятник наскального искусства в зоне затопления Саянской ГЭС. М.: Акфэст, 2009а. 216 с.

Дэвлет М. А. Об изображениях человечков в грибовидных головных уборах в наскальном искусстве Центральной Азии // Центральная Азия и Южная Сибирь. Альманах I. М.: Пробел-2000, 2009б. С. 139–150.

Дэвлет М. А. «Я ушел в Золотую степь...» (петроглифы под горой Баш-Даг в Туве) // Древнее искусство в зеркале археологии. К 70-летию Д. Г. Савинова. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. С. 86–100. (Труды САИПИ; вып. VII).

Дэвлет М. А. Утес над Енисеем. К юбилею Николая Владимировича Леонтьева // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 17–27.

Дэвлет М. А. Из опыта копирования наскальных изображений (по материалам работы отряда по изучению петроглифов Тувинской экспедиции) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (1). М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2017. С. 3–9. (Труды САИПИ; вып. XI).

Дэвлет М. А., Бадер Н. О., Даркевич В. П., Леонтьев Н. В. Петроглифы Енисея // Археологические открытия 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 223, 224.

Дэвлет М. А., Башилов В. А., Даркевич В. П., Кабо В. Р., Студзицкая С. В. Наскальные рисунки Енисея // Археологические открытия 1977 года. М.: Наука, 1978. С. 228, 229.

Дэвлет М. А., Дэвлет Е. Г. Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2018. С. 104–112.

Дэвлет М. А., Панова Н. В., Спилюти М. Н. Работы по обследованию наскальных рисунков Тувы // Археологические открытия 1973 года. М.: Наука, 1974. С. 202, 203.

Дэвлет М. А., Панова Н. В., Спилюти М. Н. Обследование наскальных изображений правобережья Улуг-Хема // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 205, 206.

Дэвлет М. А., Попова Н. Ф., Тутова Н. И. Работы в Саянском каньоне // Археологические открытия 1975 года. М.: Наука, 1976. С. 239, 240.

Дэвлет М. А., Студзицкая С. В., Зенков В. К., Шульгин В. Л. Петроглифы Саянского каньона Енисея // Археологические открытия 1976 года. М.: Наука, 1977. С. 201, 202.

Заика А. Л. Методика полевых исследований петроглифов. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2006. 43 с.

Кызласов И. Л. Новые свидетельства уйгуро-хакасских войн IX века // Советская археология. 1979. № 3. С. 280–290.

Миклашевич Е. А. Возможности реконструкции утраченных наскальных рисунков (на примере памятника Малый Баян-Кол в Туве) // Творец культуры. Материальная культура и духовное пространство человека в свете археологии, истории и этнографии: Сб. науч. ст., посв. 80-летию проф. Д. Г. Савинова. СПб.: Институт истории материальной культуры РАН, 2021. С. 552–563.

Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации (утверждено постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от 12 апреля

2023 г. № 15). М., 2023. 68 с. [Электронный ресурс]. URL: https://archaeolog.ru/media/OPI/Polozhenie_2023_25012024.pdf, дата обращения: 20.01.2024.

Советова О. С., Кумова Л. Ю. Марианна Арташировна Дэвлет – исследователь археологии Центральной Азии // Тропую тысячелетий: к юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 17–23. (Труды САИПИ; вып. IV).

Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР. М.: Наука, 1969. 255 с.

Членова Н. Л. Несколько писаниц юго-западной Тувы // Советская этнография. 1956. № 4. С. 45–63.

E. S. Levanova

Institute of Archaeology RAS, Moscow, Russia

PETROGLYPHS AT THE BOTTOM OF THE SAYAN SEA: TIMELINE OF EVENTS BASED ON M. A. DEVLET'S REPORTS

The article is devoted to the analysis and systematization of archival materials on archaeological investigation of the petroglyph by the Sayan-Tuva Expedition of the Academy of Sciences (USSR) under the leadership of M. A. Devlet. Marianna A. Devlet was one of the first in the USSR to purposefully conduct investigation of rock art sites in the flooding zone of the Sayan-Shushenskaya hydroelectric power station. Thanks to her work in 1974–1986 the rock art sites flooded in the 1980s in the Sayan Canyon of the Yenisei had been documented and then published. In this article the study of official annual reports on that work submitted to the Archive of the Institute of Archaeology of the USSR (RAS) is supplemented with various data from the personal M. A. Devlet's archive.

Keywords: *rock art, petroglyphs of Central Asia, Sayan Canyon of the Yenisei, Tuva, archival materials*

Большое панно на горе Суханиха. Фото: М. А. Дэвлет. 1978 г. [архив Музея-заповедника «Томская Писаница» (далее – МЗТП) . Ф. 8. Д. 1. Л. 107].

Е. А. Миклашевич

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.65-97>

Институт археологии РАН, Москва; Музей-заповедник «Томская Писаница», Кемерово, Россия

ИССЛЕДОВАНИЯ ПАМЯТНИКОВ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ МАРИАННОЙ АРТАШИРОВНОЙ ДЭВЛЕТ

Статья подготовлена в рамках выполнения темы НИР ИА РАН (№ НИОКТР 122011100061-5)

Рассматриваются экспедиционные исследования Марианны Арташировны Дэвлет на памятниках наскального искусства Минусинской котловины. Ее работы в этом регионе Южной Сибири были менее интенсивными, чем в Туве (только три полевых сезона – 1963, 1977 и 1978 гг.), и в публикациях отражены не полностью. В процессе обработки архива исследовательницы были выявлены неизвестные материалы (фотографии, копии, рукописи), позволившие полнее раскрыть эту тему, в дополнение к анализу соответствующих экспедиционных отчетов и публикаций. М. А. Дэвлет не ставила задач полного документирования каких-либо местонахождений в Минусинской котловине (в отличие от Тувы, где ею проводились полномасштабные многолетние исследования), осуществляя общее знакомство с некоторыми знаменитыми памятниками, выборочное копирование и фотографирование. Установлено, что она работала на следующих памятниках: Боярские писаницы, Сулек, Малые Арбаты, Изырых-Тас – в Хакасии; Тепсей, Суханиха, Седловина, Потрошиловская, Шалаболинская писаницы – на правом берегу Енисея; Джойский навес, Кантегир, Сосновка Джойская – в Саянах, между Минусинской котловиной и Тувой. Документировались также изображения на изваяниях и курганных плитах, среди которых наиболее известна введенная ею в научный оборот Бейская стела. Статья сопровождается большим количеством иллюстраций – материалов М. А. Дэвлет из архивов.

Ключевые слова: наскальное искусство, петроглифы, Минусинская котловина, М. А. Дэвлет, документирование

Марианна Арташировна Дэвлет – ученый не только глубокий, но и разносторонний, в сфере ее научных интересов были и археология, и история науки, и музееведение [Советова, Китова, 2008; Савинов, Длужневская, 2013]. Более всего она известна как исследователь наскального искусства, особенно петроглифов Тувы, которым посвящено 7 (!) моно-

графий и более 100 других публикаций [Марианна Арташировна Дэвлет, 2014]. В данной статье акцентируется внимание на исследованиях ею памятников наскального искусства в другом регионе – Минусинской котловине, где полевые работы были не столь интенсивными и не нашли такого же полного отражения в публикациях, как результаты работы в Туве, однако привлечение материалов из архива М. А. Дэвлет позволяет нам полнее осветить и этот аспект.

Первое десятилетие научной деятельности М. А. Дэвлет было посвящено археологии именно Минусинской котловины. В 1952–1957 гг. она училась на историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, специализировалась по кафедре археологии, а ее научным руководителем был знаменитый С. В. Киселев, и она принимала участие в раскопках Салбыкского кургана, а курсовые и дипломную работу писала по археологии тагарской культуры. Затем были аспирантура (с 1962 г.) и защита кандидатской диссертации «Племена бассейна среднего Енисея в раннем железном веке» (в 1966 г.). И только с 1967 г. начинается ее работа в Туве, сначала в отряде А. Д. Грача, а потом уже самостоятельные раскопки и изучение памятников наскального искусства этого региона, на долгие годы определившее преобладающий вектор исследований М. А. Дэвлет. Но темы, связанные с Минусинской котловиной, также продолжали ею разрабатываться. С самого начала в процессе сбора материалов по тагарской культуре она увлеклась изучением музейных коллекций, архивных материалов, сведений из дореволюционной литературы, судьбами исследователей. Естественным образом начал постепенно накапливаться материал и по исследованиям памятников наскального искусства, которыми

так знаменита Минусинская котловина. В частности, судя по конспектам студентки/аспирантки М. А. Дэвлет, ее интересовали (в качестве единственного источника информации по жилищам тагарской культуры) изображения Боярской писаницы, прорисованные М. П. Грязновым по эстампам А. В. Адрианова [Грязнов, 1933], копировавшего памятник в 1904 г. [Адрианов, 1906а].

Думается, что определенную роль в формировании интереса к наскальному искусству у студентки Марианны Дэвлет сыграл ее учитель С. В. Киселев (1905–1962), очень интересовавшийся наскальным искусством и специально изучавший изображения на курганных камнях Минусинской котловины. Несомненно, он показал ей петроглифы на мегалитах Салбыкского кургана во время раскопок, и сама она отмечала в полевом дневнике 1956 г. [архив М. А. Дэвлет] наличие «писаниц» на плитах других курганов Салбыкской степи. Вполне возможно, что С. В. Киселев рассказывал ей о Боярской писанице, которую он и Л. А. Евтюхова заново по следам А. В. Адрианова нашли и скопировали в 1931 г., а также о рукописи «Писаницы Енисейской губернии» [Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 2. Д. 12] и эстампах А. В. Адрианова, хранящихся в Музее антропологии и этнографии РАН (Кунсткамере). В фонде С. В. Киселева [Архив ИА РАН. Ф. 12] имеются перепечатанная рукопись А. В. Адрианова, альбом прорисовок с его эстампажей и другие материалы по наскальному искусству, показывающие глубокий интерес исследователя к этой теме. Предполагаем, что С. В. Киселев мог передать М. А. Дэвлет имеющиеся в ее архиве листы с прорисовками енисейских петроглифов с памятников Куны, Оглахты, Тепсей (Усть-Туба) и Копенская писаница (Черемушный Лог) (рис. 1), так как очень похоже, что они сделаны с эстампажей А. В. Адрианова методом масштабированной перерисовки «по клеточкам», как в альбоме Л. А. Евтюховой [Архив ИА РАН. Ф. 12. Д. 127]. В одной из самых ранних статей М. А. Дэвлет по наскальному искусству приведена прорисовка композиции Кунинской писаницы со ссылкой на инвентарный номер эстампажа А. В. Адрианова в Музее антропологии и этнографии (далее – МАЭ) [Дэвлет, 1965б, с. 240, рис. 1]. Прорисовка выполнена в том же стиле, что и упомянутые выше, они явно из одной серии. При этом

они отличаются от опубликованных к тому времени К. В. Вяткиной прорисовок Куни с тех же сцен, переведенных ею с эстампажей А. В. Адрианова [Вяткина, 1961]. Но поскольку в статье М. А. Дэвлет не упоминается, что опубликованная прорисовка принадлежит С. В. Киселеву/Л. А. Евтюховой, то нельзя исключать, что она (как и все остальные, обнаруженные в архиве) могла быть выполнена и ею самой, тем более что Марианна Арташировна рассказывала, что в юности работала с коллекцией эстампажей А. В. Адрианова в МАЭ.

Таким образом, как нам представляется, к 1962 г., когда под сильным впечатлением от посещения выставки «Древняя скульптура и наскальные писаницы Енисея» директор Института археологии Б. А. Рыбаков «предложил опубликовать книгу о Большой Боярской писанице» аспирантке М. А. Дэвлет [Дэвлет, 2003], она уже явно была, что называется, «в теме». И все же скорее всего именно с этого события началось становление Марианны Арташировны как крупнейшего исследователя наскального искусства.

Выставку (она демонстрировалась в ноябре–декабре 1962 г. в Москве) организовали студенты Московского высшего художественно-промышленного училища, которые летом того же года ездили по собственной инициативе в Южную Сибирь, чтобы принять участие в работах Красноярской археологической экспедиции, попутешествовать по Енисею и прорисовать. В Абакане они посетили краеведческий музей, где А. Н. Липский показал им древние каменные изваяния и плиты с петроглифами, а также посоветовал заняться поиском знаменитой Боярской писаницы, которую, по его словам, 30 лет назад видел С. В. Киселев, а сейчас точное местонахождение ее неизвестно и она, возможно, разрушилась. Вдохновленные и захваченные исследовательским азартом студенты поехали в указанный район и начали поиски памятника. Они знали, что надо найти узкий фриз длиной 6 м с изображениями жилищ в один ряд, тот, который публиковали ранее М. П. Грязнов и С. В. Киселев и слепок с которого экспонировался в Москве, в Государственном историческом музее (этот объект ныне известен как Малая Боярская писаница). Но первым делом они нашли совсем другое: «Перед нами была одиннадцатиметровая

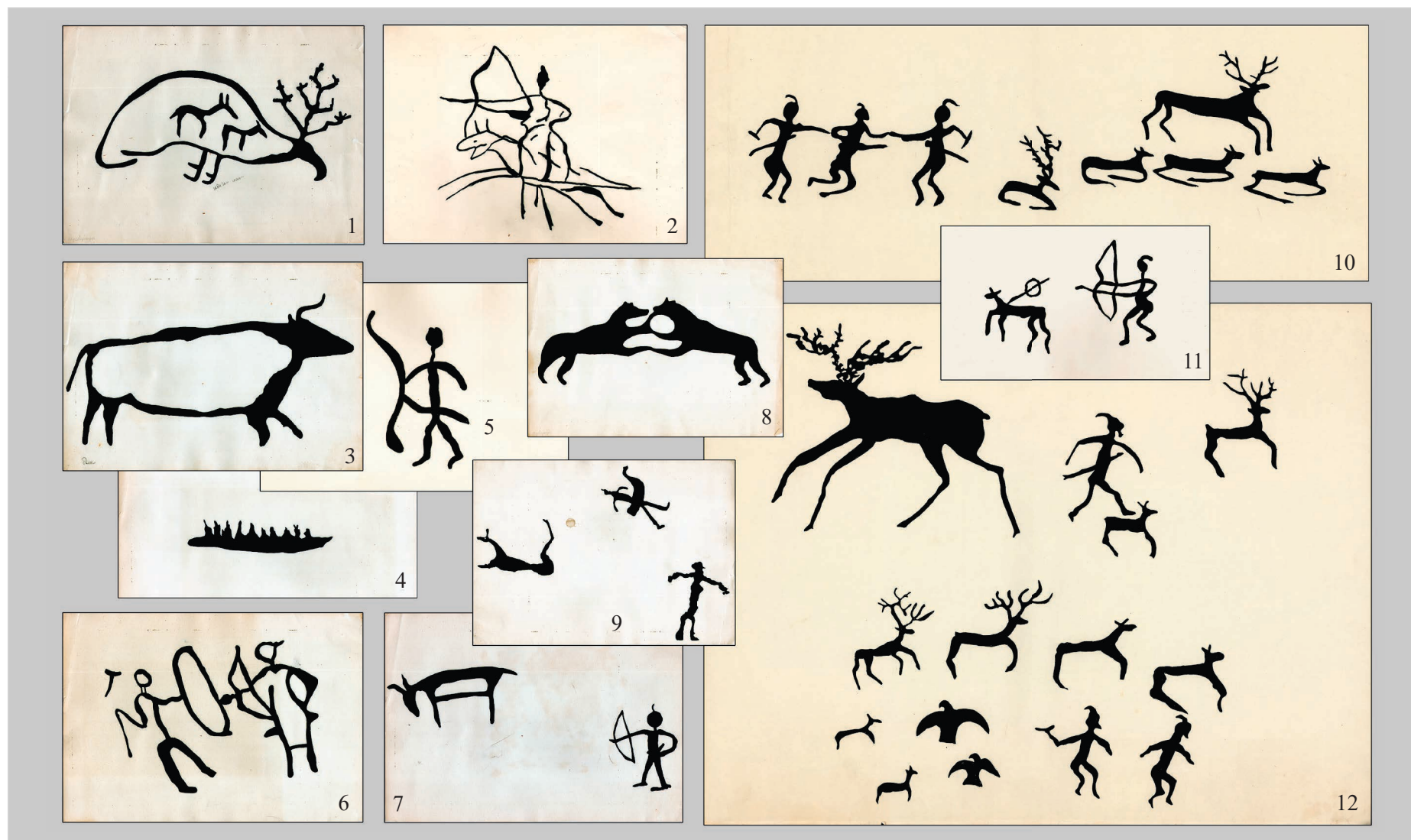

Рис. 1. Рисунки енисейских писаниц, сделанные с эстампажей А. В. Адрианова, предположительно Л. А. Евтюховой. 1 – Копенская (Черемушный Лог), 2–4 – Оглахты, 5 – неидентифицировано, 6, 7 – Тепсей (Усть-Туба), 8–12 – Куня [архив МЗП. Ф. 8. Д. 1. Л. 32–43].

многорядная композиция» [Николаенко, Щавелин, 1963, с. 50]. Вскоре был найден и известный фриз. Сочтя себя первооткрывателями нового памятника, именно эти студенты дали обоим закрепившиеся в науке названия: «Итак, две Боярских писаницы, но знаменитой теперь приходится довольствоваться названием “Малая Боярская”, потому что ее соседка с полным правом названа нами “Большой Боярской”» [Николаенко, Щавелин, 1963, с. 50]. Конечно, студенты-художники не могли знать о том, что еще в начале XX в. большое панно и другие плоскости Боярского хребта были обнаружены, описаны, сняты на эстампажи и сфотографированы А. В. Адриановым и его сыном. С энтузиазмом они продолжали поиск писаниц, делали «эстампажи» и фотографии, зарисовки и этюды. Все эти материалы, а также копии и фотографии изваяний из Абаканского музея с большим успехом через несколько месяцев демонстрировались на той самой выставке в Москве [Кадина, 1962], которую посетил Б. А. Рыбаков, а затем и М. А. Дэвлет. С этого началось увлеченное исследование ею наскального искусства Минусинской котловины, затем – Тувы, а потом и Евразии.

Собрав все возможные сведения о Боярских писаницах и проштудировав немногочисленную тогда литературу по наскальному искусству (в архиве М. А. Дэвлет имеются тетрадки с конспектами и выписками), уже летом 1963 г. М. А. Дэвлет смогла познакомиться с этими памятниками воочию. В поиске их на местности и работе по копированию ей помогли А. Н. Липский, М. Ф. Косарев и В. А. Николаев [Дэвлет, 1965а, с. 127; 1976, табл. II] (рис. 2). Марианна Арташирова к тому времени уже стала хорошим фотографом, приобретя большой опыт музейной и полевой археологической съемки. Сделанные ею на Боярских писаницах снимки (рис. 3, 5) отличает прекрасное качество. К примеру, по фотографиям Малой Боярской писаницы 1963 г. мы смогли

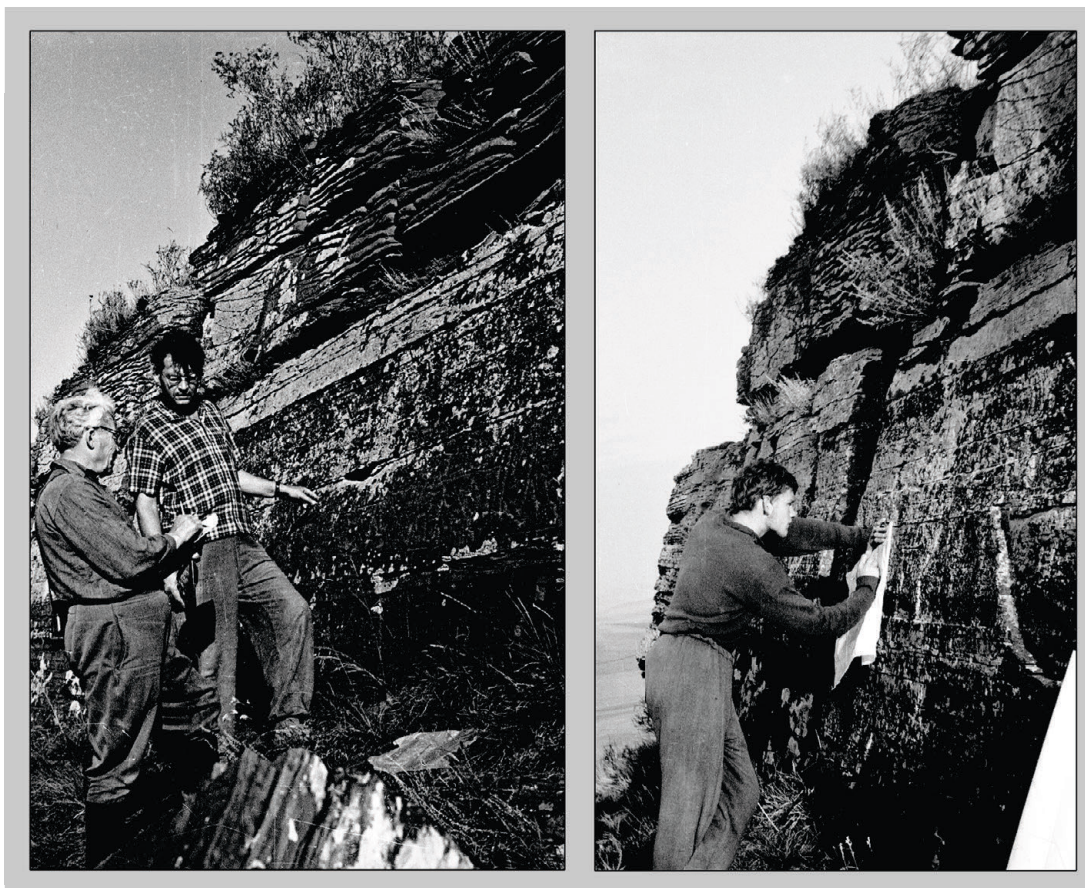

Рис. 2. Большая Боярская писаница. А. Н. Липский и М. Ф. Косарев; копирование. Фото М. А. Дэвлет, 1963 г.

оценить изменения в состоянии памятника и выявить динамику деструкции, осмотрев его в 2004 г. [Дэвлет, Миклашевич, 2003–2004, с. 65].

Помимо фотосъемки и описания потребовалось сделать новую копию Большой Боярской писаницы, так как при ее осмотре М. А. Дэвлет «убедилась, что рисунок, представленный участниками студенческой экспе-

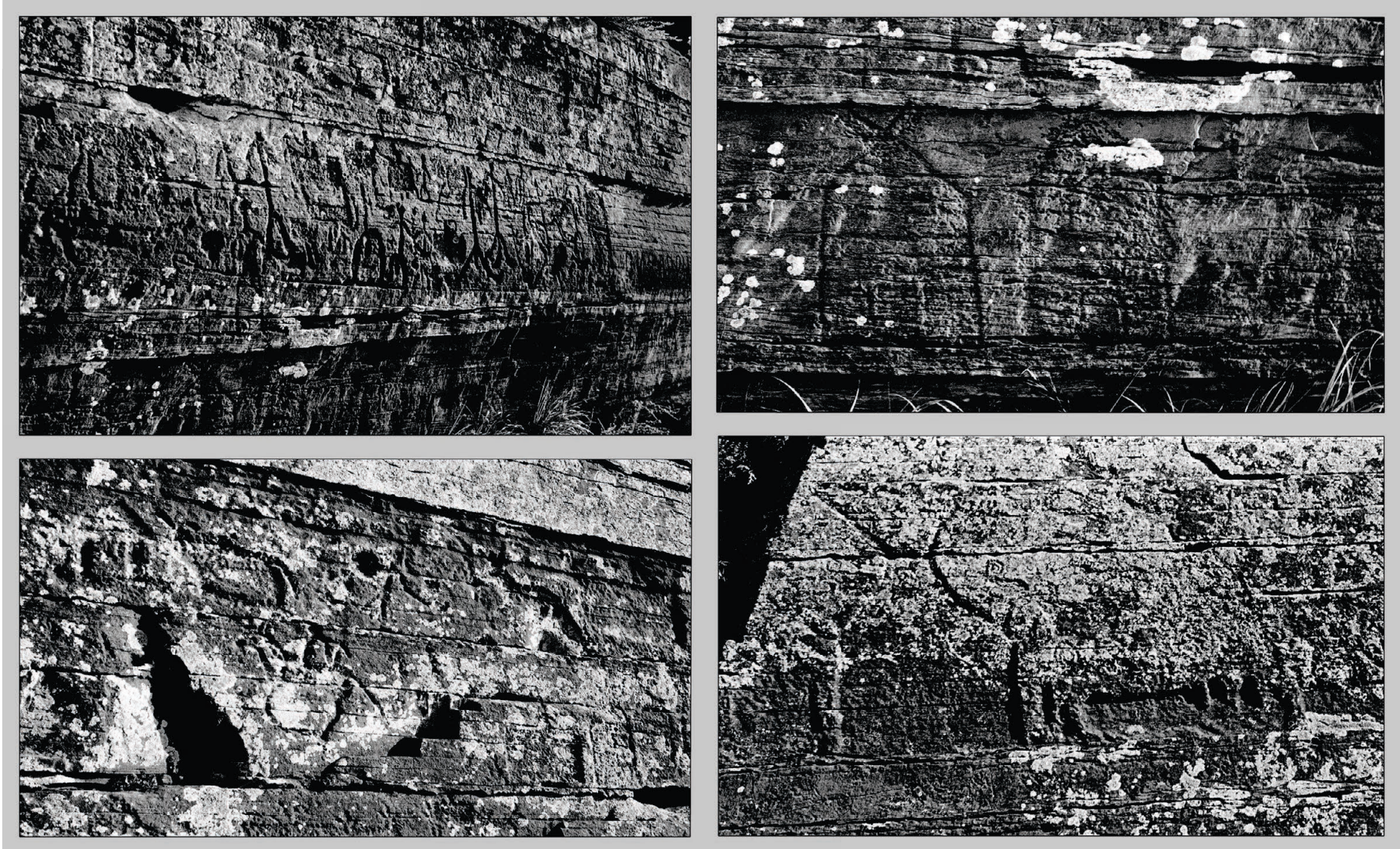

Рис. 3. Большая Боярская писаница, фрагменты. Фото М. А. Дэвлет, 1963 г.

диции, существенно расходится с подлинником. Не говоря уже о смещении фигур с целью достижения компактности общей картины, а также неточном воспроизведении многих деталей, имеются ошибки, вызванные тем, что в ряде случаев естественные дефекты камня были приняты за изображения, а значительное количество древних рисунков упущено» [Дэвлет, 1965а, с. 127]. Это неудивительно. Конечно, юные художники, впервые имевшие дело с наскальными изображениями, да еще и на таком сложнейшем объекте (огромная площадь скального панно, множество изображений, плохая сохранность, лишайник), были просто не в состоянии сделать приемлемую копию. Достаточно сказать, что даже сейчас профессиональные исследователи наскального искусства, вооруженные современными технологиями, все еще не подступились к созданию прорисовки Большой Боярской писаницы. Также стоит отметить, что и для самой Марианны Арташировны это был первый опыт документирования объекта наскального искусства. Она пишет, что копирование осуществлялось методом эстампажа, а потом с него делалась прорисовка. Однако не уточняется, что именно имеется в виду под словом «эстампаж», какая именно техника контактного копирования была ею использована. Думается, что это не был собственно эстампаж в том смысле, как его использовал А. В. Адрианов (бумажный оттиск). В те времена (да порой и до сих пор) некоторые исследователи применяли этот термин к любой контактной копии (см. об этом: [Миклашевич, 2019, с. 221]), в том числе к наиболее распространенной тогда технике графитной протирки на кальку. Скорее всего, Большая Боярская была скопирована именно этим методом, фрагментами (по причине очень большой площади). Архив М. А. Дэвлет сейчас находится в процессе научно-технической обработки, не все материалы пока выявлены. Среди большого количества выявленных и оцифрованных графитных копий-натирок основная масса относится к памятникам Тувы (и это показывает, что М. А. Дэвлет предпочитала именно эту технику копирования), несколько – к Минусинской котловине, но протирки (или какие-либо другие копии, которые можно было бы назвать «эстампажами») Боярских писаниц пока не обнаружены. Зато имеются свидетельства дальнейшей работы по созданию и масштабированию прорисовки.

Современным исследователям наскального искусства, имеющим в распоряжении сканеры и компьютеры, трудно себе представить, каких трудов в доцифровую эпоху стоило получить прорисовку в пригодном для сдачи в печать масштабе. Делалось это так: на листы ватмана через светостол (или на полупрозрачную кальку) перерисовывали с графитной протирки контуры изображений, потом их «заливали» тушью, каждый лист переснимали с помощью фотоаппарата, печатали на фотобумаге листы в уменьшенном виде, монтировали в единую композицию, переснимали ее снова, и только после этого можно было напечатать на фотобумаге окончательную прорисовку в требуемом масштабе. В случае крупных композиций (а площадь Большой Боярской писаницы – ок. 10 × 1,5 м) операцию по масштабированию приходилось осуществлять несколько раз. Естественно, при многократном уменьшении контуры изображений сглаживались все больше и больше, даже если первоначальная прорисовка была достаточно детализированной. В архиве М. А. Дэвлет имеются фотонегативы, на которых пересняты сериями кадров длинные полосы кальки с прорисовками Большой Боярской (рис. 4). Есть и контактные крупноформатные негативы со смонтированной композицией. К сожалению, полученная столь сложным путем и опубликованная копия Большой Боярской писаницы [Дэвлет, 1965а, рис. 3–6; 1976, табл. V, VI], которая до сих пор используется исследователями для интерпретаций, не отражает всех особенностей, деталей и полноты оригинала, но в тот период она и не могла быть выполнена на таком уровне, который отвечает современным исследовательским потребностям.

Как бы то ни было, уникальный памятник был скопирован и оперативно (что вообще было свойственно Марианне Арташировне) введен в научный оборот. В 1965 г. в журнале «Советская археология» вышла фундаментальная статья М. А. Дэвлет «Большая Боярская писаница», где публиковалась не только прорисовка (целиком и частями), но и фотографии (и не только Большой, но и Малой писаницы), подробная характеристика памятника и история его исследования, а также культурно-хронологическая атрибуция и интерпретация, основанные на привлечении широкого круга археологических и этнографических параллелей.

Рис. 4. Кадры последовательной пересъемки прорисовки Большой Боярской писаницы (фрагмент) для последующего монтажа. Из архива М. А. Дэвлет.

Рис. 5. Фотопанорама Малой Боярской писаницы (фрагмент), составленная из фотографий М. А. Дэвлет 1963 г.

Эта статья стала первой по наскальному искусству (а вообще девятой по счету) в библиографии М. А. Дэвлет, и при этом сразу заняла свое место среди важнейших классических трудов по наскальному искусству в отечественной археологии. В целом предложенные датировка и интерпретация памятника актуальны до сих пор (хотя представления о тагарской культуре претерпели изменения). Позже на основе этой статьи Марианна Арташировна выпустила небольшую книгу-брошюру с тем же названием, на русском и английском языках и с расширенным набором иллюстраций [Дэвлет, 1976].

Последующие годы в плане полевой работы были посвящены Туве, вначале – раскопкам, а потом многолетнему планомерному исследованию памятников наскального искусства этого региона, в первую очередь тех, которые находились на берегах Енисея и должны были быть затоплены в результате строительства плотины Саяно-Шушенской ГЭС (см. об этом статью Е. С. Левановой в настоящем сборнике). В полевые сезоны 1977 и 1978 гг. М. А. Дэвлет удалось совместить экспедиционные исследования памятников Тувы с поездками в Минусинскую котловину, а также на небольшую группу писаниц в Саянах на границе этих двух ареалов. Надо сказать, что даже когда темы наскального искусства Тувы вышли у нее на первый план, она продолжала свои изыскания и по археологии Минусинской котловины, и по истории науки, как и разноплановые исследования по наскальному искусству в целом; как отмечалось, «расшифровка отдельных наиболее выразительных сюжетов и композиций наскального искусства Центральной Азии – направление, в котором М. А. Дэвлет можно считать истинным первопроходцем» [Савинов, Длужневская, 2013, с. 153]. Атрибуция и интерпретация петроглифов Минусинской котловины продолжала быть одной из постоянных тем публикаций Марианны Арташировны. Отдельно стоит отметить, что в ходе архивных поисков и проработки редкой дореволюционной литературы у исследовательницы накапливалось большое количество сведений о расположении памятников и об истории их изучения. Назрела необходимость систематизации и обобщения собранных материалов и проведенных исследований по наскальному искусству Енисея (и Верх-

него, и Среднего). С 1977 по 1981 г. плановой темой М. А. Дэвлет в Институте была тема «Петроглифы Енисея», выполнение которой должно было завершиться подготовкой докторской диссертации (защита состоялась в начале 1983 г.). На памятниках наскального искусства Минусинской котловины Марианна Арташировна тогда, видимо, не бывала, за исключением работы на Боярских писаницах в 1963 г. Но при этом она собрала огромное количество сведений о них по архивным данным и литературе (см. публикацию рукописи М. А. Дэвлет «Памятники Енисея» в настоящем сборнике) и наверняка имела сильное желание посмотреть своими глазами наиболее известные памятники. В связи с этими обстоятельствами в план экспедиций 1977 и 1978 гг. были включены и местонахождения Минусинской котловины. Источниками информации о работе экспедиций нам послужили отчеты в Полевой комитет [Дэвлет, 1977, 1978], заметки в сборник «Археологические открытия» [Дэвлет и др., 1978, 1979] и другие публикации, а также материалы личного архива М. А. Дэвлет, недавно обработанные и переданные в Архив музея-заповедника «Томская Писаница» (фонд № 8).

В 1977 г. Отряд по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР (в него кроме М. А. Дэвлет входили В. А. Башилов, В. П. Даркевич, В. Р. Кабо, С. В. Студзицкая, С. В. Макаров) в связи с наводнением в Саянском каньоне Енисея в августе прервал работы на Мугур-Сарголе в Туве и осуществил обследование нескольких памятников Среднего Енисея. Первым делом они побывали на хорошо знакомых Марианне Арташировне писаницах Боярского хребта на левобережье Енисея. Осмотрели и заново сфотографировали Большую и Малую Боярские писаницы. «Выполненные В. П. Даркевичем высококачественные фотографии Малой Боярской писаницы были переданы для экспонирования Хакасскому областному краеведческому музею» [Дэвлет, 1977, л. 29]. Большой удачей стало обнаружение нового местонахождения (позднее опубликованного под названием «Новая Боярская писаница» [Дэвлет, 1997]) «на отрогах Боярского хребта, обращенных в сторону трассы, ведущей в г. Абакан, приблизительно в 0,5 км от Большой Боярской писаницы» [Дэвлет, 1977, л. 29, рис. 86–89] (рис. 6). Это небольшая

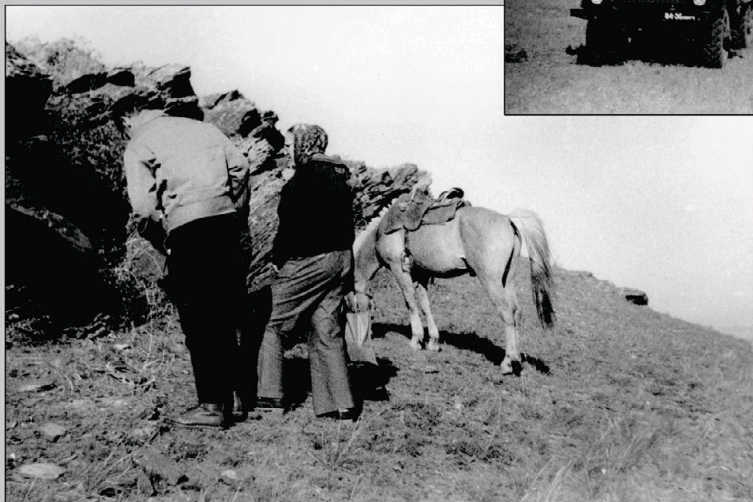
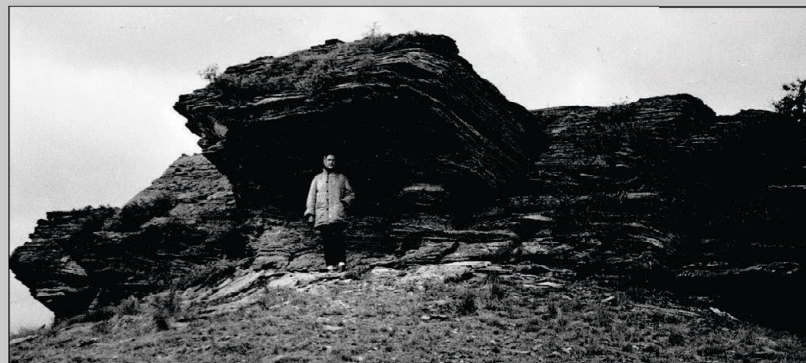

Рис. 6. Открытие и копирование Новой Боярской писаницы. 1977, 1978 гг., по: [Дэвлет, 1977, 1978; архив МЗП. Ф. 8. Д. 2. Л. 3, 89, 91–93].

плоскость с остатками скальной корки, на которой были выбиты бревенчатое жилище и антропоморфные фигуры (рис. 7). Из-за испортившейся погоды скопировать находку не удалось, но это было осуществлено на следующий год, тогда же были получены и фотографии плоскости с хорошим освещением [Дэвлет, 1978, л. 55, рис. 60–65].

Следующим пунктом программы стала гора Тепсей на правом берегу Енисея. В этот период на Енисее уже образовалось «Красноярское море» (водохранилище Красноярской ГЭС), затопившее памятники, ранее раскапывавшиеся Красноярской экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством М. П. Грязнова. Но раскопки памятников на не затопленных участках продолжались Средне-Енисейской экспедицией, которой руководила М. Н. Пшеницына, близкая подруга М. А. Дэвлет. Известные по работам А. В. Адрианова петроглифы на береговых скалах Тепсея были уже затоплены (перед затоплением их копировал руководимый Я. А. Шером Каменский отряд Красноярской экспедиции [Шер, 1980, с. 146–148]), но доступными оставались плоскости внутреннего Волчьего лога. Отрядом М. А. Дэвлет было осмотрено и сфотографировано несколько композиций этого обширного местонахождения, в самом начале лога [Дэвлет, 1977, л. 31, рис. 90–96], некоторые частично скопированы (рис. 8, 9).

Другим знаменитым памятником, который они посетили, стала Сулекская писаница на севере Хакасии, известная в литературе с середины XIX в. и тщательно скопированная финской экспедицией И. Р. Аспелина в 1887 г. [Appelgren-Kivalo, 1931, Abb. 65–93]. Были осмотрены два местонахождения Сулекского комплекса – горы Писаная и Соляная (Сулек I и Сулек II). Как и на всех, посещающих памятник в XX в., на Марианну Арташировну сильнейшее впечатление произвело ужасающее состояние знаменитой скалы со средневековыми гравировками и руническими надписями: «В настоящее время писаница в значительной степени уничтожена выбитыми поверх нее надписями и очевидно в ближайшем времени погибнет полностью, поскольку основная масса надписей относится к новейшему времени, в том числе к 1976 г.» [Дэвлет, 1977, л. 32]. На Сулекской писанице была снята большая серия фотографий, вклю-

чающая как общие виды, так и фрагменты изображений и сцен разной степени детализации, при этом особое внимание уделялось фиксации разрушений древних гравировок надписями вандалов, а на одной из фотографий запечатлен призыв «Пощадите древнюю культуру», нанесенный краской прямо по скале с петроглифами [Дэвлет, 1977, рис. 100–102, 106–121]. В архиве есть также снимок общего вида центральной скалы и частично – установленного перед ней информационного стенда. Эти фотографии (рис. 10, 11) имеют большое значение для мониторинга состояния сохранности памятника, который продолжает разрушаться и по естественным причинам, и под действием антропогенных факторов, несмотря на то, что теперь музеефицирован. Фотографии черно-белые, но по ним все равно видно, что некоторые надписи, которые сейчас патинизированы в той же степени, что и древние изображения, в 1977 г. были еще свежими; кроме того, можно определить, что плотного слоя красной и зеленой краски и потеков других веществ, которыми была покрыта нижняя часть панно с гравировками, увиденного нами при первом посещении памятника через 20 лет после М. А. Дэвлет и позже расчищенного [Миклашевич, 2002, с. 10, 24], в 1977 г. еще не было.

В отчете 1977 г. также помещена информация о том, что еще в июне отряд осматривал «широко известные в литературе петроглифы, которые обследовали А. Н. Липский, Я. А. Шер, Э. А. Севастьянова, Н. В. Леонтьев, С. Н. Астахов, расположенные близ плотины Саяно-Шушенской ГЭС, выше по Енисею» [Дэвлет, 1977, л. 32]. Это на самом деле не петроглифы, а выполненные охрой изображения, росписи (см. о них также статью Вл. А. Семенова в настоящем сборнике). Были осмотрены два местонахождения на левом берегу Енисея: изображения Джойского навеса близ устья р. Джой, известные с начала XX в. [Булгаков, 1908, с. 392, 393] и исследованные в 1963 г. А. Н. Липским [1963], а также писаницы близ устья р. Кантегир, открытые в 1964 г. А. Н. Липским и скопированные в начале 1970-х годов Н. В. Леонтьевым [1985]. Выбор этих памятников был обусловлен не только историографическими и археологическими интересами М. А. Дэвлет, но и тем, что они, как и памятники, на которых она работала в Туве, неминуемо должны были быть затоплены наполня-

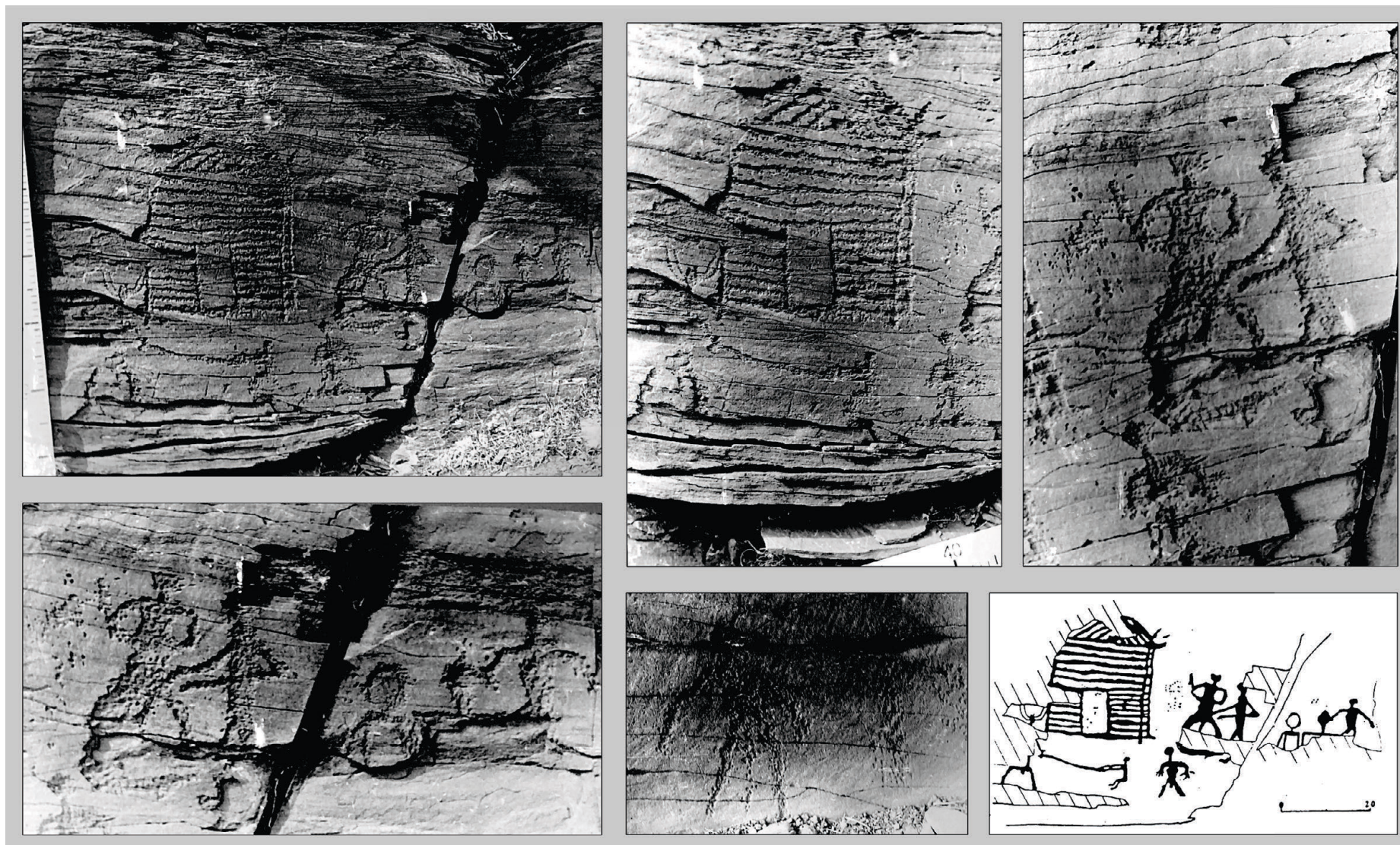

Рис. 7. Новая Боярская писаница. Общий вид плоскости и фрагменты, фото по: [Дэвлет, 1978, рис. 61–65]; прорисовка по: [Дэвлет, 1997].

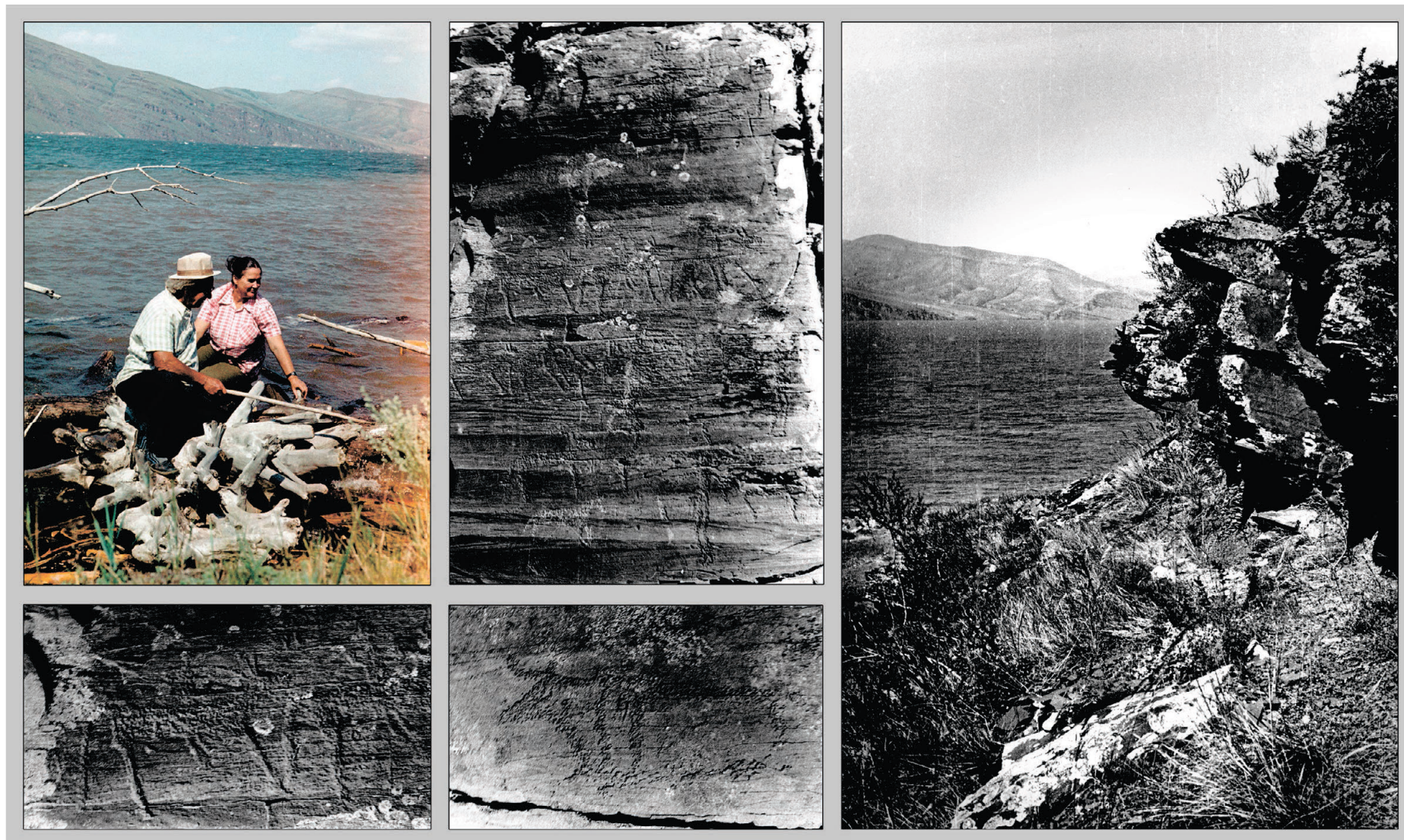

Рис. 8. Тепсей, 1977 г. Цветная фотография – М. П. Грязнов и М. А. Дэвлет на фоне Красноярского водохранилища [из архива М. А. Дэвлет]; черно-белые фотографии – петроглифы Волчьего лога, фото М. А. Дэвлет [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 11, 27, 31, 32].

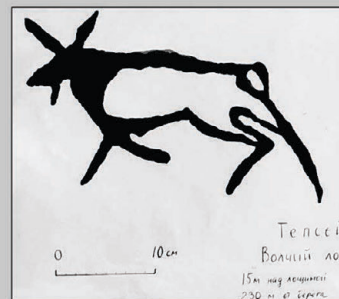
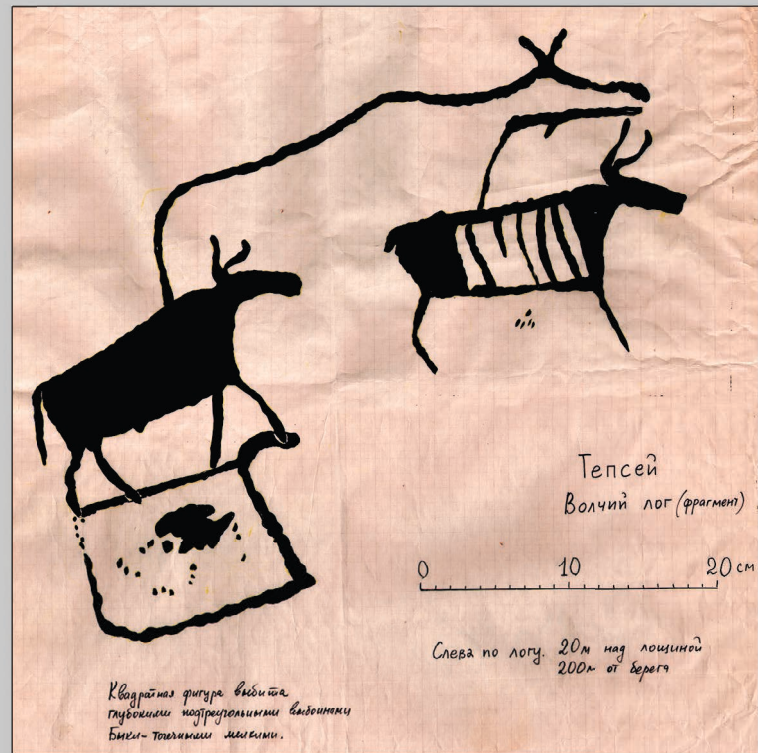
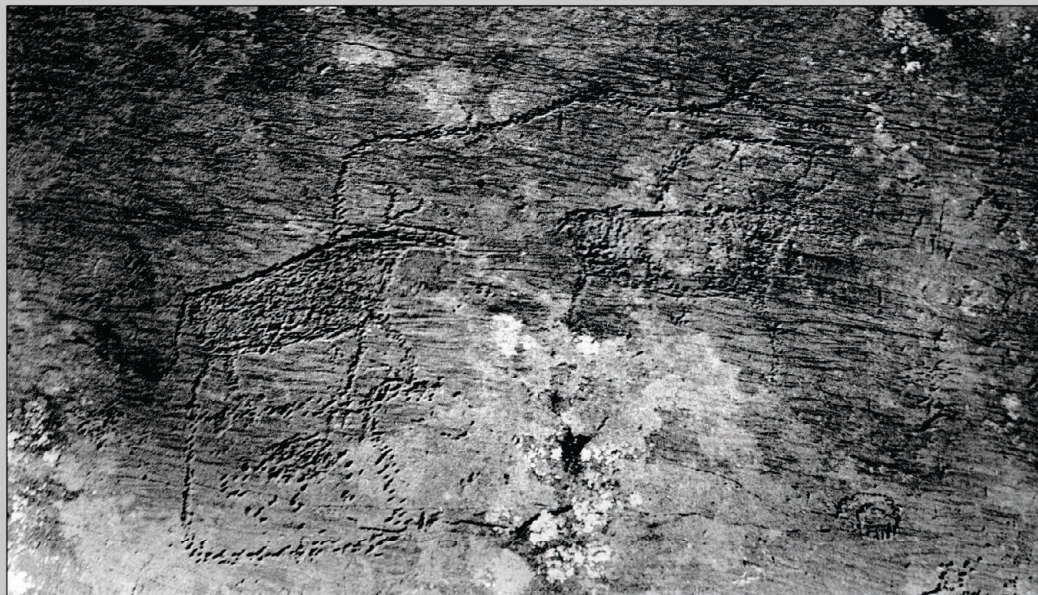

Рис. 9. Тепсей, 1977 г. Петроглифы Волчьего лога. Фото М. А. Дэвлет [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 16, 35]; прорисовка на миллиметровой бумаге [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 1. Л. 31], черно-белые прорисовки по: [Дэвлет, 1977, рис. 91, 92].

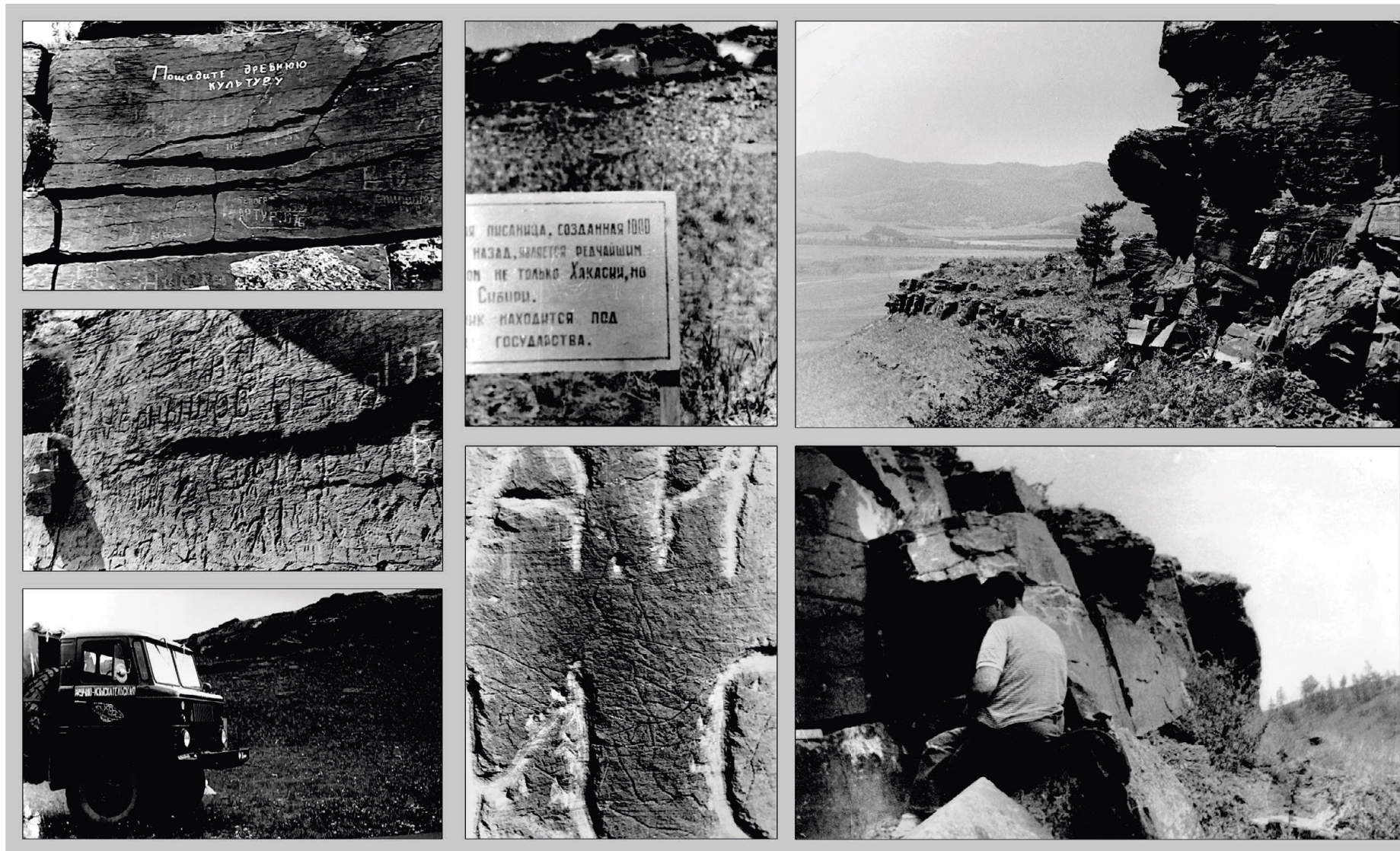

Рис. 10. Сулзская писаница. 1977 г. Фото М. А. Дэвлет, по: [Дэвлет, 1977, рис. 102, 106, 109, 114; архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 1, 2, 5].

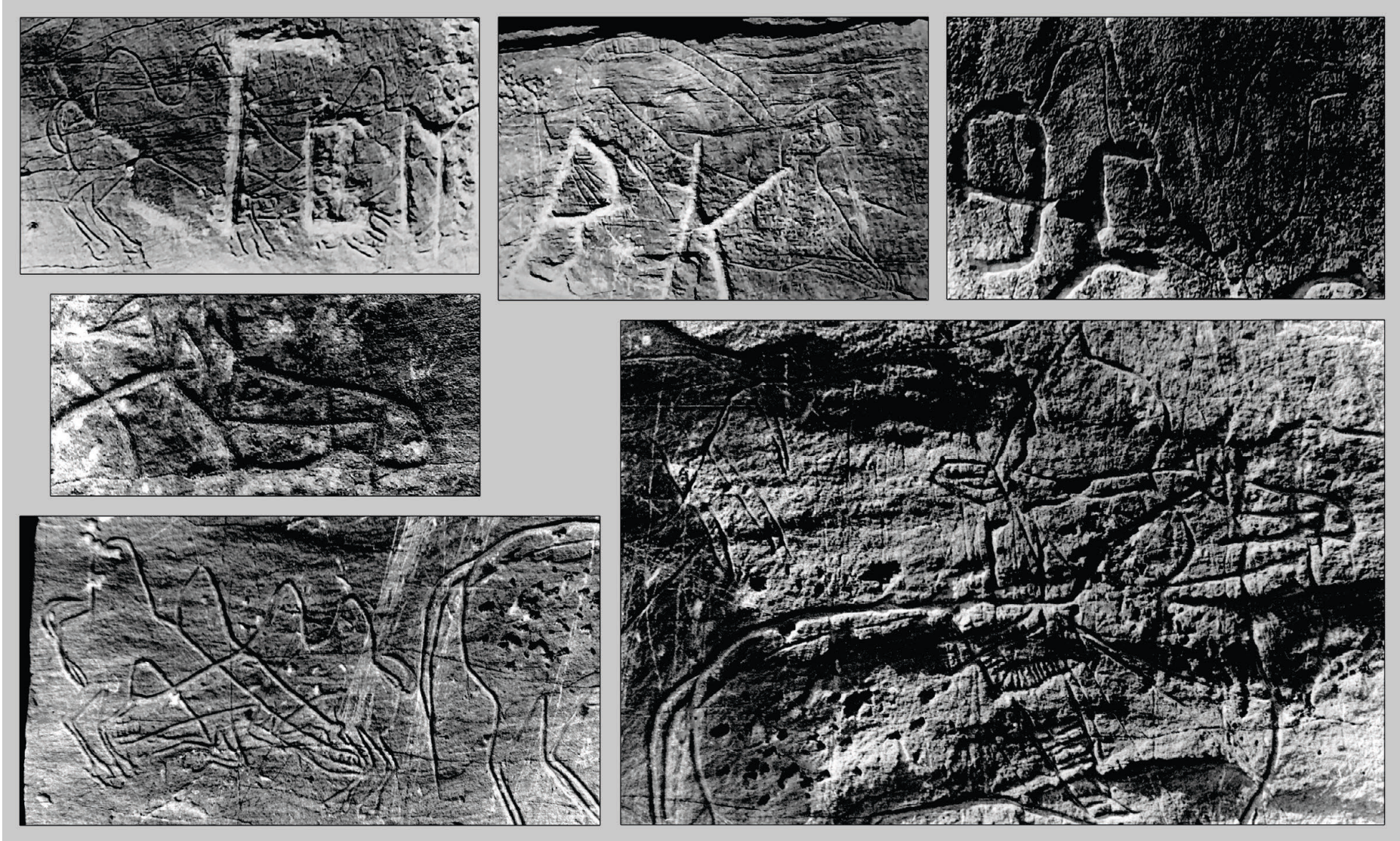

Рис. 11. Сулукская писаница. 1977 г. Фото М. А. Дэвлет, по: [Дэвлет, 1977, рис. 112, 117, 118, 121; архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 7, 8].

ющимся водохранилищем Саяно-Шушенской ГЭС, причем уже в следующем, 1978 г. Сообщается, что «по инициативе Э. А. Севастьяновой, археолога Хакасского областного краеведческого музея, возбуждено ходатайство о вывозе камней с изображениями за пределы зоны затопления» [Дэвлет, 1977, л. 32]. Вывезти, конечно, ничего не удалось, кроме небольшого фрагмента Джойской писаницы. Памятники были затоплены. М. А. Дэвлет отметила, что сохранность их «очень плохая, кроме тех рисунков, которые находятся под козырьком Джойского навеса»; в отчете представлены три фотографии с писаницы Кантегир с наиболее интересными фигурами: «На фотографиях они видны благодаря тому, что кто-то из наших предшественников обвел их мелом. На рисунках изображены “шаманы” и чудище, заглазывающее звезду или солнце (солярный символ с пятью расходящимися лучами)» [Дэвлет, 1977, л. 32, рис. 97–99]. В заметке в «Археологических открытиях 1977 года» упомянуто еще и посещение Сосновки [Дэвлет и др., 1978, с. 228]. Имеется в виду Сосновка Джойская, тоже памятник с росписями охрой, находящийся в том же районе, но на правом берегу Енисея близ устья р. Сосновка Джойская [Шер, 1980, с. 132, 133]. В архиве М. А. Дэвлет выявлена большая серия фотографий из этой поездки, на которых опознаются отдельные изображения и общие виды Джойского навеса и Кантегира. Конечно, на черно-белых фотографиях, и в оригинале-то едва заметные, рисунки охрой почти не видны, но все-таки благодаря снимкам М. А. Дэвлет мы имеем представление о контексте и виде памятников, которые, по всей вероятности, увидеть уже невозможно (рис. 12, 13). Остается также надежда на обнаружение в ее архиве и цветных диапозитивов из этой поездки.

В 1978 г. отряд Марианны Арташировны, в работе которого принимали участие археологи Н. О. Бадер, В. П. Даркевич и Н. В. Леонтьев, продолжал работы в Саянском каньоне Енисея, а также опять была предпринята поездка в Минусинскую котловину. Сначала вернулись на Бояры, чтобы снять и скопировать открытую в прошлом сезоне Новую Боярскую писаницу [Дэвлет, 1978, л. 55, рис. 60–65].

Затем работы продолжились на горе Суханиха на правом берегу Енисея, выше устья р. Туба. Этот большой комплексный памятник впервые

был изучен и скопирован на эстампажи в 1904 г. А. В. Адриановым [1904, с. 28], и М. А. Дэвлет была хорошо знакома с его подробными описаниями петроглифов Суханихи в рукописи-отчете [Адрианов, 1906б, л. 27–41]. Она пишет: «На горе Суханихе мы осмотрели петроглифы, открытые А. В. Адриановым в 1904 г. и описанные в отчете, хранящемся в ТГУ. Наиболее интересным оказалось большое панно, расположенное в 300 м от начала лога и примерно в 50 м над его дном на отвесном скальном выходе», – и далее приводит полностью его описание А. В. Адриановым [Дэвлет, 1978, л. 55–61]. Речь идет о выдающемся объекте наскального искусства, сейчас чаще упоминаемом в литературе как Большой фриз Суханихи, это огромный скальный выход высоко на склоне горы, длиной ок. 12 м и шириной ок. 2 м, весь заполненный изображениями разных эпох, среди которых много фигур бегущих животных. С большей его части были сняты копии – графитные натирки на кальку, позже по ним была сделана прорисовка, снята серия хорошего качества фотографий, общих видов и деталей. В отчет включены фотография с общим видом лога и 5 снимков с крупными фрагментами некоторых изображений [Дэвлет, 1978, табл. 66–71], в архиве М. А. Дэвлет обнаружены две части из набора копий-натинок (рис. 14, 1), 15 фотоотпечатков с изображениями этой композиции (рис. 15), фотография и контактный фотонегатив с прорисовкой левой части панно (рис. 14, 2), а также фотография с изображением тамги с береговых скал Суханихи (рис. 14, 4). В отчете также сообщается, что была скопирована «интересная сцена охоты» «не доходя до большого панно» [Дэвлет, 1978, л. 61, табл. 76]. Прорисовка ее (рис. 14, 3) украсила обложку «Археологических открытий 1978 года».

По результатам изучения петроглифов «большого панно» вскоре была издана статья «Бегущие звери на скалах горы Суханиха на Среднем Енисее» [Дэвлет, 1982], в которой публиковалась прорисовка левой части композиции и некоторые фрагменты, одна фотография, а также подробный интересный анализ последовательности создания этой разновременной многофигурной композиции и соображения по поводу датировки отдельных хронологических пластов. Наиболее интересны рассуждения Марианны Арташировны относительно атрибуции созданных предполо-

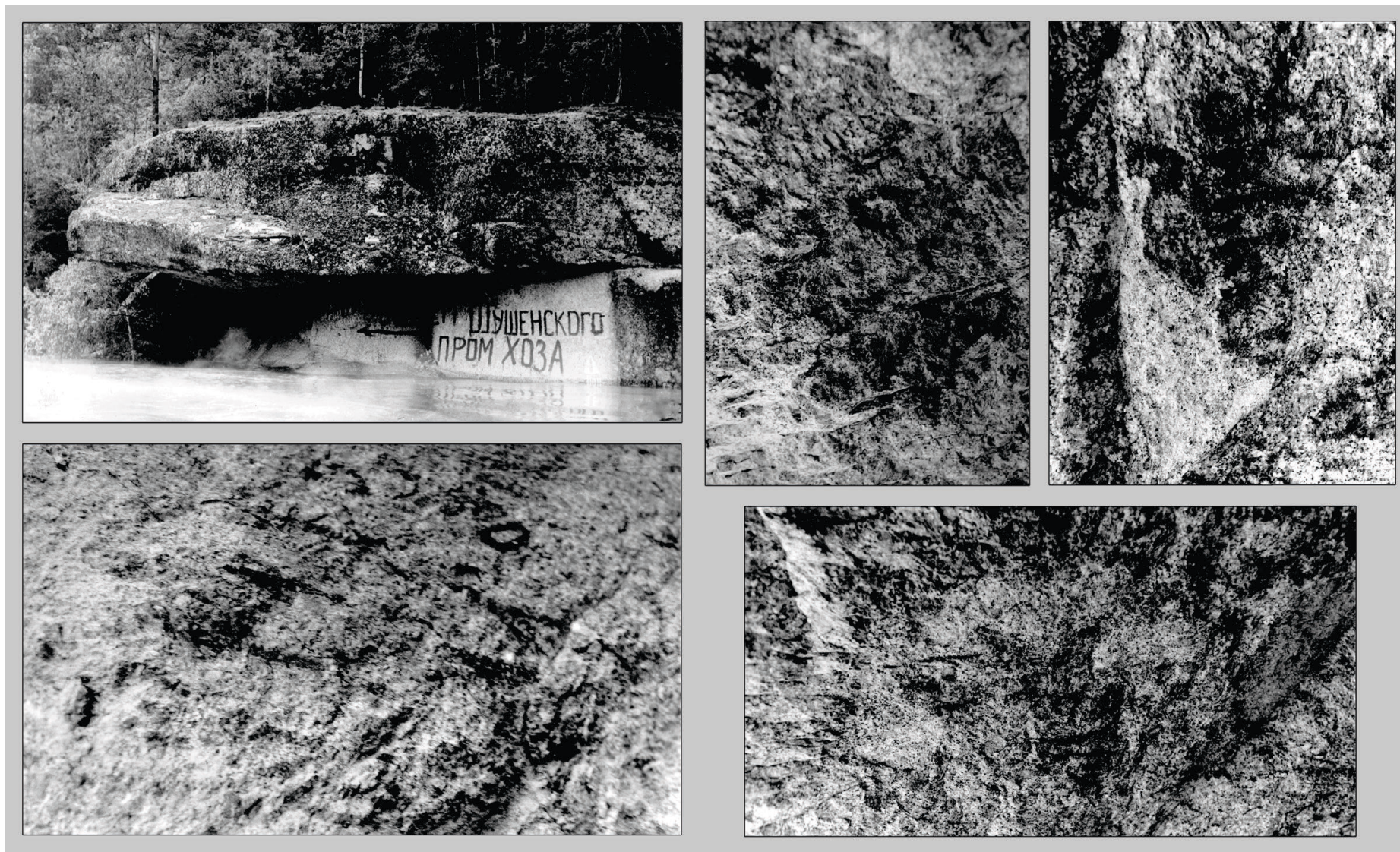

Рис. 12. Джойский навес (полузатопленный) и выполненные на его потолке охрой лишины. Фото М. А. Дэвлет, 1977 г. [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 58, 62, 63, 65, 67].

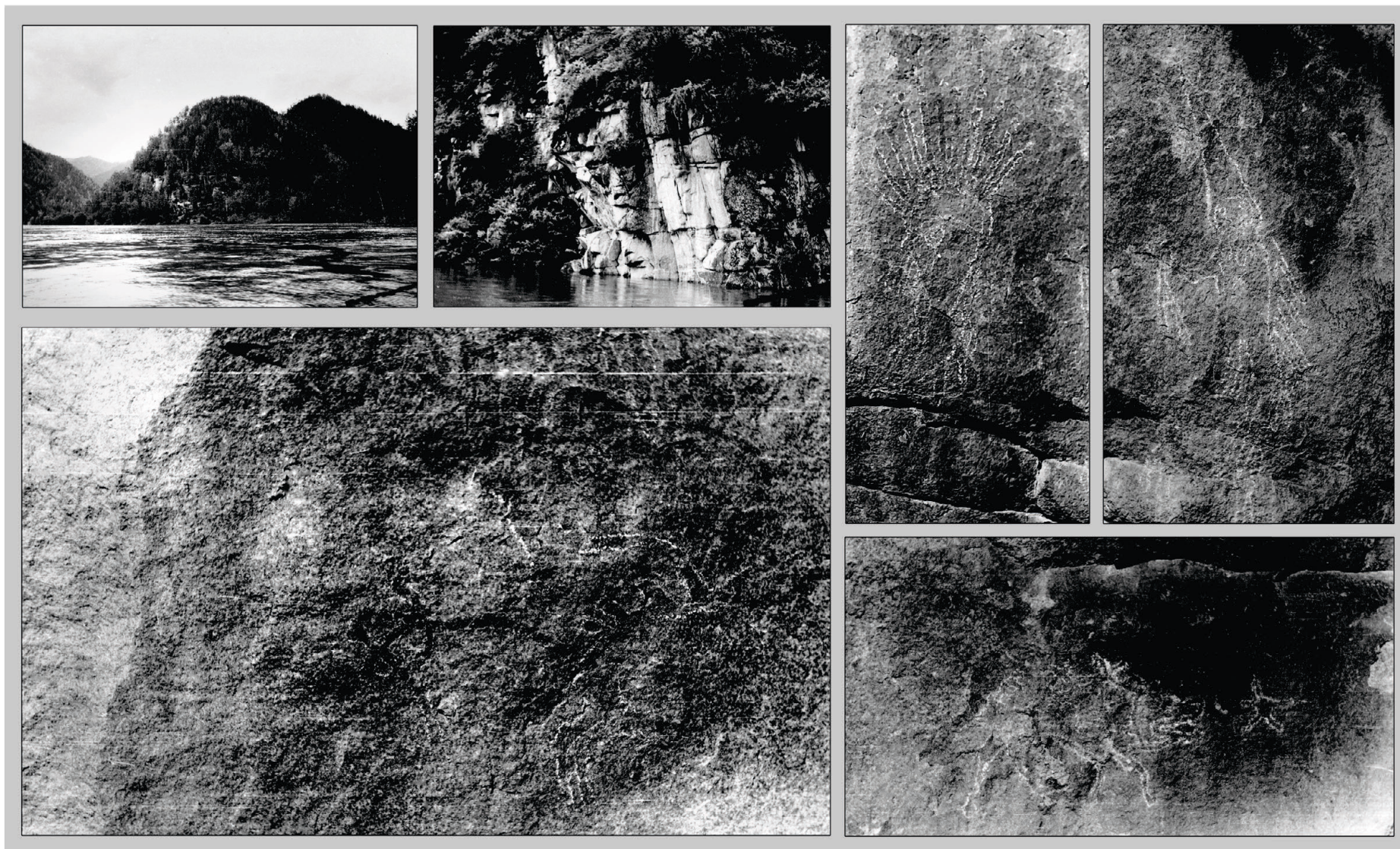

Рис. 13. Кантегир, общие виды и фрагменты росписей. Фото М. А. Дэвлет, 1977 г., по: [Дэвлет, 1977, рис. 98; архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 42, 43, 52, 53, 55].

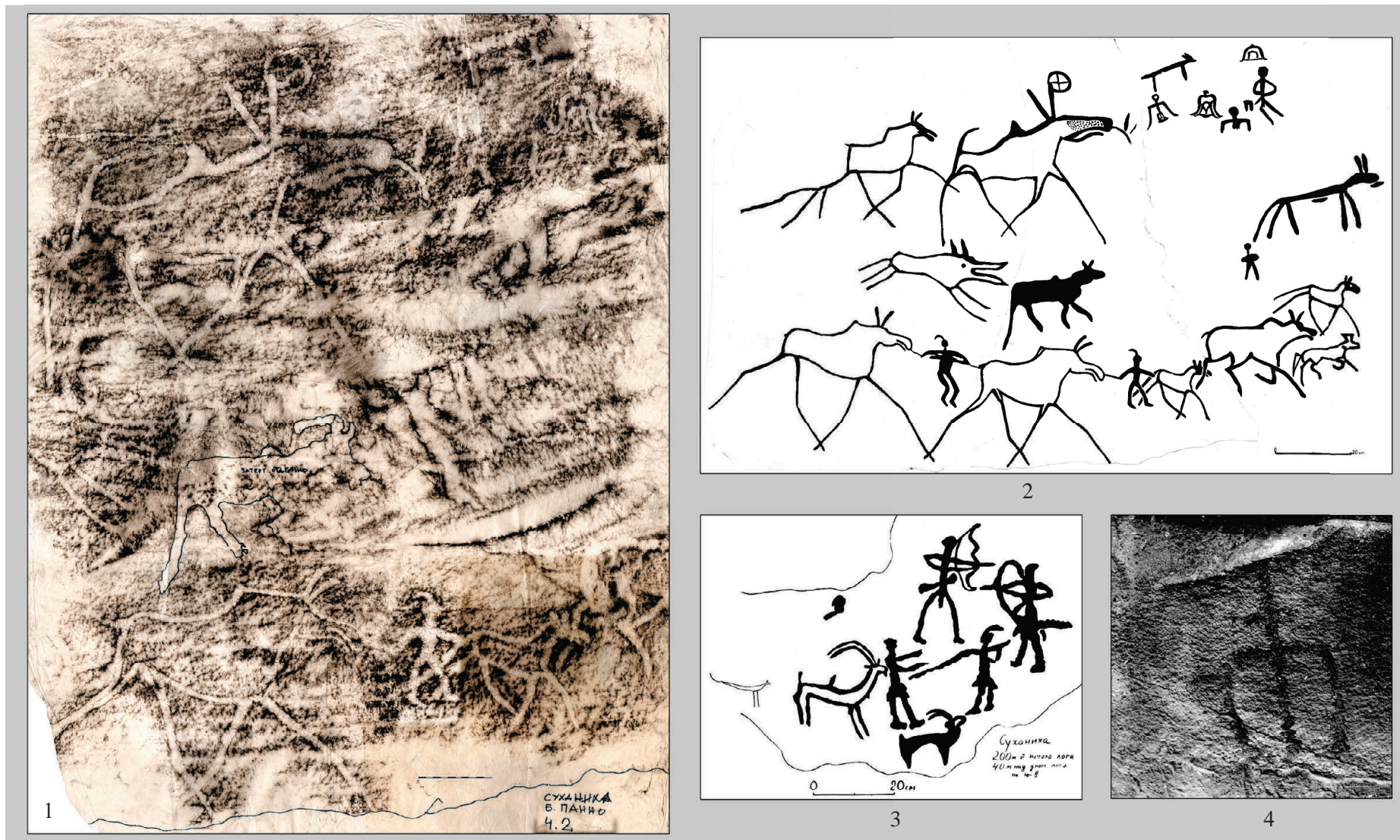

Рис. 14. Суханиха. 1, 2 – «Большое панно» (фрагменты), графитная протирка на кальке и прорисовка [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 1. Л. 28, 29], 3 – прорисовка плоскости с лучниками, по: [Дэвлет, 1978, табл. 76]; 4 – фото плоскости с тамгой [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 108].

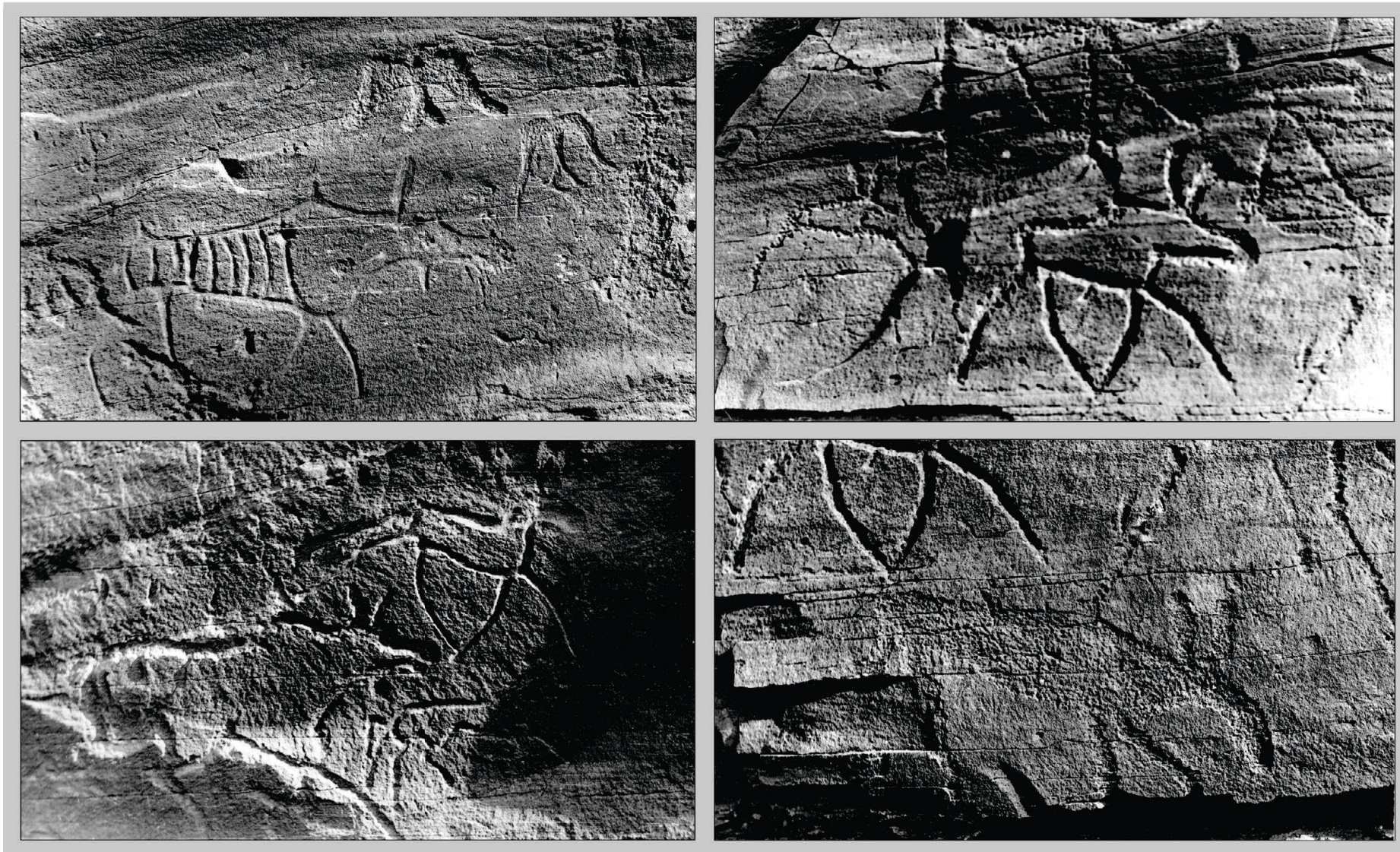

Рис. 15. Суханиха. «Большое панно» (фрагменты). Фото М. А. Дэвлет, 1978 г. [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 95, 103, 104, 106].

жительно самыми первыми прошлифованных фигур лосей с раскинутыми в стремительном беге ногами. Она приводит целый ряд аналогий им – неолитические фигурки лосей из Базаихи, лоси Томской писаницы, лоси и фантастические хищники в искусстве окуневской культуры, бегущие лошади на скале «Пьяный камень», перекрывающие окуневские личины [Дэвлет, 1982, с. 56–59, рис. 4, 5]. Но, видимо, у нее остались некоторые сомнения, так как вывод сформулирован не совсем ясно, и даже противоречиво: «Можно предположить, что выполненные по контуру глубокими линиями наиболее древние изображения бегущих лосей на панно Суханихи были созданы в доокуневское время, возможно, в неолите. Основную же часть изображений животных с пересекающимися в беге ногами следует отнести к окуневской эпохе» [Дэвлет, 1982, с. 59]. На самом деле, эти лоси вместе с такими же бегущими лошадами, выполненными точно такими же глубокими контурными линиями, и составляют «основную часть изображений животных с пересекающимися в беге ногами». Сейчас большинство исследователей согласны с окуневской атрибуцией этой группы изображений, а более актуальной стала проблема, к какому именно хронологическому горизонту окуневской культуры их можно отнести.

Следующим местом работы отряда стали писаницы близ дер. Быстрая в 6 км от Минусинска на горах Седловина и Шишка, расположенных одна за другой общей грядой. Эти памятники (как и Суханиха) очевидно были показаны Н. В. Леонтьевым, который сам в те годы занимался их поисками и документированием. На горе Седловина плоскости с петроглифами расположены довольно компактно, и было скопировано много объектов. В отчете 1978 г. приводится описание горы и ее местоположения, а также пять фотографий и одна прорисовка [Дэвлет, 1978, л. 61, табл. 72–75, 77], которая также опубликована в «Археологических открытиях» [Дэвлет и др., 1979, с. 224]. В архиве же Марианны Арташировны были выявлены графитные копии-протирки на кальке с 11 плоскостей. Контурные изображений, как это было у нее принято, обведены фломастерами (рис. 16, 17), но, видимо, графическая прорисовка была сделана только с одной – «таштыкского панно» (рис. 16, 2).

В заметке в «Археологических открытиях 1978 года» помимо тех памятников, которые указаны в отчете, говорится, что были обследованы писаницы Шалаболинская и Потрошиловская, а также Изрых-Тас и Малые Арбаты в бассейне р. Абакан [Дэвлет и др., 1979, с. 223]. Фрагмент прорисовки писаницы Изрых-Тас («Пьяный камень») у с. Бельтыры в Хакасии опубликован в статье о Суханихе [Дэвлет, 1982, рис. 5], а материалы обследований других памятников обнаружены нами в архиве М. А. Дэвлет.

Потрошиловская писаница находится на правом берегу Енисея, в устье р. Туба напротив горы Тепсей и известна еще с середины XIX в. По упомянутой выше статье и рукописи А. В. Адрианова Марианна Арташировна знала, что исследователь в 1904 г. сделал здесь несколько эстампажей, фотографии и описания. Писаницу ей показал Н. В. Леонтьев, сам в то время лишь недавно ее нашедший. Он же обратил внимание на сохранившуюся под навесом надпись черной краской: «1904 15/VII», обозначавшую дату работы А. В. Адрианова на этом памятнике [Дэвлет, 2004, с. 41, рис. 18]. В архиве обнаружены пейзажная фотография, снятая с Потрошиловской писаницы с видом на г. Тепсей и фотографии двух копий-натирок (рис. 18). Есть также четыре фотографии Шалаболинской писаницы на р. Туба (рис. 19) и шесть снимков писаницы Малые Арбаты. Изображения на последней выполнены охрой, на черно-белых фотографиях окуневские личины едва угадываются, а поздние тамги видны довольно хорошо (рис. 20).

Отчет 1978 г. заканчивается лаконично: «Около Абаканского музея находится Бейский камень, вывезенный А. Н. Липским в 1964 г. из Бейского р-на. Была сделана прорисовка изображений на этом камне» [Дэвлет, 1978, л. 62, табл. 78]. Это и понятно. Камень с изображениями, ставший музейным экспонатом, это уже не тот памятник, изучение которого требует открытого листа и предоставления информации в Отчете. Однако работа, проведенная в том же сезоне М. А. Дэвлет в стеларии у краеведческого музея в Абакане, имела большое значение в плане исследования петроглифов Минусинской котловины. Как известно, наскальное искусство этого ареала представлено не только изображениями на скалах,

Рис. 16. Седловина, 1978 г. Графитные протирки на кальке, прорисовка [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 1. Л. 17, 25, 26].

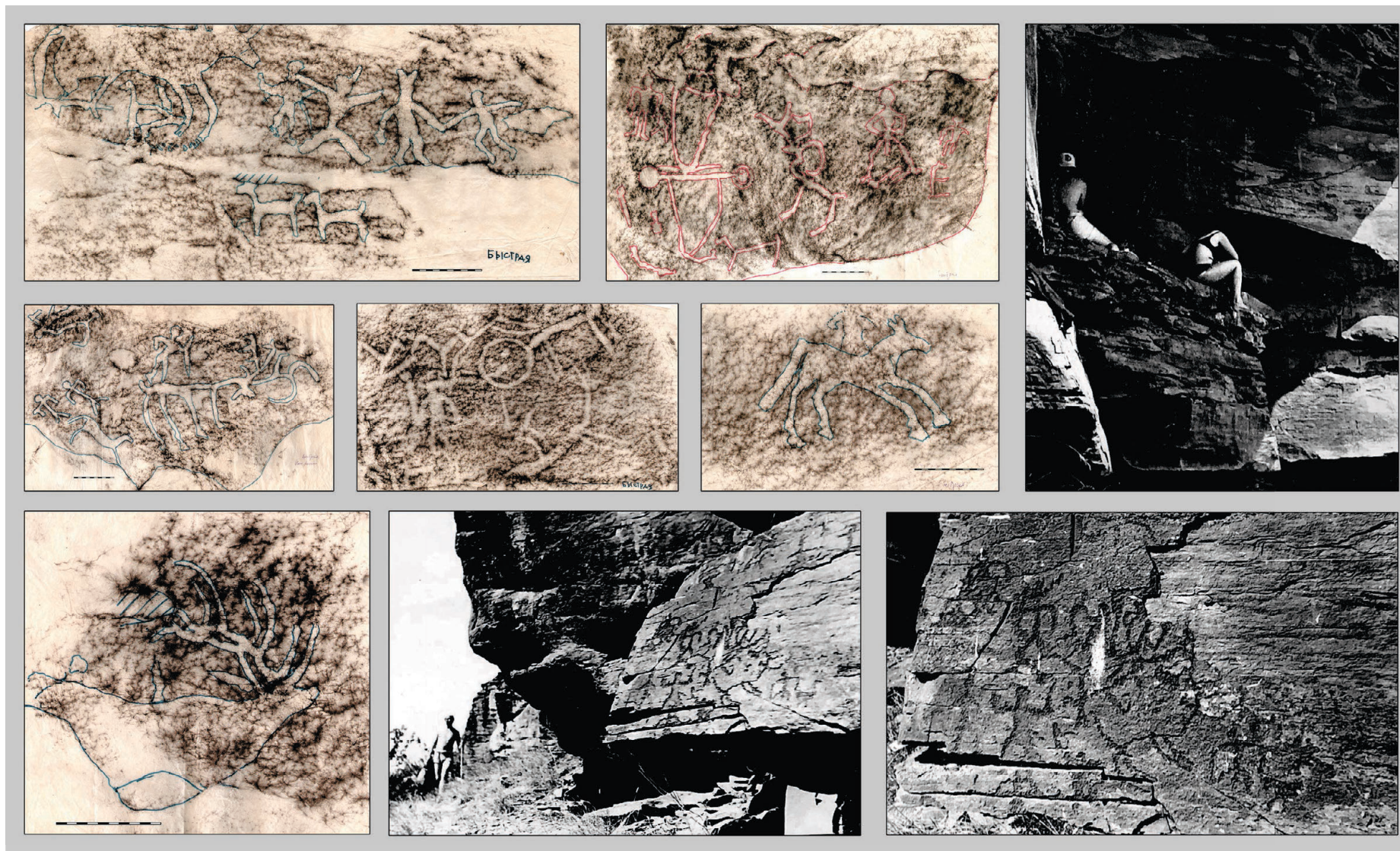

Рис. 17. Седловина, 1978 г. Графитные протирки на кальке [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 1. Л. 15, 18–22], фото М. А. Дэвлет [1978, табл. 72, 73, 75].

Рис. 18. Потрошиловская писаница, 1978 г. Фотографии графитных протирок, фотография, снятая М. А. Дэвлет со склона горы Моисеиха от писаницы с видом на р. Туба и гору Телсей [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 110–112].

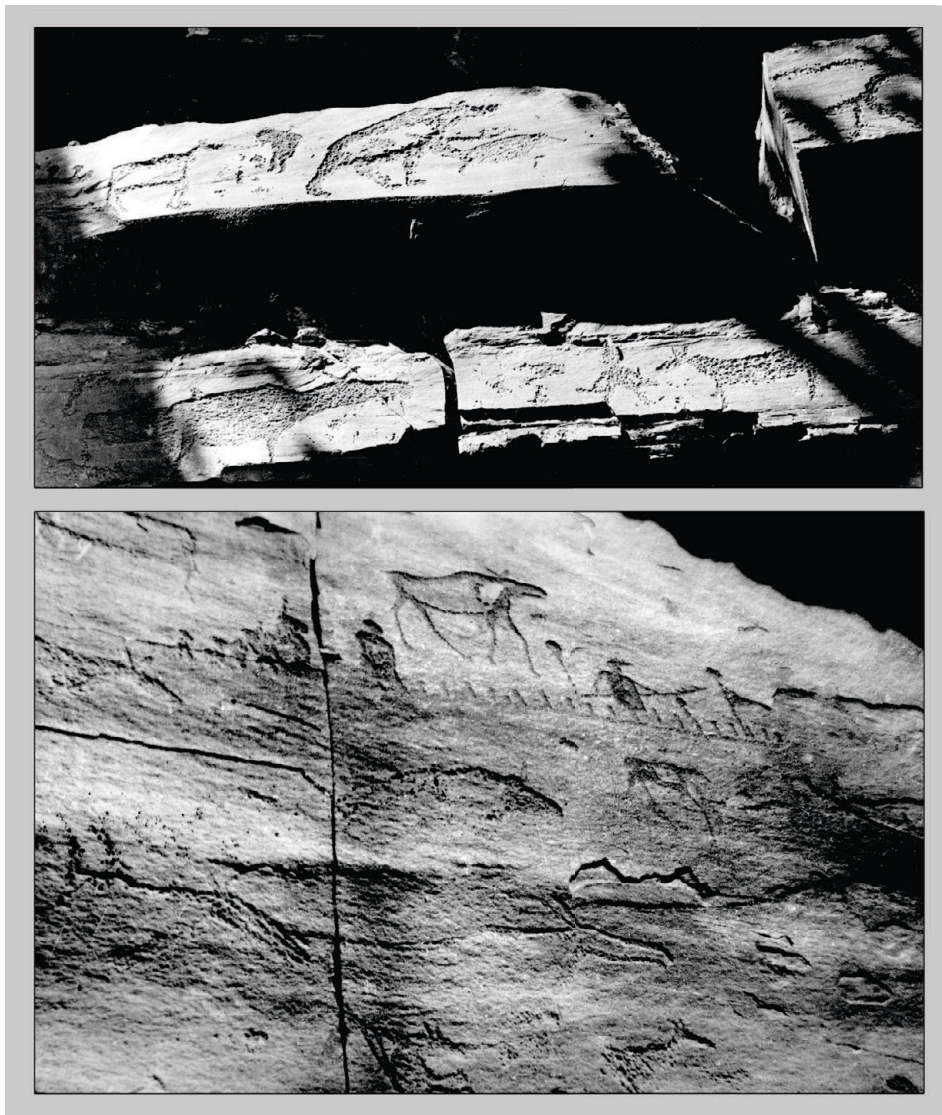

Рис. 19. Шалаболинская писаница, 1978 г. Фото М. А. Дэвлет (?)
[архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 77, 78].

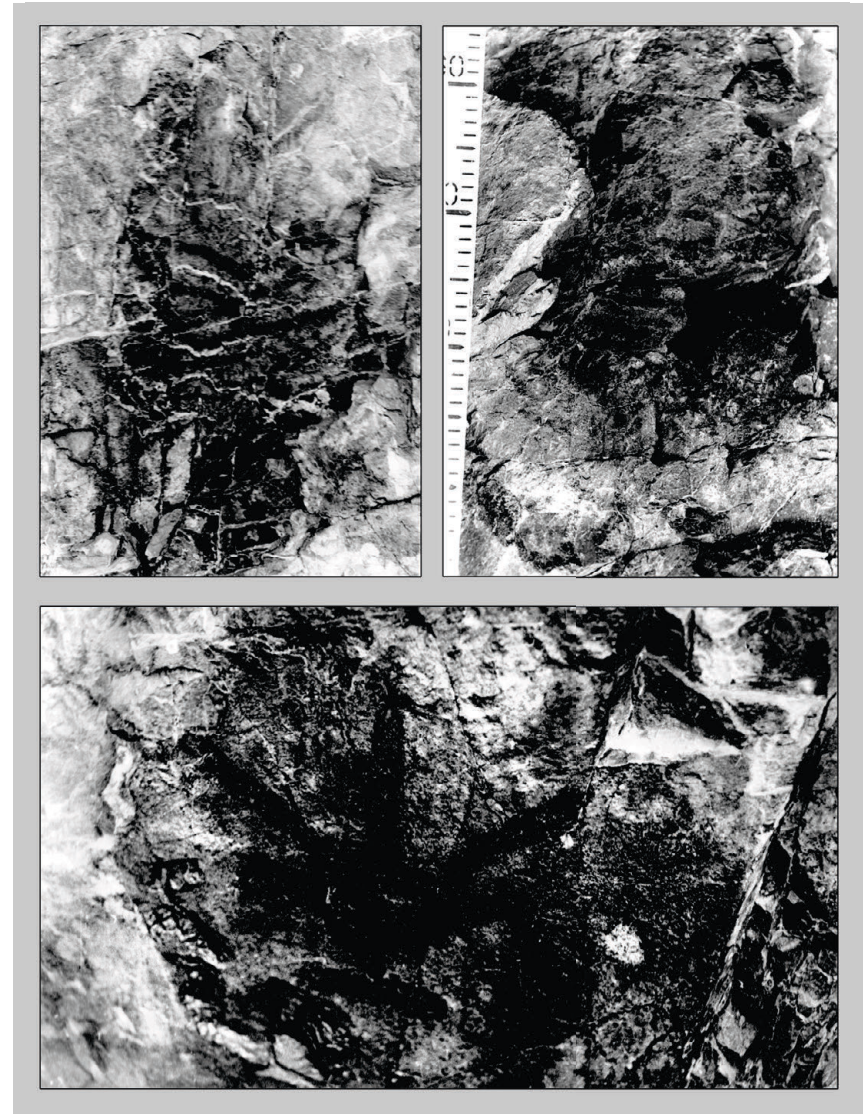

Рис. 20. Малые Арбаты, 1978 г. Фото М. А. Дэвлет (?)
[архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 68, 70, 72].

Рис. 21. Стеларий у краеведческого музея в г. Абакан. Фото М. А. Дэвлет, 1978 г. (?) [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 135, 167, 168].

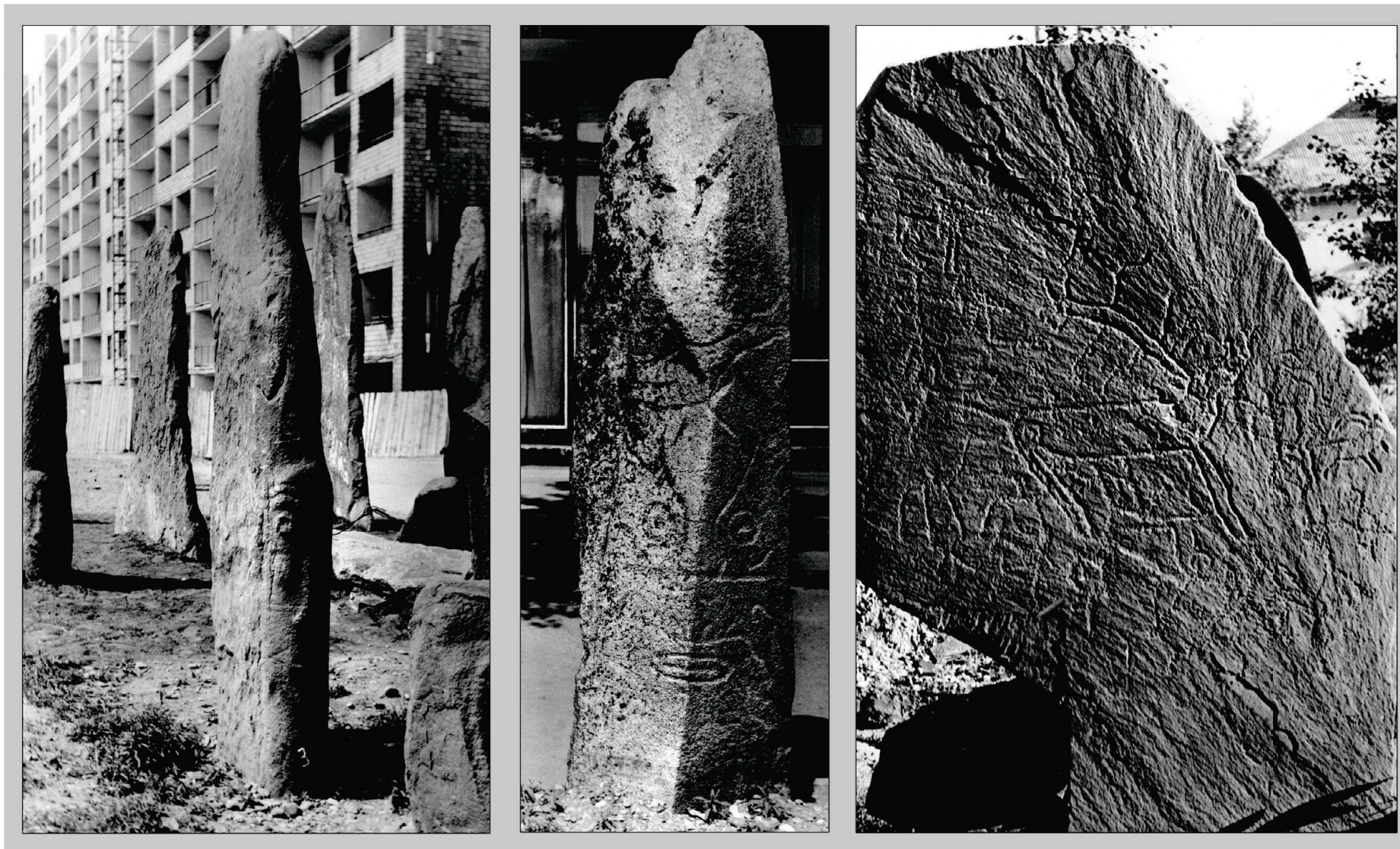

Рис. 22. Стеларий у краеведческого музея в г. Абакан. Фото М. А. Дэвлет, 1978 г. (?) [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 163, 173, 184].

Рис. 23. Стеларий у краеведческого музея в г. Абакан. Бейская стела, фото М. А. Дэвлет, 1978 г. [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 114,116, 123, 124, 126,128].

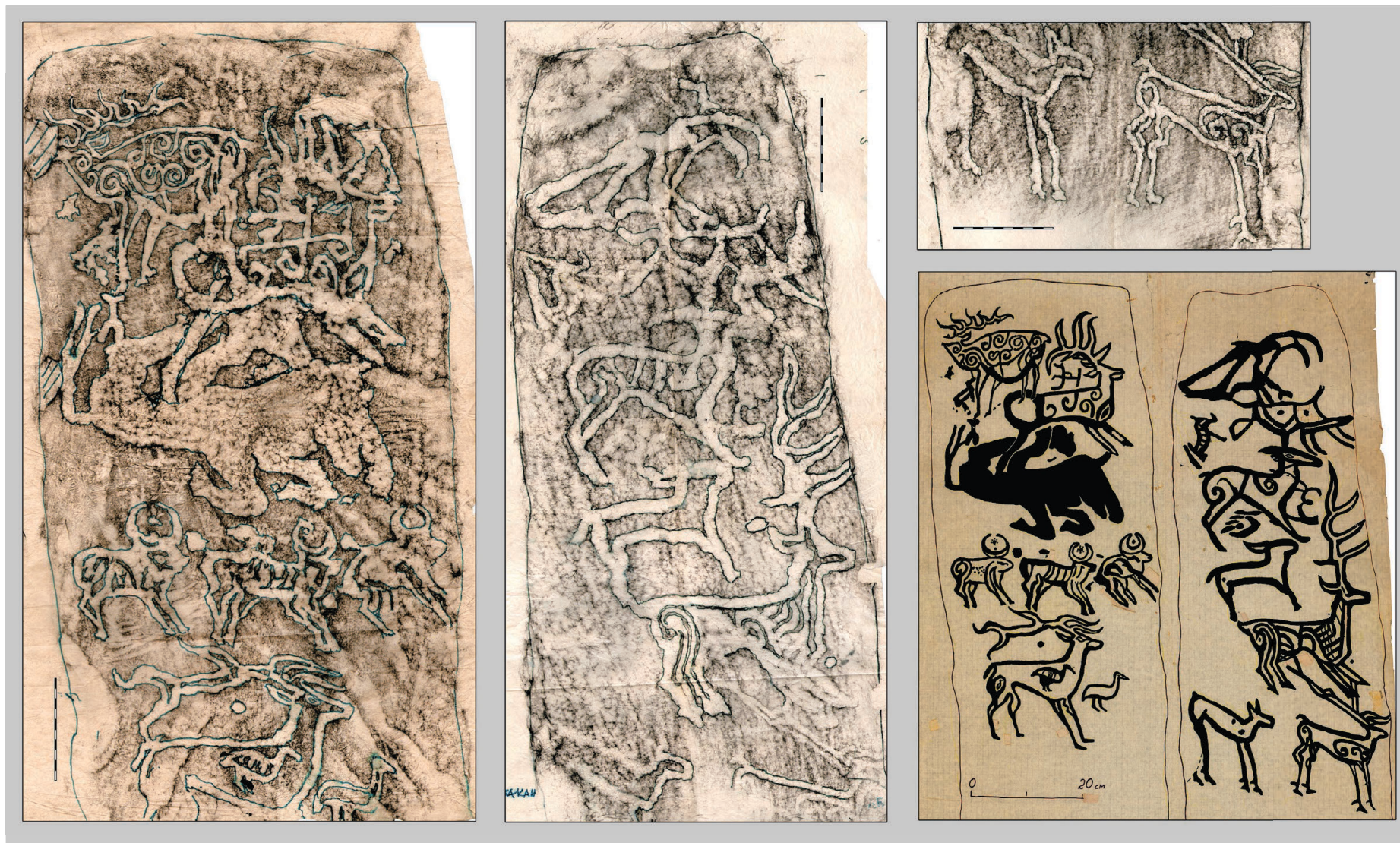

Рис. 24. Бейская стела. Графитные копии-натирки на кальку, прорисовка на обороте миллиметровой бумаги [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 1. Л. 1, 3-5].

но и на курганных камнях и могильных плитах, а также на стелах и изваяниях, в которых монументальное (статуарное) искусство переплетается с наскальным. Большая коллекция подобных объектов уже тогда была собрана в Абаканском музее. В архиве М. А. Дэвлет имеется серия (56 шт.) прекрасных фотографий окуневских изваяний, стел и курганных плит, на которых запечатлены как сами монументы, так и особенности их экспонирования (музееведческий аспект научной деятельности Марианны Арташировны часто сочетался с археологическим) (рис. 21, 22).

Отдельно перечислим материалы, связанные с изучением Бейской стелы из этой коллекции. К ним относятся 16 фотоотпечатков с изображением обеих граней камня, общих видов и множества деталей вплоть до макроснимков (рис. 23), а также коллекция копий – 12 листов графитных натирок на кальке (каждая грань целиком) и на папиросной бумаге (небольшими фрагментами), прорисовки (в двух вариантах) обеих граней тушью на оборотной стороне миллиметровой бумаги (рис. 24). Бейская стела – выдающийся памятник искусства тагарской культуры, и, как видим, Марианна Арташировна с величайшей тщательностью отнеслась к его документированию. Это явно камень из ограды тагарского кургана, на двух противоположных гранях которого выбивкой выполнены сложные композиции в скифо-сибирском зверином стиле, включающие такие образы, как олени со сложным декором туловищ, лошадь с вывернутым крупом, «лунорогие» быки, утки (?), ворон (?) и др. К сожалению, нет никаких сведений о кургане, из которого был этот уникальный камень извлечен. Полученная в результате документирования прорисовка была, как всегда оперативно, введена в научный оборот в монографии «Петроглифы Мугур-Саргола» [Дэвлет, 1980, рис. 23] в качестве аналогий для выделения петроглифов скифского времени на Верхнем Енисее, а позже появилась специальная, глубокая, посвященная интерпретации изображений Бейской стелы статья [Дэвлет, 1990], которую, пожалуй, можно назвать программной, так как в ней наиболее четко выразился мифологический подход к интерпретации сюжетов наскального искусства, «ярким и наиболее последовательным представителем» которого была Марианна Арташировна [Советова, Китова, 2008, с. 22].

Заканчивая обзор, упомянем еще один интересный сюжет, связанный с экспедициями М. А. Дэвлет в Минусинскую котловину. О нем нет информации в отчетах, но ее можно почерпнуть из еще одной серии фотографий. Речь идет о посещении Салбыкского кургана. Напомним, именно с его раскопок началось знакомство юной Марианны Дэвлет с археологией Минусинской котловины, здесь она увидела первые петроглифы на курганных плитах, здесь отдала свое сердце Южной Сибири. И вот, проезжая с отрядом по степям Хакасии в 1977 или 1978 г. (фотографии не датированы, но по косвенным признакам, это скорее 1978 г.), она посетила это место снова. Давно раскопанный Салбык, из памятника превратившийся в туристический объект, немного оборудованный для посетителей, гигантская ограда, мегалиты, заросшие травой отвалы, свежие граффити на плитах с петроглифами. Целая пачка фотографий рассказывает об этом посещении. Есть среди них и рабочие снимки изображений на плитах, и общие фотографии всего большого коллектива (отряда и сопровождающих их коллег, среди них, например, М. Н. Пшеницына) (рис. 25). Наверное, эта встреча с памятником была и радостной, и грустной одновременно...

Настоящая статья освещает, главным образом, полевые исследования памятников наскального искусства Минусинской котловины Марианной Арташировной Дэвлет. Другие аспекты, например, ее вклад в культурно-хронологическую атрибуцию, в интерпретацию петроглифов этого ареала, в историю исследования, – это отдельные темы. Кроме того, не исключаем, что в процессе дальнейшей обработки архива исследовательницы появятся дополнительные данные и по рассмотренной теме. В публикацию намеренно включено большое количество иллюстраций, особенно интересны и полезны они будут тем, кто работает на упомянутых памятниках. Фотографии М. А. Дэвлет позволяют увидеть, как они выглядели много лет назад.

Рис. 25. Салбыкский курган. Фото М. А. Дэвлет, 1977 или 1978 г. [архив МЗТП. Ф. 8. Д. 2. Л. 189–191, 193, 199].

Библиография

- Адрианов А. В. Предварительные сведения о собирании писаниц в Минусинском крае летом 1904 г. // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. № 4. СПб., 1904. С. 25–33.
- Адрианов А. В. Писаница Боярская // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. № 6. СПб., 1906а. С. 53–59.
- Адрианов А. В. Писаницы Енисейской губернии. 1906б / Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Д. № 55.
- Булгаков А. И. Верховья Енисея в Урянхае и Саянских горах // Известия Императорского географического общества. Т. 44, вып. 6. СПб., 1908. С. 392–393.
- Вяткина К. В. Наскальные изображения Минусинской котловины // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XX. М.; Л., 1961. С. 188–237.
- Грязнов М. П. Боярская писаница // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 7–8. С. 41–45.
- Дэвлет Е. Г., Миклашевич Е. А. Полевой семинар, посвященный 150-летию А. В. Адрианова «Документирование и мониторинг памятников наскального искусства. История, проблемы, перспективы» // Вестник САИПИ. 2003–2004. № 6–7. С. 62–65.
- Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница // Советская археология. 1965а. № 3. С. 124–142.
- Дэвлет М. А. О культурных связях тагарских племен // Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965б. С. 240–242.
- Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница. М.: Наука, 1976. 28 с.
- Дэвлет М. А. Отчет о работе отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР в 1977 г. / Архив Института археологии РАН. Р. № 6886, 6886а.
- Дэвлет М. А. Отчет о работе отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР в 1978 г. / Архив Института археологии РАН. Р. № 7037, 7037а.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 272 с.
- Дэвлет М. А. Бегущие звери на скалах горы Суханиха на Среднем Енисее // Краткие сообщения Института археологии. 1982. Вып. 169. С. 53–60.

- Дэвлет М. А. О космогонических представлениях древних жителей среднего Енисея. Изображения на Бейской стеле из Хакасии // Семантика древних образов. Первобытное искусство. Новосибирск: Наука, 1990. С. 83–91.
- Дэвлет М. А. Новая Боярская писаница // Социально-экономические структуры древних обществ Западной Сибири. Барнаул, 1997. С. 136–138.
- Дэвлет М. А. У меня есть долг перед древними людьми Тувы // Центр Азии. 12.09.2003. № 37.
- Дэвлет М. А. Александр Васильевич Адрианов (к 150-летию со дня рождения). Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 68 с.
- Дэвлет М. А., Бадер Н. О., Даркевич В. П., Леонтьев Н. В. Петроглифы Енисея // Археологические открытия 1978 года. М.: Наука, 1979. С. 223–224.
- Дэвлет М. А., Башилов В. А., Даркевич В. П., Кабо В. Р., Студзицкая С. В. Наскальные рисунки Енисея // Археологические открытия 1977 года М.: Наука, 1978. С. 228–229.
- Кадина И. Увлекательный поиск. Находки московских студентов // Вечерняя Москва. 29.12.1962. № 298.
- Леонтьев Н. В. Писаницы устья р. Кантегир // Рериховские чтения 1984 года. Новосибирск, 1985. С. 168–179.
- Липский А. Н. Наскальные рисунки, выполненные охрой, в Саянах на Енисее. 1963 / Архив Института археологии РАН. Р. 1. № 2553.
- Марианна Арташировна Дэвлет. Библиография. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2014. 56 с.
- Миклашевич Е. А. О проекте САИПИ по сохранению, консервации и музеефикации памятников наскального искусства // Вестник САИПИ. 2002. № 5. С. 7–11, 21–24.
- Миклашевич Е. А. От эстампажа к отливке. Развитие методов факсимильного копирования петроглифов // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (2). М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2019. С. 210–235. (Труды САИПИ; вып. XII).
- Николаенко В., Щавелин А. Датировано железным веком // Советский Союз. 1963. № 4. С. 50–51.
- Савинов Д. Г., Длужневская Г. В. Белек Марианне Арташировне Дэвлет // Российская археология. 2013. № 2. С. 149–153.
- Советова О. С., Китова Л. Ю. Марианна Арташировна Дэвлет – исследователь археологии Центральной Азии // Тропой тысячелетий: к юбилею М. А. Дэвлет. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. С. 17–23 (Труды САИПИ; вып. IV).

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 328 с.
Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildermaterial von
J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889. Helsingfors, 1931.
IX, 45, 71 p.: ill.

E. A. Miklashevich

Institute of Archaeology RAS, Moscow

“Tomskaya Pisanitsa” Museum-Reserve, Kemerovo, Russia

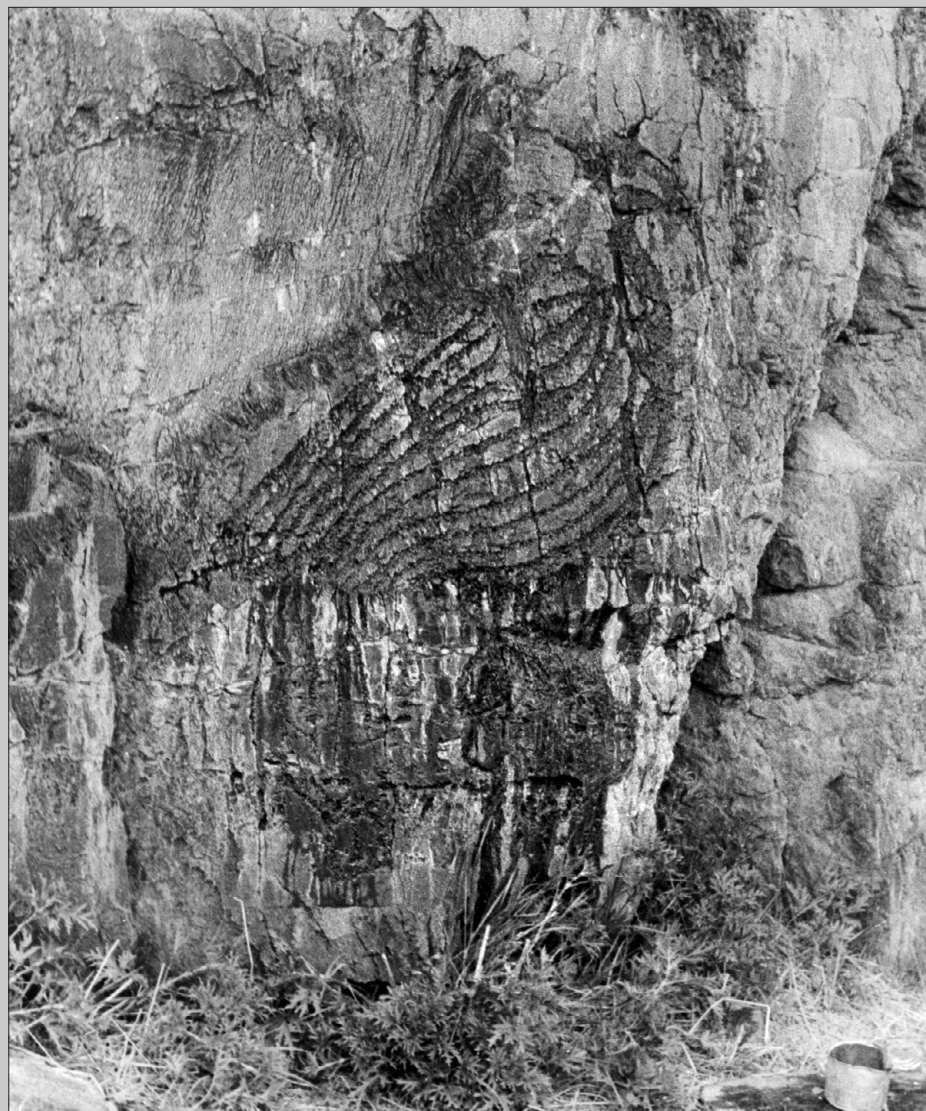
**INVESTIGATION OF ROCK ART SITES
IN THE MINUSINSK BASIN BY MARIANNA A. DEVLET**

The paper considers expeditionary investigation on rock art sites of the Minusinsk Basin by Marianna A. Devlet. Her work in this area of South Siberia was less intensive (only three field seasons: 1963, 1977 and 1978) than that in Tuva, and is not fully presented in the publications. In the process of handling the researcher's archive, some unknown materials (photographs, copies and manuscripts) have been revealed, which made it possible to broach the subject more fully, in addition to analyzing the relevant expedition reports and publications. In the Minusinsk Basin M. A. Devlet did not set the task of complete documentation of any rock art location (unlike Tuva, where she conducted full-scale long-term investigation), carrying out a general acquaintance with some famous sites, including selective copying and photographing. It is established that she worked at the following rock art sites: Boyary, Sulek, Malye Arbaty and Izyrykh-Tas (in Khakassia); Tepsei, Sukhanikha, Sedlovina, Potroshilovskaya and Shalabolinskaya (on the right bank of the Yenisei River); Joy, Kantegir and Sosnovka Joyskaya (in the Sayan, between the Minusinsk Basin and Tuva). Images on statues and kurgan slabs have been also documented, among which the Beyskaya stele is the most famous. The paper is provided by a large amount of illustrations which present M. A. Devlet's materials from the archives.

Keywords: rock art, petroglyphs, Minusinsk Basin, M. A. Devlet, documentation

Большая Боярская писаница (фрагмент).
Фото: М. А. Дэвлет, 1963 г.

Бижиктиг-Хая (у пос. Кызыл-Мажалык), Тува. Фото из архива М. А. Дэвлет.

А. Л. Заика

<https://doi.org/10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-430-2.99-103>

Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, Красноярск, Россия

М. А. ДЭВЛЕТ О МЕТОДИКЕ ПОЛЕВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПЕТРОГЛИФОВ

В статье рассматривается вклад М. А. Дэвлет в развитие методики полевых исследований памятников наскального искусства по ряду аспектов: поиск, выявление, топографическая съемка петроглифов, фотофиксация и копирование рисунков, их полевое описание. Подчеркивается роль Марианны Арташировны в развитии отечественного петроглифоведения.

Ключевые слова: М. А. Дэвлет, петроглифы, методика, полевые и камеральные исследования наскального искусства

*И помня, что не властно тленью
над тем, кто в нашем сердце жив,
мы отмечаем дни рожденья,
о дате смерти позабыв...*

Марианна Арташировна известна как выдающийся советский, российский археолог, исследователь древнего наскального искусства, историограф отечественного петроглифоведения. В данной работе хочется акцентировать внимание на вкладе М. А. Дэвлет в развитие методики полевых исследований памятников наскального искусства. В свое время меня впечатлила статья Марианны Арташировны [Дэвлет, 1990], где исследователь «по полочкам разложила» основные принципы полевых работ с наскальными рисунками. Эта работа не только вызвала массу эмоций, надолго врезалась в память, но и спровоцировала на проявление собственной активности в деле развития полевых методов, стала своего рода трамплином для работ в этом направлении [Заика, 2006, 2007, 2020; Заика, Кузнецов, 2008].

Методические аспекты работ с петроглифами на тот момент еще слабо освещались в научной и учебно-методической литературе. В учебнике

Д. А. Авдусина по полевой археологии эта тема была лишь отмечена [Авдусин, 1980, с. 105, 106], а небольшая брошюрка А. А. Формозова с провокационным названием «Наскальные изображения и их изучение» в большей степени касалась художественных аспектов восприятия древнего творчества, была посвящена вопросам сюжетного и стилистического анализа древних рисунков. Полевым исследованиям частично был посвящен только последний раздел, где определены общие принципы и подходы в работе с петроглифами, что отметил и сам автор: «Моей целью было наметить некоторые пути изучения гравировок и росписей на камне и как археологических объектов, и как образцов древнего искусства, предостеречь читателей от ряда ошибок, не раз делавшихся при исследовании этого очень не простого явления в истории культуры» [Формозов, 1987, с. 98].

Кардинально вопросы современной методики работы с петроглифами в свое время поднял Я. А. Шер [1980], позже они освещались в соответствующих разделах ряда монографий [Пяткин, Мартынов, 1985, с. 9–16; Тиваненко, 1990, с. 5–10] и в статьях (см. например: [Капелько, 1986; Шумкин, 1990]). Но первая попытка составления «примерной» программы полевых исследований памятников наскального искусства «с учетом сложившейся практики в нашей стране и за рубежом» предпринята именно Марианной Арташировной Дэвлет [1990]*. Это был первый шаг к созданию

* В этой работе М. А. Дэвлет ориентировалась, как она сама отмечала [1990, с. 83, 84; 2017, с. 5], на оптимальную для того времени программу полевых и камеральных работ, разработанную корифеем итальянской школы исследователей наскального искусства Э. Анати [Anati, 1977].

нию унифицированной методики исследований петроглифов. Автор статьи на высоком профессиональном уровне изложила основные базовые позиции методического характера, которыми должен руководствоваться исследователь на каждом этапе полевых работ, поделилась своим практическим опытом исследований петроглифов. В рамках объема статьи исследовательнице трудно было рассмотреть все проблемы, связанные с изучением памятников наскального искусства; более того, как она отмечала, сложно добиться разработки универсальной методики полевых работ «на все случаи жизни» и которая была бы «применима к любому памятнику» [Дэвлет, 1990, с. 89]. Тем не менее, стратегический шаг в деле развития методов полевых исследований петроглифов был сделан.

Полевые исследования петроглифов включают ряд аспектов: поиск, выявление, фиксация и копирование рисунков, их полевое описание. Поиск петроглифов на местности, несмотря на их «открытость», – один из самых трудоемких видов археологической разведки. В отличие от других типов археологических объектов, дислокация которых в определенных природно-ландшафтных (географических) условиях может быть вполне прогнозируема, расположение памятников наскального искусства трудно подчиняется какой-либо закономерности. Спектр условий, в которых могут быть найдены наскальные рисунки, довольно широк и многообразен, что не раз отмечали исследователи [Шер, 1980, с. 60, 61; Дэвлет, 1990, с. 84]. Поэтому тематически целенаправленные исследования памятников наскального искусства следует проводить путем сплошного обследования территории.

Ориентируясь на предложения М. А. Дэвлета, в тактическом плане полевые исследования петроглифов на слабо изученной территории следует проводить в три этапа. Первые два представляют собой разные виды разведочных работ, третий предполагает стационарные исследования. Независимо от специфики исследований, они все связаны с поисковыми работами и различаются пространственными масштабами и качественным уровнем исследований. Первый, предварительный, этап представляет собой первичные исследования рекогносцировочного характера. Проводится обзорная разведка по определенному маршруту на предмет

перспективности данного региона в плане исследований памятников наскального искусства. Во время работ, как правило, охватывается широкая территория («региональная разведка» по М. А. Дэвлет [1990]).

Второй этап исследований осуществляется на основе результатов рекогносцировочных работ. Спектр внимания распространяется на локальную территорию, где зафиксировано наличие петроглифов. Объект исследований – известные памятники и территория между ними, которая осматривается путем «сплошной» разведки («тотальная разведка» по М. А. Дэвлет [1990]). На данном этапе ведется сплошное обследование скальных массивов, как с петроглифами, так и без информации о таковых.

Третий этап предполагает стационарные работы на определенном местонахождении или территориально близко расположенных памятниках (комплексе памятников). Стационарные работы преследуют своей целью получение максимально полной и всесторонней информации как об исследуемом памятнике (или комплексе памятников), так и сопряженных с ним других типах археологических объектов. Поисковые работы на данном этапе ограничиваются рамками определенного местонахождения и прилегающей непосредственно к нему территории, отличаются тщательностью исследований с использованием передовых методов и технологий выявления петроглифов, по необходимости предполагают раскопочные работы. «Рисунки могут быть скрыты под каменной осыпью, под намытым в половодье песком, под слоем почвы» [Дэвлет, 1990, с. 84]. Расчистка скальных обнажений на больших площадях в стационарных условиях показала положительные результаты на Шалаболинской писанице [Заика, 2007]. Путем расчистки выявлена интересная композиция на писанице Алды-Мозага [Дэвлет, 1998, с. 18,19].

Что касается топографической съемки объектов наскального искусства, то, как правило, в методическом плане исследователи ограничивались изложением общих принципов фиксации петроглифов на местности. Внимание в большей степени уделялось вопросам индексации наскальных рисунков [Шер, 1980, с. 61–64], это также немаловажный этап полевого изучения петроглифов. Не избежала этого и Марианна Арташировна, ориентируясь, видимо, на опыт работы с «горизонтальными

ми» объектами Верхнего Енисея [Дэвлет, 1990, с. 84, 85]. Необходимо отметить, что ее планы расположения каменных плит с рисунками отличаются довольно высокой степенью точности и информативностью [Дэвлет, 1980, вкладка]. Данные принципы спровоцировали разработку методов фиксации на местности петроглифов на часто встречаемых «вертикальных» объектах [Заика, 2006, 2013, с. 25–32; 2020; Заика, Кузнецов, 2008, с. 13–22].

Заметно большее внимание в своих работах М. А. Дэвлет уделяла вопросам копирования петроглифов и последующей их камеральной обработки, подготовке к публикации [Дэвлет, 1990, с. 86, 87; 1998, с. 19–22]. Опираясь на большой опыт работы с петроглифами Верхнего Енисея, Марианна Арташировна детально осветила разные аспекты контактного копирования наскальных изображений на различные материалы (полиэтилен, бумага разных сортов, включая микалентную), не забывая о важном этапе – подготовке каменной поверхности перед копировальными работами [Дэвлет, 1990, с. 85]. Во избежание «субъективного фактора» исследовательница предлагает неоднократное копирование одной композиции и разными авторами [Дэвлет, 1998, с. 20]. Вместе с тем она предостерегает исследователей от чрезмерного желания как можно точнее скопировать рисунки, так как любое «общение» с петроглифами наносит ущерб их сохранности [Дэвлет, 1990, с. 80, 81]. Упоминает автор и об изготовлении объемных рельефных копий из гипса или синтетических материалов, хотя и не распространяется по поводу технологических нюансов процесса [Дэвлет, 1998, с. 19].

В отличие от других исследователей Марианна Арташировна в контексте полевых копировальных работ, как указывалось выше, рассматривает вопросы камеральной обработки копий и подготовки их к публикации. Копирование контуров изображений с оригинала на белую бумагу («перебеливание») она советует выполнять через стекло с подсветкой или через копировальную бумагу желтого цвета тушью, с последующей заливкой силуэтных фигур [Дэвлет, 1990, с. 87; 1998, с. 20, 21]. Перед публикацией «отбеленные» копии перефотографируются и уменьшаются/увеличиваются до нужных размеров. Но на этом работы с копиями

не заканчиваются. Полученные фотоснимки следует сопоставить с подлинниками, то есть выехать на место и подкорректировать (если необходимо) их в полевых условиях. Это требование еще раз подчеркивает ответственное отношение Марианны Арташировны к изучению памятников наскального искусства, их популяризации.

Принципы фотофиксации наскальных рисунков достаточно полно были разработаны Я. А. Шером. Исходя из задач исследования петроглифов, он предложил три вида фотосъемки: художественная, документальная и техническая, которые подробно описал, акцентируя внимание на технологических аспектах работ [Шер, 1980, с. 71–78]. Марианна Арташировна, в контексте решения по сути тех же задач, обратила внимание на этапы и соответствующие им объекты фотографических работ: общие виды местности, памятника, участка скалы, плоскости; фото участка композиции, фигуры, ее фрагмента [Дэвлет, 1990, с. 87; 1998, с. 22]. Макросъемка (техническое фотографирование) необходима для фиксации случаев палимпсеста, следов ударов инструмента и др. Какие-либо варианты подкраски, подводки рисунков легко смываемыми пигментами исследовательница считала нежелательными.

Большое внимание М. А. Дэвлет уделяла полевому описанию памятников наскального искусства. Я. А. Шер в свое время предложил универсальную структуру описания петроглифов [Шер, 1980, с. 64–67], но при всей объективности принципы описания в данной схеме ограничиваются большей частью отдельным рисунком/фигурой на плоскости. Марианна Арташировна настаивала на том, чтобы описание памятника было максимально полным и исчерпывающим, особенно если ему грозит разрушение. Программа описания предполагает примерно ту же схему, что и при проведении фоторабот, то есть, начиная от описания/характеристики местности и заканчивая отдельным изображением и его фрагментом, где особое внимание уделяется технике выполнения рисунка (точечная выбивка, протирка, гравировка и др.). С учетом опыта работы с петроглифами Тувы была составлена таблица для обозначения параметров выбивки и гравировки, которая может помочь исследователям и в наши дни.

Точечная выбивка:

1. Число точечных выбоин – следов, оставленных орудием, на 1 см² (примерное):

- а) редкая – 1-2 точечные выбоины на 1 см²;
- б) частая – 3–6 точечных выбоин на 1 см².

2. Глубина отдельных точечных выбоин:

- а) мелкая – глубина менее 1 мм;
- б) средняя – глубина 1–3 мм;
- в) глубокая – глубина более 3 мм.

3. Размер отдельных точечных выбоин:

- а) маленькие – менее 1 мм;
- б) средние – от 1 до 3 мм;
- в) крупные – более 3 мм.

Резная техника:

1. Глубина линии:

- а) мелкая – менее 1 мм;
- б) средняя – 1-2 мм;
- в) глубокая – более 3 мм [Дэвлет, 1990, с. 88; 1998, с. 23].

При анализе техники исполнения петроглифов вполне естественно возникает вопрос о характере инструмента и материале, из которого он был изготовлен. Как правило, здесь нужна помощь специалиста-трасолога. В данном случае М. А. Дэвлет, не будучи таковым, тем не менее, делится результатами экспериментальных исследований: «Наши экспериментальные работы показали, что при использовании орудий из твердых кремнистых пород на поверхности относительно мягкой породы, к примеру песчаника, остаются следы, трудно отличимые от тех, которые оставляет металлическое орудие, особенно в тех случаях, когда кремневое орудие имеет рабочий край геометрически правильной формы, т. е. такой же, как металлическое. Медленнее снашиваются формы треугольные или подквадратные в сечении, с большими углами заострения. Орудия с тонким рабочим краем хрупкие и снашиваются быстрее ... Мы пытались проводить экспериментальные работы по выбивке и гравировке каменными орудиями изображений на обломках скал. Кремневым отщепом

или орудием за несколько минут удавалось выбить изображение козла» [Дэвлет, 1998, с. 23, 24]. Данные наблюдения необычайно важны не только для трасологических исследований, но и для более объективного понимания как стилистических, так и технических сторон развития наскального творчества, для познания «изнутри» древних актов творения.

Заключительный и немаловажный аспект в описании петроглифов – характеристика современного состояния наскальных рисунков. Причем необходимо не только указывать текущие негативные факторы, но и отмечать перспективы сохранности петроглифов и, по возможности, предлагать рекомендации по приостановке деструктивных процессов, консервации, реставрации петроглифов и в целом – их музеефикации. И, конечно же, в процессе исследования наскальных изображений надо стараться минимизировать антропогенное воздействие на них, на чем неоднократно настаивала Марианна Арташировна [Дэвлет, 1990, 1998].

Сравнительно недавно М. А. Дэвлет в очередной раз вернулась к теме методики полевых работ с петроглифами, поделившись опытом работы с ними [Дэвлет, 2017]. В рамках статьи автором так или иначе во многом продублированы ранее озвученные методические рекомендации – и, внимательно отслеживая развитие современных методов исследования наскальных рисунков, она вынуждена была признать, что представленный опыт работы с петроглифами в настоящее время «в значительной мере устарел» и «представляет интерес в основном лишь в историографическом аспекте» [Дэвлет, 2017, с. 9]. Тем не менее, нельзя забывать, что «все новое – это хорошо забытое старое». Современному исследователю игнорировать многолетний опыт предшественников ни в коем случае нельзя. Гармоничное сочетание традиций и новаций в научном исследовании непременно принесет свои позитивные плоды. Богатый опыт и принципы работы Марианны Арташировны с петроглифами во многом актуальны и сегодня, соответственно, они требуют внимательного изучения, а многие начинания – продолжения и развития.

Водохранилище Саяно-Шушенской ГЭС надолго и, видимо, безвозвратно похоронило в своих глубинах многие шедевры древнего наскального искусства народов Южной Сибири. И только благодаря добросо-

вестной и ответственной работе М. А. Дэвлет, которая постоянно совершенствовала методы изучения петроглифов, мы сегодня располагаем практически полной информацией о творчестве наших далеких предшественников, можем проникнуть в тайные глубины духовной культуры древних сибиряков, понять и познать не только то, что они делали, но и то, о чем они думали, как воспринимали окружающий их мир и определяли свое место в нем.

Библиография

- Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. Учебное пособие. М.: Высшая школа, 1980. 334 с.
- Дэвлет М. А. Петроглифы Мугур-Саргола. М.: Наука, 1980. 271 с.
- Дэвлет М. А. О методике полевого изучения наскальных изображений // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 202. М., Наука, 1990. С. 83–89.
- Дэвлет М. А. Петроглифы на дне Саянского моря (гора Алды-Мозага). М.: Памятники исторической мысли, 1998. 287 с.
- Дэвлет М. А. Из опыта копирования наскальных изображений (по материалам работы отряда по изучению петроглифов Тувинской экспедиции) // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства (1). М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 2017. С. 3–9. (Труды САИПИ; вып. XI).
- Заика А. Л. Методика полевых исследований петроглифов. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2006. 43 с.
- Заика А. Л. Петроглифы из-под руин. Шалаболинская писаница // Енисейская провинция. Альманах. Вып. 3. Красноярск, 2007. С. 24–38.
- Заика А. Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2013. 178 с.
- Заика А. Л. Полевые исследования памятников наскального искусства. Топографическая съемка и индексация петроглифов // *Universum Humanitarium*. 2020. № 1. С. 182–213.
- Заика А. Л., Кузнецов А. Л. Зимняя археология. Полевые исследования петроглифов: методическое пособие. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т, 2008. 76 с.
- Капелько В. Ф. Эстампажный метод копирования петроглифов (открытие и разработка метода) // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1986. С. 105–111.

Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск: Изд-во Красноярского гос. пед. ун-та, 1985. 192 с.

Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии. Новосибирск: Наука. 1990. 208 с.

Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М.: Наука, 1980. 327 с.

Шумкин В. Я. О некоторых способах копирования петроглифов в полевых условиях // Полевая археология мезолита – неолита. Л.: Ленинградское отделение Института археологии АН СССР, 1990. С. 117–123.

Формозов А. А. Наскальные изображения и их изучение. М.: Наука, 1987. 110 с.

Anati E. Methods of recording and analyzing rock engravings. Capo di Ponte, Italy: Centro Camuno di studi Preistorici, 1977. 61 p. (Studi Camuni; vol. 7).

A. L. Zaika

Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk, Russia

M. A. DEVLET ON THE TECHNIQUES FOR FIELD INVESTIGATIONS OF PETROGLYPHS

The author considers the contribution of M. A. Devlet into development of the techniques for field investigations of rock art sites (search, revealing, topographic mapping, photography, copying and description). He notes as well her role in the development of the rock art research in Russia.

Keywords: *M. A. Devlet, petroglyphs, rock art research, methods of field and desk-top investigations*

